

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48 2023
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (495) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Александрович Андронов* (старший) (1901–1952), советский физик, механик и математик, создатель нового направления в теории колебаний и динамике систем, талантливый деятель высшей школы.

Семья Андроновых распалась, когда дети (Саша — старший и Нина — младшая) были ещё маленькими. Все трое жили на средства деда, купца Александра Петровича Калинина. В 1907 году дед умер, и через два года Лидия Александровна вышла замуж за известного в Москве врача-гинеколога Корнелия Адамовича Липского, который хорошо относился к детям и помог дать им хорошее образование.

В детстве Саша решил, что будет врачом. Медицина ему виделась как наука, широко использующая достижения математики и физики. Поэтому, готовя себя к медицинскому поприщу, он ещё в школьные годы занялся изучением высшей математики.

В 1918 году Александр окончил в Москве трудовую школу II ступени (среднюю школу).

В 1918–1920 годах трудился рабочим-браковщиком на заводе «Пулемёт», монтером на электростанции, затем вступил добровольцем в Красную Армию, работал в военно-продовольственном отряде Латвийской Советской республики, был лектором Троицкого укрепленного района. Осенью 1920 года перенёс плеврит в тяжелой форме, был признан негодным к военной службе и в этом же году поступил в Московское высшее техническое училище (МВТУ) на электротехнический факультет, где была специализация по радиотехнике. С 1921 года одновременно с занятиями в МВТУ стал посещать лекции на физико-математическом факультете Московского университета (МГУ). Интерес к физике оказался настолько сильным, что в 1923 году он перевёлся в МГУ и окончил его в 1925 году по специальности «теоретическая физика».

В годы аспирантуры (1926–1929 гг.) под руководством выдающегося физика Л. И. Мандельштама занимался сначала статистической физикой и некоторыми вопросами квантовой механики. Затем его творческие силы сосредоточились на вопросах генерации колебаний, решение которых определило направление его дальнейшей научной деятельности.

Фундаментальная работа А. А. Андропова «Предельные циклы Пуанкаре и теория колебаний», которую он представил в качестве кандидатской диссертации, была в 1929 году опубликована в докладах Парижской академии наук. Александр Александрович заложил фундамент теории нелинейных колебаний, основным методом которой стал разработанный им метод точечных отображений.

Еще до окончания университета (с 1924 года) А. А. Андронов начал вести педагогическую работу в качестве ассистента в Московском государственном педагогическом институте, где преподавал механику и теоретическую физику. Таким образом он стал преподавателем будучи сам студентом. Эту же работу А. А. Андронов вёл и во время аспирантуры, и после её окончания, но уже как доцент. С 1929 года Александр Александрович стал на-

учным сотрудником Всесоюзного электротехнического института, а в 1930 году был зачислен в НИИ физики при Московском университете.

Во время Великой Отечественной войны (в 1941–1944 гг.) по заданиям конструкторских бюро А. А. Андронов занимался работами оборонного характера (магнитная защита кораблей, траление магнитных мин и др.). За эти работы 4 ноября 1944 года он был награждён Президиумом Верховного Совета СССР орденом Красной Звезды.

В послевоенные годы А. А. Андронов активно участвовал в работе Института автоматики и телемеханики (ИАТ) Академии наук СССР (теперь Институт проблем управления РАН).

Однако наиболее интенсивная и плодотворная деятельность А. А. Андропова как учёного, педагога и организатора развернулась в городе Горьком, куда он в 1931 году вместе с группой талантливых молодых учёных (М. Т. Грехова, В. И. Гапонов, Е. А. Леонтович, А. Г. Любина) переехал на постоянное местожительство. Руководствуясь патриотической заботой о росте отечественной науки и развитии высшего образования, А. А. Андронов рассматривал создание крупных центров науки в провинции как важнейшую государственную задачу. Ради выполнения этой задачи он и приехал работать в Горьковский исследовательский физико-технический институт (ГИФТИ) и в Горьковский государственный университет (ГГУ), профессором которого он оставался до конца жизни.

По его инициативе в ГИФТИ началась работа по созданию цифровой вычислительной машины (т. н. машина ГИФТИ), одной из первых в СССР. Хотя эта работа и не была доведена до конца, она позволила создать впоследствии в Горьковском университете первый в стране факультет вычислительной математики и кибернетики для подготовки высококвалифицированных математиков-вычислителей. Первого декабря 2023 года исполняется 60 лет со дня создания ВМК.

Александр Александрович был одним из организаторов радиофизического факультета ГГУ (1945 г.) — первого в стране факультета этого профиля.

По инициативе и под руководством А. А. Андропова в последние годы его жизни была проведена большая работа по изучению жизни и деятельности гениального русского математика Н. И. Лобачевского. Изучение, поиски многочисленных документов с несомненностью доказали, что Лобачевский родился в Нижнем Новгороде. Эти изыскания в значительной степени способствовали тому, что Нижегородский университет носит теперь имя Н. И. Лобачевского.

31 октября 1952 года А. А. Андропова не стало. Похоронен ученый на Бутровском кладбище Нижнего Новгорода. В память о нем на доме № 10 по улице Ульянова, где он работал, установлена мемориальная доска.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Мирова М. В.

Гражданско-правовое регулирование
обязательного страхования ответственности
собственников жилых помещений 363

Миткеев А. А.

Контроль как признак холдингов (группы
компаний) в контексте консолидированного
банкротства 365

Насрутдинова А. Н.

Судебный штраф: теория и практика
правоприменения 368

Немцова М. Н.

Защита чести, достоинства
и доброго имени 370

Николаева А. И.

Особенности и порядок привлечения
к административной ответственности
за правонарушения, посягающие
на права граждан 373

Орусбиев Т. Р.

Типичные следственные ситуации
на первоначальном этапе расследования
нарушений санитарно-эпидемиологических
правил 375

Павлов Б. А.

Криминологическая характеристика мелкого
хищения, совершенного лицом, подвергнутым
административному наказанию 377

Пархоменко Т. Ю.

Реализация принципа состязательности
и равноправия в упрощенном судопроизводстве
путем регламентации принципа
добросовестности сторон 379

Писарев А. А.

Актуальные проблемы правового регулирования
провозглашения вердикта присяжных
заседателей 381

Полякова К. Н.

История развития уголовной ответственности
за убийство матерью новорожденного
ребенка 382

Радыш А. А., Фаталиева Г. У.

Регулирование международных коммерческих
договоров (принципы УНИДРУА) 384

Ринчино С.

Элементы криминалистической
характеристики убийств, совершаемых
несовершеннолетними 386

Савельева Е. В., Уразова Г. Х.

История развития института усыновления
в России 388

Сальников Д. Е., Прибыткова М. Р., Шарипов А. И.

Проблемы квалификации истязания
как уголовно наказуемого деяния 390

Седанова Э. В.

История развития правового механизма охраны
водных ресурсов Великих озер 392

Седов И. И.

Понятие угрозы в российском уголовном праве
и законодательстве 394

Семенов В. А.

Особенности договора коммерческой концессии:
сравнение российского и зарубежного
законодательства 395

Семичева Н. С.

К вопросу о необходимости проведения судебно-
психологической экспертизы по гражданским
делам о защите прав несовершеннолетних 398

Симонова М. С., Цевенова А. Р.

Эффективность децентрализации
в государственном управлении землями
лесного фонда 399

Соколова Е. В.

Формализм как проблема осуществления
общественного контроля 401

Степанова Е. И. Практическая реализация имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в РФ: анализ судебной практики.....	403
Степанова А. А. Добросовестность как принцип современного российского гражданского права	405
Степанова Ю. Р. Реализация российскими гражданами конституционных прав участия в референдумах, проводимых Российской Федерацией	407
Степин К. А. Проблематика статьи 186 Уголовного кодекса Российской Федерации	408
Сыткова И. Н. Особенности исполнения акцессорных обязательств	411
Сыткова И. Н. Порядок исполнения денежного обязательства.....	413
Сыткова И. Н. Особенности исполнения альтернативных и факультативных обязательств	417
Терещенко О. И. Дифференциация уголовно-процессуальной формы	420
Теселкин С. О. Органы прокуратуры РФ как субъект уголовного преследования	423
Торгашев К. Р., Тютин Н. А. Вопросы правового регулирования заброшенных земельных участков.....	425
Уральский И. А. Определения терминов «виндикация» и «реституция»	427
Уральский И. А. О необходимости введения изменений в законодательство о порядке обращения в суды с требованиями о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности сделки.....	430

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гражданско-правовое регулирование обязательного страхования ответственности собственников жилых помещений

Мирова Милана Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье автор исследует особенности обязательного страхования ответственности собственников жилых помещений.

Ключевые слова: страхование, недвижимость, договор, собственник, гражданская ответственность, квартира, страховой полис, залоговая недвижимость.

Civil law regulation of compulsory liability insurance of owners of residential premises

Author explores the features of compulsory liability insurance for owners of residential premises.

Keywords: insurance, real estate, contract, owner, civil liability, apartment, insurance policy, mortgaged property.

В России существует несколько видов страхования гражданской ответственности и обычно речь идет о добровольной процедуре. Ситуация несколько меняется при оформлении ипотечного кредита, где квартира или дом выступают в роли объекта договора. Также свои особенности имеет страхование жилья при наступлении ЧС.

Заложенное имущество всегда несет определенные риски для кредитора, поэтому страхование гражданской ответственности является — обязательной процедурой. Рассмотрим особенности данного вида страхования и правовое регулирование услуги.

Виды страхования жилых помещений

Стоит отметить, что квартира и любые другие жилые помещения могут выступать в роли объекта договора, так как при эксплуатации ущерб может быть причинен третьими лицами. Речь идет о независимых от собственника факторах:

- пожары и потопы;
- стихийные бедствия;
- утечка газа;
- техногенные катастрофы;

— порча имущества со стороны третьих лиц и т.д.

Разумеется, собственники жилья вправе самостоятельно выбирать страховой полис гражданской ответственности, если мы говорим о добровольной системе страхования. При выборе ипотечного жилья или недвижимости, которая находится в залоге (залоговые кредиты), вступает в законную силу Федеральный закон № 107-ФЗ от 16.07.1998 (последняя редакция от 20.10.2022) «Об ипотеке», а также залогом имущество.

На заметку. В статье 31 действующего закона сказано, что страховой полис для залоговых объектов является обязательным, где права и обязанности сторон обеспечиваются двухсторонним договором. Подобного рода договоры заключаются в пользу держателя залогового имущества, то есть кредитора.

Проще говоря, гражданско-правовое регулирование обязательного страхования работает в пользу кредитных организаций, если иное не предусмотрено законом и нормами договора. Недвижимость страхуют от вышеописанных рисков, а также незаконных действий третьих лиц. Если заемщик лишается залоговой собственности, ему не придется выплачивать долг перед банком, так как страховая обязуется покрыть все издержки.

Также стоит обратить внимание на главу 48 ГК РФ «Страхование», где прописаны основные и правообразующие положения, связанные с заключением добровольного и обязательного страхования.

По состоянию на 2023 год, страхование недвижимости в обязательном порядке действует только в пользу ипотечного жилья. Однако в 2019 году в России разрабатывался законопроект «Об обязательном страховании жилья» на случай компенсации ущерба при наступлении стихийного бедствия или ЧС.

Новый закон о страховании

Федеральный закон № 320-ФЗ от 03.08.2018 вступил в законную силу 4 августа 2019 года. С этим нормативно-правовым актом было связано несколько заблуждений. В частности, отдельные эксперты заявляли, что закон направлен на формирование системы обязательного страхования жилья для всех собственников, однако это не так.

Суть закона № 320-ФЗ заключается в популяризации процедуры добровольного страхования и повышения уровня гражданской ответственности. Власти регионов и субъектов Российской Федерации получили расширенные права и могут разрабатывать собственные программы страхования, в том числе от ЧС. Фактически система страхования недвижимости осталась прежней: при страховании часть ущерба компенсируется из бюджета, часть — за счет страхового полиса.

Собственник недвижимости вправе выбрать любой полис и может рассчитывать на компенсации при наступлении ущерба. Кроме того, в закон добавили изменения, связанные с упрощением процедуры:

1. Страховые платежи могут быть включены в платежи ЖКУ.
2. Страховать или нет жилье, собственник решает самостоятельно.
3. При отсутствии страховки собственник не получает компенсации.

Данная программа была разработана с учетом московского опыта, где уже несколько лет функционируют страховые механизмы и инструменты. Прежде всего — это более доступный и понятный для населения договор. Местные власти получают полную свободу действий в плане разработки собственных программ, в том числе создание предложений, от которых невозможно отказаться.

Особенности обязательного страхования

Недвижимость, приобретенная за кредитные средства — в 99% случаев является залоговой. Банк и любая другая финансово-кредитная организация сталкивается с повышенными рисками, поэтому законом были предусмотрены нормы обязательного страхования жилого имущества. Кредитор получает определенные гарантии того, что в случае наступления ЧС или других обстоятельств, он сможет получить выплаты.

Соответственно, это правило не применяется при покупке недвижимости за собственные, а не заемные средства. Также

обязанность в страховании не возникает, если квартира находится на этапе строительства, отмечают юристы.

На заметку. Страхование возможно только после сдачи объекта в эксплуатацию. Жилой комплекс построен, введен в эксплуатацию, а покупателям выданы ключи. До этого момента объект долевого строительства обязан быть застрахован компанией-застройщиком.

Возложить на собственника обязанность страховать имущество, принадлежащее по закону — не представляется возможным. Об этом говорит пункт статьи 935 ГК РФ. Однако залоговое имущество не относится к собственности заемщика до момента, пока он полностью не погасит кредитные обязательства.

Договор страхования при любой форме ответственности может быть заключен только в письменном виде — статья 940 ГК РФ. При несоблюдении этого требования документ будет считаться недействительным, как и устное согласие застраховать недвижимость.

Процедура страхования жилья обычно происходит по следующей схеме:

1. Заемщик подает документы в банк и получает одобрение.
2. Выбирает одну из допущенных банком страховых компаний.
3. Кредитор отправляет оценочный альбом страховщику.
4. Заемщик получает информацию о стоимости полиса и условиях.

И тут важно учитывать, что многие банки пытаются навязать определенные условия страхования, мотивируя тем, что при выборе другой компании, условия кредитования меняются. Однако это лишь введение заемщика в заблуждение. По закону клиент имеет право выбрать любую страховую, если она официально работает с кредитором.

Крайне не рекомендуется оформлять обязательный страховой полис до получения одобрения ипотечного кредита: если сделка срывается, а страховку уже оплатили, то будет проблематично вернуть средства.

Стоимость страхового полиса рассчитывается с учетом множества параметров. При рассмотрении оценочного альбома страховой агент будет использовать:

- данные выписки из ЕГРН;
- план жилого здания;
- месторасположение квартиры и дома;
- год постройки;
- наличие возможных факторов риска.

Как правило, стоимость составляет от 0.1 до 1% от размера страховой выплаты. При этом гражданско-правовое регулирование происходит в рамках действующего законодательства и пунктов договора.

Многие страховые компании прописывают в договорах дополнительные требования и исключения, при которых выплаты не осуществляются.

Например:

- передача недостоверной информации о жилом объекте;
- неполная оплата страхового взноса;
- несоблюдение правил и норм эксплуатации объекта;

— проведение незаконной перепланировки, передача квартиры третьим лицам и т.п.

Страхование гражданской ответственности собственника жилья является важным этапом и нормой при оформлении

ипотечного жилья. Необходимо учитывать все нормативно-правовые акты и законы, позволяющие защититься от действий недобросовестных страховых и гарантированно доказать свою правоту в судебном порядке.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 320-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ).
4. Федеральный закон № 107-ФЗ от 16.07.1998 «Об ипотеке» (последняя редакция от 20.10.2022).
5. Брызгалин, А.В. Единый социальный налог. Обязательное страхование, 2018 г.
6. РБК Недвижимость «Обязательное страхование» от 22.07.2021.
7. Юридический советник «Страхование гражданской ответственности собственника квартиры» от 27.11.2018.
8. КонсультантПлюс «В каких случаях недвижимость обязательно нужно страховать», 2023 г.

Контроль как признак холдингов (группы компаний) в контексте консолидированного банкротства

Миткеев Арсений Александрович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается понятие «контроль» как один из признаков холдинга (группы компаний) и его выявление в контексте консолидированного банкротства. Автором изучаются понятия «холдинг», «холдинговая компания» и «контроль» в отечественной и зарубежной литературе и практике. Изучение практики, законодательства, точек зрения авторов как отечественных, так и зарубежных, позволило выделить признаки контроля, как одного из структурных элементов группы компаний, а также его значение в контексте консолидированного банкротства.

Ключевые слова: контроль, группа компаний, юридическое лицо, холдинг, холдинговая компания, корпоративный контроль, консолидированное банкротство, консолидация.

Control as a sign of holdings (groups companies) in the context of consolidated bankruptcy

The article discusses the concept of «control» as one of the features of a holding company (group of companies), and its identification in the context of consolidated bankruptcy. The author studies the concepts of «holding», «holding company» and «control» in domestic and foreign literature and practice. The study of practice, legislation, points of view of authors both domestic and foreign, allowed us to identify signs of control as one of the structural elements of the group of companies, as well as its significance in the context of consolidated bankruptcy.

Keywords: control, group of companies, legal entity, holding company, holding company, corporate control, consolidated bankruptcy, consolidation.

Одной из тенденций XXI века стали интеграционные процессы в экономике, а именно слияние нескольких хозяйствующих субъектов в одну группу — группу компаний или холдинги. Такая организационная структура бизнеса позволяет привлечь инвестиции и, при этом, сохранить корпоративное управление, распределить риски, повысить стабильность и устойчивость структуры, извлекать больше прибыли и получать иные преференции. В основе такого объединения лежат отношения экономической зависимости членов

группы друг от друга и контроля, фактического и (или) юридического, одного (одних) над другими. С другой стороны, помимо множества плюсов, холдинги имеют и минусы. Еще одной тенденцией последних лет стала доктринальная и законодательная проработка механизмов консолидированного банкротства группы компаний, как в России, так и за рубежом. Именно в данном контексте контроль, как признак, наряду с общим экономическим интересом, выделяется учеными и позволяет выделить группу компаний для приме-

нения механизма консолидации, как процессуальной, так и материальной.

Настоящее исследование направлено на изучения такого явления, как контроль в холдинговой структуре. Контроль одного хозяйствующего субъекта над другими, позволяет говорить о группе таких компаний, что также является и одним из ее признаков, выделение которого необходимо в контексте консолидированного банкротства.

Контроль, как явление, связанное в первую очередь с корпоративным правом, следует рассмотреть через определение холдинга. В России понятие холдинга не определено надлежащим образом, в связи с чем отсутствует единообразное понимание данного явления [5, с. 1]. Так, например, в Законе РФ от 3 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» было указано, что Государственный комитет по управлению государственным имуществом и аналогичные комитеты субъектов, должны были содействовать в создании холдинговых компаний. Можно сказать, что это было первым употреблением термина «холдинг» в российском законодательстве, однако он отличается от термина «холдинговая компания». Само определение термина было дано в Указе Президента РФ от 16 ноября 1992 г. № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» и сводилось к пониманию такой компании, как материнского (основного общества), а не группы организаций, образующих холдинговую структуру. При этом, в других нормативных правовых актах РФ, например в ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее: ФЗ «О банкротстве»), в п. 3 ст. 64 холдинговая компания понимается как объединение юридических лиц. Также встречаются нормативные акты, в которых понятия «холдинг» и «холдинговая компания» употребляются в рамках одного акта, но в разных значениях [5, с. 3].

В судебной практике, например в Постановлении Пленума ВАС от 3 марта 1999 г. № 4 «О некоторых вопросах, связанных с обращением взыскания на акции», также отсутствует единообразие в подходе к определению понятия холдинговой компании. Так в рамках одного акта под холдинговой компанией, с одной стороны, понимается акционерное общество, с другой стороны, она понимается как единый экономический комплекс с входящими в него дочерними обществами [6].

За рубежом ситуация иная. В Великобритании, в Законе о компаниях от 1989 г. холдинг определяется через группу критериев, определяющих зависимость одной компании (дочерней) от другой, или выявляющих холдинг при наличии нескольких условий, главным образом связанных с наличием экономической власти холдинга над другой компанией и осуществлением им контроля над ней [5, с. 1]. В Германии холдинговая компания представляет собой концерн — господствующее предприятие, включающее в себя объединение самостоятельных предприятий, связанных между собой рядом соглашений об участии и сотрудничестве [4, с. 2]. Во Франции, в литературе и на практике среди объединений юридических лиц различают группы холдингового типа, холдинговые группы и просто холдинги.

В общем и целом, за рубежом, в доктрине и в практике, при распространённости «холдингов» и «холдинговых компаний»

данные термины используются не только для обозначения головной компании, но и для совокупности юридических лиц, объединённых холдинговыми связями.

Выводы, сделанные при изучении понятия «холдинг» и «холдинговая компания», в рамках данного исследования применимы и к понятию «группа компаний», хотя при наличии некоторых условий данные понятия можно разграничить по характеру связей внутри объединения юридических лиц.

В контексте консолидированного банкротства, под контролем следует понимать возможность лица (лиц) определять, направления деятельности другого лица (лиц), оказывать влияние на принятие им (ими) решений [1, с. 49]. Контроль является одним из ключевых элементов в природе функционирования как корпоративного управления в рамках одного юридического лица, так и группы компаний.

Изначально отношения подчиненности между компаниями выявлялись по юридическим критериям, например владение одним лицом капиталом другого, иными словами по наличию дочерних отношений между ними [2, с. 201]. Впоследствии в зарубежных правовых системах стали происходить изменения в нормативном регулировании направленные на выявление фактического контроля в отношениях внутри группы компаний. Например, в 1998 г. в Австралии при реформе корпоративного права указывали, что выявление контроля должно опираться не столько на формальные правила, сколько соответствовать коммерческим реалиям. Такой же подход избрали в США, дополнив формальные стандарты функциональными, концентрирующимися на выявлении фактических властных отношений в корпорациях [1, с. 50]. Стоит при этом заметить, что нормативное регулирование не изменяло стандарты выявления контроля, а дополняло их. Контроль более широкая категория, соответственно он может выявляться как через отношения дочерности, так и через выявление фактической возможности одного лица оказывать влияние на деятельность другого, подконтрольного лица. При этом контроль всегда выступает в качестве факта, заключающегося в возможности одного лица оказывать влияние на одно или несколько лиц (в рамках группы компаний) [1, с. 51].

По вопросу определения контроля как факта, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 декабря 2017 г. № 53, разъяснил, что главным фактором является фактическая возможность контролирующего лица давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия [7]. В этом же постановлении указывается на перечень лиц, приведенный в ст. 61.10 ФЗ «О банкротстве, в отношении которых действует презумпция осуществления ими контроля над должником. Данные выводы сделаны относительно корпоративного контроля в рамках одной корпорации, когда контролирующих должника лиц назначают держатели крупных пакетов акций или долей на общем собрании. Однако контроль не всегда осуществляют номинальные держатели крупных активов, контроль может переместиться к другим лицам, которые будут контролировать первых. То есть контроль всегда находится либо у акционеров (участников), либо у тех, кто их контролирует. Отсюда вытекает один из ключевых признаков контроля — возможность выбора контролирующей корпорации лиц [3, с. 1].

Еще одним важным признаком контроля является возможность определения судьбы прибыли, получаемой корпорацией. При этом, например действующий ФЗ «О банкротстве» исходит из негативной коннотации данного признака, указывая, что лицо, извлекающее выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 Гражданского Кодекса РФ, признается контролирующим должника лицом. Иными словами, работа корпорации может быть организована таким образом, что снаружи такая деятельность будет представляться явно убыточной, а внутри, прибыль от нее будет выводиться в пользу других лиц в обход корпоративных процедур, таких как распределение прибыли между участниками [1, с. 56]. Подобная ситуация стала предметом рассмотрения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. В данном деле уполномоченный орган указывал на искусственный вывод прибыли из общества по договорам толинга, оказывая подрядные услуги своему аффилированному лицу. Как итог, у должника большие убытки и задолженности перед бюджетом, а у аффилированного лица — приумноженная за счет этого прибыль [8].

Контроль в группе компаний имеет некоторые особенности в отличие от классического корпоративного контроля. Контроль, как явление, предполагает наличие контролирующего и подчиненного лица — двух субъектов, как минимум, следовательно, когда два этих субъекта являются корпорациями, речь идет именно о контроле в группе компаний [1, с. 58].

Следующая особенность обусловлена тем, что контроль внутри группы компаний подразумевает распределение ролей и функций между ее участниками. При этом, несмотря на существование некой формальной структуры внутри группы, экономические реалии и потребности могут оказывать существенное влияние на такую структуру, в связи с чем, в группах появляются так называемые «центры прибыли» и «центры убытков». Например, Арбитражным судом Республики Башкортостан было рассмотрено дело, в котором группой лиц была создана модель ведения бизнеса с разделением на рисковые части «центры убытков», на которые возлагались все расходы и безрисковые «центры прибылей». Суд также отметил, что все компании, в данной группе, контролировались одними и теми же лицами [9]. Также, как справедливо отмечает Горбашев И. В., в отношении дочернего общества контроль, обычно, реализуется командой менеджеров из вышестоящей компании, а не органами управления подконтрольного общества [1, с. 59].

В литературе, как в российской, так и в зарубежной существует определенная классификация групп компаний, по критерию силы влияния контролирующего лица на дочернюю ор-

ганизацию. Так за рубежом выделяют автономные дочерние структуры, координируемые и полностью подконтрольные. В российской литературе такая классификация включает структуры, построенные по горизонтальному и вертикальному принципу. В горизонтальных структурах члены группы владеют активами друг друга, в вертикальных — одно лицо осуществляет контроль над остальными членами группы [4, с. 4].

Исходя из того, что дочернее общество может управляться из вышестоящей компании, соответственно, принятие решений, одобрение сделок и прочие вопросы есть компетенция контролирующего лица, в отношении последнего, действующим законодательством, предусмотрена ответственность за его действия. Так, например, статьей 67.3 ГК РФ установлено, что основное общество несет солидарную ответственность по сделкам, заключенным дочерним, если такие сделки были заключены во исполнение указаний или с согласия основного общества. Если же такие сделки привели дочернее общество к банкротству, то основное общество будет нести субсидиарную ответственность, то есть как контролирующее должника лицо. Конституционный Суд в Определении от 15 ноября 2007 г. № 846-О-О указал, что для привлечения основного общества к субсидиарной ответственности, наличие формально закрепленного за ним права влиять на деятельность дочернего общества может не иметь решающего значения, так как в соответствии с ФЗ «Об акционерных обществах» необходимо, чтобы право влияния основного общества было закреплено, а также, помимо этого, необходимо доказать его вину [10].

Соответственно, если таких должников — «дочек» несколько, то основное общество так же может оказаться на грани банкротства, в этом случае, с учетом того, что именно в результате действий основного общества, большая часть или вся группа впадала в банкротство, пока что в теории, может быть задействован механизм консолидированного банкротства.

Подводя итог, можно сказать, что контроль представляет собой некую власть, господство как внутри корпорации, так и на уровне группы компаний, которая позволяет определять и назначать контролирующих лиц (например, директоров), определять судьбу прибыли, получаемой внутри группы, влиять на принятие решений по сделкам контролируемого лица и так далее. Контроль представляет собой важный фактор функционирования современного бизнеса, который в последние десятилетия имеет тенденцию к консолидации и укрупнению. Также контроль выступает как один из признаков группы компаний, выявление, которого необходимо в контексте консолидированного банкротства.

Литература:

1. Горбашев, И. В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 200 с. URL: https://usla.ru/science/dissovet/file/base/5/560/dissert_dl.pdf (дата обращения 05.06.2023).
2. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: «Статус», 2004. — 363 с.
3. Сарбаш, С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 1–6.
4. Суханов, ЕА. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 1–8. СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=108511#-jplHVgTcGp4b3UoH1> (дата обращения: 05.06.2023).

5. Шиткина, И. С. Холдинги: правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний: монография / И. С. Шиткина. — М.: Волтерс Клувер, 2008. 552 с.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 03.03.1999 № 4 «О некоторых вопросах, связанных с обращением взыскания на акции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22324/ (дата обращения: 05.06.2023).
7. Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/26272/> (дата обращения: 05.06.2023).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfl.ru/stor_pdf_ec.php?id=1915724 (дата обращения: 06.06.2023).
9. Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 10.03.2020 г. № А07-28088/2019 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/hZyvozgY1US/> (дата обращения: 06.06.2023).
10. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 846-О-О // «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685449/> (дата обращения: 06.06.2023).

Судебный штраф: теория и практика правоприменения

Насрутдинова Алина Ниловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Актуальность данной темы определяется тем, что штраф, выступая одним из видов уголовного наказания, применяется намного чаще, чем иные виды наказаний.

Применение судебного штрафа распространено не только в Российской Федерации, но и в множестве других стран мира, и занимает ведущее место среди основных видов наказания.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) штраф выступает не только видом уголовного наказания, но и мерой освобождения от уголовной ответственности, что создает в правоприменительной практике правовую коллизию. В связи с этим возникают дискуссии относительно того, как можно говорить о том, что штраф является видом уголовного наказания, если его применение также связывают и с освобождением от уголовной ответственности.

Это связано с тем, что в уголовном законодательстве отсутствует единое определение такого понятия как «штраф», а также данное понятие используется в качестве двух разных ролей: как иная мера уголовно-правового характера и как мера освобождения от уголовной ответственности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что актуальность данной темы не вызывает сомнений и всестороннее исследование института судебного штрафа обладает как теоретической, так и практической значимостью, а предложения по совершенствованию данного института смогли бы оказать значительное влияние эффективному применению судебного штрафа.

На сегодняшний день множество стран мира следуют принципу восстановительного правосудия, который представляет собой разумное и справедливое ограничение права лица, совершившего преступление и полное удовлетворение интересов потерпевшего. В связи с этим, государства различных стран мира в своих уголовных и уголовно-процессуальных законодательствах принимают положения об альтернативных мерах

уголовно-правового характера, которые учитывают не только интересы участников уголовного судопроизводства, но и минимальные издержки процесса «уголовной репрессии» в отношении осужденного.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 3 июля 2016 № 323-ФЗ был введен новый вид освобождения от уголовной ответственности — с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) и закрепление новой иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (Глава 15.2 УК РФ).

В соответствии со ст. 104.4 УК РФ судебный штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ.

Согласно ст. 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Законодатель, закрепляя в действующем законодательстве институт судебного штрафа, преследовал определенные цели. Однако прежде чем рассматривать данный институт и раскрывать его цели, нам необходимо определить его сущность. Так, институт судебного штрафа обладает «двойственной» правовой природой, поскольку судебный штраф выступает не только иной мерой уголовно-правового характера, но и видом освобождения от уголовной ответственности.

Под целью данного уголовно-правового института следует понимать оптимальный возможный результат, на достижение которого направлено применение норм о судебном штрафе.

Цели судебного штрафа трактуются авторами по-разному, в связи с чем, данный вопрос остается дискуссионным. К примеру, некоторые авторы утверждают, что цели судебного штрафа аналогичны целям штрафа как наказания, среди которых выделяют такие цели как: исправление лица, совершившего преступление; предупреждение совершения новых преступлений; восстановление нарушенных прав потерпевшего, компенсация затраченных средств на судопроизводство, а также социальная, способствующая снижению числа осужденных лиц. Необходимо отметить, что достижение вышеуказанных целей осуществляется не принуждением со стороны государства, а путем добровольного исполнения назначенной судом иной меры уголовно-правового характера, что определяет ценность рассматриваемого института для уголовного права.

Несмотря на то, что цель восстановления социальной справедливости относится к целям уголовного наказания, по мнению Н. Н. Апостоловой, «назначение судебного штрафа способствует восстановлению социальной справедливости и оказывает исправительное воздействие на лицо, которое бы удерживало его от совершения новых преступлений».

Другие авторы напротив считают, что цель восстановления социальной справедливости не может быть достигнута путем назначения судебного штрафа.

К примеру, Н. А. Егорова считает, что «восстановление социальной справедливости — это интегрирующее понятие, и истолковывается как соразмерность применяемой уголовно-правовой меры совершенному преступлению, неотвратимость, учет интересов потерпевшего, а примирение с потерпевшим и раскаяние виновного лица не являются обязательными условиями при применении положений о судебном штрафе, в связи с этим освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не может рассматриваться как справедливая мера».

По моему мнению, судебный штраф, являясь иной мерой уголовно-правового характера, исполнение которой носит добровольный характер, не может рассматриваться в качестве своей цели восстановления социальной справедливости.

Таким образом, говоря о целях судебного штрафа, мы можем сделать вывод о том, что институт судебного штрафа включает в себя особую социальную сущность, благодаря которой законодатель достигает поставленных целей, а также имеет «компромиссный характер». Такая компромиссная природа, рассматриваемого нами института, имеет ряд преимуществ не только для виновного, но и для всех участников уголовного судопроизводства.

Проблема разрешения уголовно-правовых споров между правонарушителем и пострадавшим лицом сводится к его оптимизации. Государство стремится свести к минимуму последствия совершенного преступления путем применения менее строгих мер уголовно-правового характера и иных принудительных мер.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что за виновным, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, закрепляется судимость, влекущая социально-правовые последствия не только для виновного, но и для его родственников, тем самым реализуя роль исправления поведения осужденного лица.

В связи с установлением законодательством страны оснований для освобождения от уголовной ответственности, мы можем говорить о том, что целью данного факта является реализация принципа индивидуализации уголовной ответственности, рассматривая то или иное преступление, следует учитывать и такие факторы как: цель преступления, его мотив, имелся ли умысел, способ совершения преступления, а также степень его общественной опасности.

Изучая судебную практику и анализируя статистические данные, можно увидеть, что применение судебного штрафа в отношении виновных лиц становится всё больше.

Таким образом, стремление к реализации принципа гуманизма, способствует виновному лицу избежать такого правового последствия как судимость. Судимость, влечет социально-правовые последствия не только для виновного, но и для его родственников.

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что применение такой уголовно-правовой меры как судебный штраф, способствует уменьшению числа лиц с судимостью, и позволяет государству пополнить государственный бюджет, тем самым сократить расходы на содержание лиц, которые были осуждены к лишению свободы. Лицо, пострадавшее от действий виновного также не будет иметь никаких претензий, поскольку причиненный вред будет возмещен. В связи с этим, социальная значимость судебного штрафа велика, поскольку оказывает большое влияние на исправление осужденного.

На мой взгляд, необходимо конкретизировать положение о праве выбора решения судом и указать, в каких конкретно случаях и при каких обстоятельствах суд имеет право отказать в применении данной меры. Такими обстоятельствами, являются те которые могут охарактеризовать подсудимого как лицо, которое не исправилось и не заслужило применение данной меры, даже несмотря на то, что подсудимый возместил нанесенный ущерб или иным образом сгладил его.

Также считаю, что необходимо исключить возможность применения судебного штрафа в качестве освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших повторное преступление. По аналогии со сроком давности привлечения к уголовной ответственности, было бы правильно ограничить действие такого запрета определенным периодом времени.

Таким образом, рассмотренные выше проблемы, а также перечень вопросов относительно сущности и правовой природы отдельных аспектов реализации освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не исчерпывается. В связи с этим, необходимо установить соответствующие ограничения и некоторые положения на законодательном уровне.

Анализируя судебную практику о назначении судебного штрафа и соответствующие уголовно-процессуальные нормы, можно обозначить ряд иных проблем, требующих решения.

В некоторых случаях, суд, принимая решение об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, не принимает во внимание обязательные основания для прекращения уголовного дела, которые отражены в примечаниях соответствующих статей УК РФ, что противоречит требованиям п. 2

ч. 5 ст. 446 УПК РФ. В данном случае, прокурору необходимо воспользоваться правом опротестования судебных решений.

По нашему мнению, одной из серьезных проблем, выступает возможность освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ, лиц, совершивших впервые любое преступление небольшой или средней тяжести, в том числе, преступление с формальным составом.

Заглаживание вреда и возмещение ущерба может осуществляться любыми способами. Применение иной уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа не всегда способствует осуществлению превентивных функций.

Таким образом, в связи с тем, что целью уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов потерпевших, а также предупреждение совершения новых преступлений, и, на мой взгляд, применение судебного штрафа, в отношении лиц, совершивших некоторые преступления, следует ограничить.

Однако стоит отметить, что введение таких дополнений в рассматриваемый нами институт, может создать некоторые проблемы, поскольку институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа станет аналогом освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, предусмотренного ст. 75 УК РФ, так как он будет иметь общие черты, что может осложнить понимание некоторых положений.

Еще один вопрос, который хотелось бы затронуть, касается минимального размера судебного штрафа. В соответствии с п. 2

ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности.

Законом определен лишь максимальный размер судебного штрафа, который составляет не более двухсот пятидесяти тысяч рублей, а минимальный размер судебного штрафа, назначаемого в порядке ст. 76.2 УК РФ, статьей 104.5 УК РФ не установлен.

Исходя из этого, гипотетически, минимальный размер судебного штрафа может составлять от одного рубля, и выше. Однако если исходить из максимального размера судебного штрафа и системности уголовно-правового регулирования, на мой взгляд, при определении минимального размера, следует ориентироваться на половину минимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В связи с этим, хотелось бы решить эту проблему путем законодательного закрепления минимального размера судебного штрафа.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что применение судебного штрафа имеет свои плюсы и минусы. Предложенные пути совершения института судебного штрафа будут способствовать развитию восстановительного правосудия, предупреждению совершения новых преступлений, а также исправлению лица, виновного в совершении преступления, что окажет положительное влияние на социальную культуру общества и ее качественную характеристику. Судебный штраф выступает относительно новым явлением в рамках уголовного законодательства, который порождает множество различных вопросов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ.
4. Акутаев Р.М. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект // Российская юстиция. — 2018. — № 1. — С. 25–30.
5. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. — 2016. — № 10. — С. 34–37.
6. Ворожцов С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Мировой судья. — 2017. — № 11. — С. 15–23.
7. Егорова Н. А. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: теоретический, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский журнал правовых исследований. — 2017. — № 3 (12). — С. 158–166.

Защита чести, достоинства и доброго имени

Немцова Мария Николаевна, главный специалист
Отдел социальной защиты населения района Бирюлево Восточное (г. Москва)

Что делает человека человеком? Честь, достоинство, уважение, мораль, все то, что невозможно измерить, невозможно взвесить, а также невозможно понять (оценить) глубину травмы личности при оскорблении, либо унижении этих моральных качеств человека.

Обратившись к толковому словарю Сергея Ивановича Ожегова честь — это достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы; хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя; целомудрие, непорочность; почёт и уважение.

Как писал Ф.М. Достоевский «Не сильные лучшие, а честные. Честь и собственное достоинство — превыше всего».

Развитие личности существует на протяжении существования всего человечества.

Еще в Древнем Риме в Законах XII таблиц (кодификация римского права) за посягательство на честь и достоинство человека, такие как клевета и оскорбление, предусматривалось жестокое наказание — смертная казнь [1]. Однако, понятие чести означало полноправие: не будучи римским гражданином, человек не мог обладать честью.

Ценность человека в Древнем Риме определялась исключительно его принадлежностью к государству. Причем понятия чести и достоинства относились только к свободным гражданам. Раб не считался человеком и поэтому не имел ни человеческого, ни гражданского достоинства [2].

В современном мире же ценность чести и достоинства приобрели безусловного признания. Так, к примеру, О.В. Власова в своей научной работе пояснила, что «признание ценности человеческой личности, уважение ее достоинства органически взаимосвязано с требованиями гуманизма. Право на достоинство принадлежит каждому, за человеком признается его безусловное достоинство уже в силу факта рождения. Этот нормативный смысл достоинства присущ в том числе и младенцам, душевнобольным, лежащим в коме пациентам. Можно по-разному оценивать конкретного человека, и, как бы он сам к себе ни относился, уже в силу своего существования он представляет собой высшую ценность в глазах всех других, в глазах государства и общества. Никто не может быть вычеркнут из списка людей, лишен человеческого достоинства» [3].

Таким образом честь и достоинство человека имеет высшую ценность для самого человека и должно охраняться законом.

В соответствии со статьями 23 и 46 Конституции Российской Федерации каждый человек имеет право на защиту своей чести и доброго имени, а также установленное статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных, не соответствующих действительности порочащих сведений является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24.02.2005 отмечается, что суды России в основном правильно, с соблюдением требований, предусмотренных статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, рассматривают дела данной категории. Вместе с тем в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней в судебной практике возникли вопросы, требующие разрешения, а именно:

«Принимая во внимание конституционные положения, суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами — свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно

искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации) — с другой.

Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем чтобы они не стали известными третьим лицам.

При этом, следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [4].

В случае, если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию человека, на лицо может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного человеку оскорблением (статья 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Однако в рамках проводимой реформы в гражданском законодательстве внесены некоторые коррективы, в частности в норму, определяющую дополнительные способы защиты нарушенных прав гражданина: принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (пункт 2 статьи 150 Гражданский кодекс Российской Федерации).

Как же все-таки рассчитывается определить степень глубины морального вреда при рассмотрении дел о защите чести и достоинстве?

Определение степени глубины морального вреда, при защите чести и достоинства, а именно глубины перенесенных физических и нравственных страданий, вызванных распространением порочащих сведений, является важнейшим моментом при определении размера его компенсации.

Инструмента для точного измерения глубины или степени страданий не существует, также не существует инструмента или формулы для вычисления денежного размера или эквивалента причиненного вреда.

В соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации размер компенсации морального вреда определяется судом. Значит суд должен путем оценки представленных доказательств сторон, путем проведения экспертиз и анализа полученных сведений установить объем, глубину и искренность страданий, понесенных лицом в случае распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Четкой формулы вычисления этих характеристик морального вреда нет, да, наверное, и невозможно их составить. Денежному исчислению может подлежать только компенсация причиненного вреда.

Нравственные страдания выражаются в претерпевании стыда, унижения, возникновении неприятных переживаний, затрагивающих эмоциональное состояние человека, наносящее вред его психическому благополучию.

Для примера приведем решение Чусовского городского суда Пермского края по гражданскому делу № 2–1035/2021 по иску с. к ответчику К. И. о компенсации морального вреда в размере 1 000 000 рублей в порядке защиты чести им достоинства.

Обстоятельства дела в следующем, утром во дворе дома, ответчик применил к истцу электрошокер, а также в общественном месте, в районе детской площадки, под окнами многоэтажного дома обозвал нецензурной лексикой, что является тяжким оскорблением для него, очевидцем является супруга истца.

Из пояснений истца, высказанное ответчиком оскорбление является позорнейшим репутационным пятном для человека относительно общепринятых норм морально-нравственного поведения. После этого, практически пять лет, истец страдает бессонницей от воспоминаний произошедшего, впадает в ярость от напоминаний о своей беспомощности со стороны посвященных в эти события лиц, ответчик не ответил за свои действия, в отношении него, с психологом поставлен диагноз.

Из пояснений ответчика установлено следующее, оскорбления были адресованы лично истцу, а не третьим лицам. Тем самым К. И. высказал личное мнение об истце в эмоциях, умысла на оскорбление с. у истца не имелось. К. — очевидец событий, не слышала, как муж выразил свое личное мнение в отношении истца. Отсутствуют основания для удовлетворения иска о защите чести и достоинства. Кроме того, истцом не доказан факт причинения нравственных страданий, каких-либо негативных последствий от действий ответчика, так как описываемые истцом последствия нравственных страданий, такие как бессонница, наличие социальной дезадаптации, диагноза энцефалопатия, ранее, истцом заявлялись в качестве последствий от применения электрошокера, в рамках гражданского дела по которому вынесено решение Чусовским городским судом адрес от дата, в соответствии с которым в пользу истца уже взыскана компенсация морального вреда.

Заслушав стороны, исследовав материалы дела, материалы доследственных проверок, истребованных по ходатайству истца, материал по факту привлечения К. И. к администра-

тивной ответственности по статье 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, суд приходит к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом (часть 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Решением суда в исковых требованиях было отказано. Суд ссылаясь на отсутствие факта подтверждающего безусловного и бесспорного распространения ответчиком порочащих истца сведений третьим лицам, в то время как именно этими обстоятельствами истец обосновывает нравственные страдания и возникновение заболевания [5].

Судебная практика свидетельствует о том, что истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, требуя компенсации причиненного им морального вреда, не обосновывали, как правило, заявленную сумму, а ограничивались лишь ссылкой на ухудшение состояния здоровья, душевные волнения и переживания.

В соответствии со статьей 151, пунктом 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации размер компенсации определяется судом, при этом суд не связан той величиной компенсации, на которой настаивает истец, а исходит из требований разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения, то есть из основополагающих принципов, предполагающих баланс интересов, соответствие поведения участников правоотношений принятым в обществе нормам поведения [6].

Резюмируя, можно сказать, что определение характера сведений, особенно их порочащий характер, достаточно сложный и трудоемкий процесс, не все судьи обладают такой способностью.

При этом рассматривая данную категорию дел, судьи часто прибегают к практике Европейского суда по правам человека.

Однако основная причина отказа в удовлетворении требований — недоказанность со стороны истца порочности сведений. В соответствии с п. 9 Постановления Практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 именно истец обязан доказать факт распространения сведений и их порочащий характер, в свою очередь, ответчик обязан доказать действительность оспариваемых сведений.

Также, по моему мнению, при рассмотрении такого рода дел, необходимо привлекать специалистов в области юрислингвистики и назначать судебные юрислингвистические экспертизы, в целях выявления инвективной лексики в оскорбительных выражениях, затрагивающих личность истца, для правильного разрешения дела. В настоящее время такие экспертизы находятся на стадии формирования, т.к. для их проведения необходим четко разработанный теоретический и методический материал, который обеспечит достоверность выданных заключений.

Литература:

1. Цицерон, О республике, IV,10,12
2. Паладьев М. А. Конституционное право человека на честь и достоинство: основания, содержание, защита: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.
3. О.В. Власова, Формирование представлений о чести и достоинстве личности в истории развития общества: эволюционно-правовое измерение
4. Постановление Пленума Верховного суда № 3 от 24.12.2005
5. Судебные нормативные акты, URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3kJ5TeweLZJa/>
6. Консультант Плюс, «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016)

Особенности и порядок привлечения к административной ответственности за правонарушения, посягающие на права граждан

Николаева Анастасия Игоревна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Важным вопросом любого общества и страны является подлинная реализация прав и свобод каждого, а также начало эффективной и надежной защиты в случае споров, конфликтов и преступлений. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» — гласит вторая статья Конституции Российской Федерации. Это говорит о том, что Россия является правовым государством, одним из важнейших признаков которого является выраженное в данной статье провозглашение прав и свобод высшей ценностью человека. Права человека — это определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают её свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями её жизни, её взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами. В данной статье рассматриваются особенности административной ответственности за правонарушения, посягающие на права граждан.

Ключевые слова: права граждан, права человека, правонарушения, административная ответственность, общественные отношения.

Закон не может предусмотреть все возможные формы объединения людей, возникающие и исчезающие в ходе истории, и не может иметь статуса его субъектов. Объективное отсутствие четких и устойчивых правовых норм, отличающих социальное образование субъекта права, показывает главную слабость и преимущество института субъекта права — зависимость от времени.

Время приносит новый мир, новые идеи, условия и задачи. Признание человека или его объединения субъектом права в первую очередь зависит от них. Еще одну закономерность развития этой области объяснил Т. Д. Матвеев отмечал: «всякая правовая система, достигшая определенного уровня совершенства, подвержена постоянному усложнению человеческих отношений путем создания нечеловеческих образований» [4].

В его основе лежит понимание административной ответственности как сложной административно-правовой категории с некоторыми особенностями, предусмотренными специальным административно-деликтным законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, предусматривающими сочетание юридической ответственности и принуждения [6]. Отмечаем, что административная ответственность, возникающая за совершение общественно опасного деяния в Российской Федерации, характеризующегося несправедливостью, преступностью, наказуемостью, должна

осуществляться в рамках соблюдения принципов справедливости, соразмерности, и индивидуализация наказания, а также неотвратимость административной ответственности за совершенное преступление, это, на наш взгляд, основная цель как общей, так и специальной профилактики — основные цели административного наказания [8].

Проблема системы административной ответственности вызывает все большую обеспокоенность у ученых и практиков. Анализ ситуации с административными правонарушениями в Российской Федерации и ее субъектах показывает ухудшение и рост количества административных правонарушений.

Анализ статистических данных Верховного Суда РФ и Минюста показывает, что количество случаев административных правонарушений по Российской Федерации неумолимо растет. В то же время эти показатели не отражают полную картину административных правонарушений, а также не учитывают количество дел об административных правонарушениях, находящихся в административном рассмотрении федеральными и региональными органами управления, административными советами и административными комитетами. Дела несовершеннолетних и защита их прав требуют кардинальных мер по реформированию всей системы административного и деликтного законодательства [3].

В связи с чем, следует отметить, что камнем преткновения вот уже шесть лет являются положения ч. 2 п. 6 ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2], предусматривающей, передачу должностным лица ОВД (полиции) полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях в сфере общественного порядка и общественной безопасности, предусмотренных соответствующими законами субъектов РФ, на основании соответствующих соглашений между ОВД и региональным органом исполнительной власти о передаче таких полномочий [5].

По нашему мнению, важнейшее место по объёму и многообразию решаемых ОВД задач занимает именно административная деятельность, в том числе, в сфере предупреждения и пресечения правонарушений в области общественного порядка и общественной безопасности, что все больше становится самостоятельным объектом научных исследований многих учёных-административистов, а также привлекает все больше внимания представителей широкой общественности и правоприменителей.

Так, вызовы современной действительности обусловили необходимость формирования кардинально иной правовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя, в том числе, необходимость разработки собственного административно-деликтного законодательства [7].

Так, 25.06.2015 г. был принят закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» № 117-ЗРК/ 2015 (далее — ЗРК № 117-ЗРК/2015) [1], который играет важную роль в предупреждении административных правонарушений и стабилизации административно-деликтной ситуации в Республике Крым, реализация которого затруднена рядом объективных причин, среди которых ведущее место занимает отсутствие соответствующих соглашений о передаче полномочий, в силу чего, сотрудники ОВД Республики Крым не имеют полномочий по реализации ст.ст. 2.1 (нарушение тишины и покоя граждан) и 7.2 (приставание к гражданам в общественных местах) Закона РК № 117-ЗРК/2015 [4].

Вместе с тем, указанные договора на сегодняшний день так и не заключены, что значительно затрудняло и делало невозможной практическую реализацию положений ст.ст. 2.1 и 7.2 Закона РК № 117-ЗРК/2015, рискуя оставить их мёртвыми и неработающими на практике, а, следовательно, права граждан на тишину и покой и на общественный порядок — не защищёнными.

Административная ответственность является одним из способов привлечения к ответственности за правонарушения, посягающие на права граждан. Этот вид ответственности предусматривает наложение административных штрафов, запретов и ограничений на деятельность лиц, нарушивших законодательство.

Порядок привлечения к административной ответственности определяется законодательством и включает в себя следующие этапы:

Литература:

1. Закон Республики Крым от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://rk.gov.ru/ru/>.

1. Обнаружение правонарушения. Процесс начинается с выявления факта нарушения закона компетентными органами (полицией, инспекторами ГИБДД, Роспотребнадзором и т.д.) или же пострадавшим гражданином.

2. Определение категории правонарушения. В зависимости от характера нарушения закона, его последствий и меры вины нарушителя, правонарушение может быть классифицировано как легкое, средней тяжести или тяжкое.

3. Принятие решения о привлечении к административной ответственности. Этот этап включает в себя вынесение постановления об административном правонарушении, определение меры наказания и сроков ее исполнения.

4. Исполнение наказания. На этом этапе нарушитель должен выполнить предписания, указанные в постановлении об административном правонарушении, в противном случае ему грозит усиление мер наказания.

Правовая система России стремится к тому, чтобы каждый гражданин был защищен от нарушений своих прав. Административная ответственность является одним из инструментов, которые позволяют обеспечить соблюдение законов и защитить интересы граждан.

Однако следует отметить, что иногда административная ответственность может быть применена неправомерно или необоснованно. В таких случаях гражданин имеет право обжаловать постановление о привлечении его к административной ответственности в суде.

Кроме того, важно помнить, что административная ответственность не является единственным способом борьбы с правонарушениями. В некоторых случаях может быть применено уголовное преследование или гражданское исковое производство.

В целом, административная ответственность является неотъемлемой частью правовой системы России и играет важную роль в обеспечении соблюдения законов и защите прав граждан. Однако, ее применение должно быть справедливым и обоснованным, чтобы не нарушать права и свободы граждан.

Таким образом, к существенным проблемам привлечения к административной ответственности относятся не столько нестабильность и изменчивость административно-деликтного законодательства, сколько несогласованность действий органов исполнительной власти разного уровня при его непосредственной реализации и применении, например, при заключении соответствующий соглашений между федеральным и региональным органом исполнительной власти о передаче соответствующих полномочий, неопределённость позиции относительно финансирования таких полномочий, что, в конечном итоге, не даёт достигнуть главной цели административно-деликтного законодательства — предупреждение совершения административных правонарушений и привлечение виновных лиц к административной ответственности.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N195-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000#ixzz8
3. 1 № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год; Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>; № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год; Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
4. Евсикова Е. В. Актуальные проблемы законодательства Республики Крым об административных правонарушениях / Е. В. Евсикова // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича: в 3 частях. 2017. С. 46–50.
5. Евсикова Е. В. Закон «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: теоретические аспекты и проблемы правоприменения / Е. В. Евсикова // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 153–157.
6. Евсикова Е. В. Проблемы теории и практики института административной ответственности / Е. В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 108–110.
7. Руденко А. В. Проблемы создания нормативно-правовой базы Республики Крым в условиях переходного периода / А. В. Руденко // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. С. 147–149.
8. Руденко А. В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности / А. В. Руденко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (25). С. 77–81.

Типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования нарушений санитарно-эпидемиологических правил

Орусбиев Турко Рукманович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования нарушений санитарно-эпидемиологических правил.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологические правила, нарушение, расследование, типичная следственная ситуация.

Следственная ситуация первоначального этапа расследования нарушений санитарно-эпидемиологических правил в наиболее общем виде представляет собой совокупность значимых для расследования сведений (информации, доказательств), имеющихся в распоряжении следователя к начальному этапу предварительного расследования по уголовному делу. Так, как следственная ситуация может рассматриваться как «состояние расследования преступления на определенном его этапе, обусловленное уровнем информированности следователя об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, и дающих ему основания для принятия обоснованных решений о направлениях дальнейшей следственной работы» [1, с. 378].

Одной из разновидностей следственных ситуаций выступают типичные ситуации, характерные с точки зрения объема и содержания имеющейся информации для преступлений определенного вида или группы на конкретном этапе их рассле-

дования. Исходные типичные следственные ситуации, а затем и особенности планирования первоначальных следственных действий относятся к структурным элементам частной методики [2, с. 97]. Формирование же типичных следственных ситуаций осуществляется на основании первичных источников, свидетельствующих о совершенном преступлении.

Все следственные ситуации могут быть классифицированы на две группы: 1) простые следственные ситуации или благоприятные следственные ситуации, при которых преступление совершено в условиях очевидности и известны в общем все основные обстоятельства преступления, сложности с установлением причинно-следственной связи отсутствуют, а также установлено причастное лицо; 2) сложные следственные ситуации или неблагоприятные следственные ситуации, при которых преступление совершено в условиях неочевидности и у правоохранительного органа не имеется достаточно информации об интересующих следствие обстоятельствах, лицо, причастное

к совершению преступления, не установлено [3, с. 159]. При расследовании преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, возможно существование как простых, так и сложных следственных ситуаций.

Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования нарушений санитарно-эпидемиологических правил наглядно могут быть продемонстрированы на примере нарушения установленных правил по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции, повлекшего по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, а равно создавшим угрозу наступления таких последствий:

1) гражданином, являющимся переносчиком заболевания, нарушается режим самоизоляции или режим изоляции (карантин), что повлекло за собой заражение, а равно угрозу заражения третьих лиц;

2) юридическим лицом нарушаются установленные санитарно-эпидемиологические правила, в результате чего зафиксировано массовое заболевание третьих лиц, например, новой коронавирусной инфекцией;

3) организовывается проведение массовых мероприятий в условиях действия запретов на такое очное проведение, в результате чего имеется реальная угроза распространения новой коронавирусной инфекции [4, с. 50];

4) санитарно-гигиенические правила нарушаются лицом, обязанным в силу исполнения своих служебных обязанностей их неукоснительно соблюдать. В рамках подобной типичной следственной ситуации возможно выделение еще трех следственных ситуаций:

— относительно определенной, при которой установлено, что оказание медицинской помощи потерпевшему, в процессе которой было допущено нарушение санитарно-эпидемиологических правил, осуществлялось потерпевшему в одном медицинском учреждении, временной разрыв между нарушением и наступлением вредных последствий для него минимален, а также имеется явная причинно-следственная связь между нарушением и его последствием;

— слабо определенной, при которой оказание медицинской помощи, в процессе которой было допущено нарушение санитарно-эпидемиологических правил, осуществлялось в нескольких медицинских учреждениях либо несколькими медицинскими работниками, а установление наличия причинно-следственной связи затруднено в силу различных обстоятельств;

— неопределенной, являющейся наиболее трудной с позиции определения направления и хода расследования, поскольку при ней отсутствует необходимая медицинская документация либо в ней имеются существенные пробелы [5, с. 66].

Обычная модель первоначального этапа расследования нарушений санитарно-эпидемиологических норм всех указанных типичных следственных ситуаций включает в себя осмотр места происшествия, выемку документации и получение иных

вещественных доказательств, назначение судебно-медицинской экспертизы, а также проведение допросов как свидетелей и потерпевших, так и предполагаемого подозреваемого. При проверке всех приведенных типичных следственных ситуаций также необходимо применение мер, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о рассматриваемом виде преступлений. Так, необходимо установить: 1) сам факт нарушения санитарно-эпидемиологических правил; 2) какие именно санитарно-эпидемиологические правила нарушены; 3) содержание такого нарушения, выраженное в форме как действия (выпуск некачественных пищевых продуктов, использование при вакцинации медицинских иммунобиологических препаратов, не прошедших сертификацию в установленном законом порядке, использование некачественной питьевой воды), так и бездействия (не принятие мер к обеспечению безопасных условий труда с позиции соблюдения санитарно-эпидемиологических правил, не проведение ограничительных мероприятий); 4) место совершения преступления и время такого совершения; 5) наступление общественно опасных последствий, их масштаб и характер.

При разрешении всех возможных типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования нарушений санитарно-эпидемиологических правил следователь также должен исходить из необходимости установления общего пути распространения инфекционного заболевания и иных характеристик объективной стороны преступления, на что неоднократно было обращено внимание ранее. Установлению подлежат также иные обстоятельства, конкретный перечень которых определяется индивидуально с учетом специфики исследуемого вида преступления. В процессе расследования указанные обстоятельства также могут детализироваться в зависимости от сложившейся следственной ситуации и имеющегося у следователя объема информации.

Таким образом, важнейшей задачей первоначального этапа процесса предварительного расследования по преступлениям, связанным с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, выступает определение предмета такого расследования. На исследуемом этапе расследования осуществляется определение подходящей следственной ситуации, устанавливается ее содержание и определяются структурные элементы, после чего такая типичная ситуация анализируется, по результатам анализа избирается типовой вариант механизма определения целей, позволяющего конкретизировать предмет расследования по уголовному делу. От правильного определения и разработки типичной следственной ситуации на первоначальном этапе расследования нарушений санитарно-эпидемиологических правил зависит построение дальнейшей тактики и использования методики расследования по уголовному делу, позволяющих обеспечить эффективное следствие в установленные законом сроки.

Литература:

1. Криминалистика: учебник для вузов / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. М.: Издательство Юрайт, 2023.
2. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика расследования: Проблемы, тенденции, перспективы: монография. М.: Юстицинформ, 2011.

3. Драпкина Л. Я. Избранные труды. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017.
4. Попова О. А. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, направленных на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63).
5. Судебная медицина: экспертиза нарушений в деятельности медицинского персонала: учебное пособие для вузов / В. И. Витер, И. В. Гецманова, А. Р. Поздеев. М.: Издательство Юрайт, 2023.
6. Иванов А. Н., Козина С. Н. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступных нарушений санитарно-эпидемиологических правил // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. № 1.

Криминологическая характеристика мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию

Павлов Борис Александрович, студент
Тюменский государственный университет

Статья рассматривает уголовно-правовую и криминологическую характеристику мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию. Выделяются специфические особенности данной области исследования.

Ключевые слова: мелкое хищение, кража, административное правонарушение

Согласно статье 35 Конституции Российской Федерации (далее — РФ) все граждане обладают правом на владение, пользование и распоряжение имуществом. Этой же статьей установлено, что право частной собственности охраняется законодательством РФ. Однако, согласно статистике Министерства Внутренних Дел РФ (далее — МВД РФ), преступления против собственности, предусмотренные главой 21 Уголовного Кодекса РФ (далее — УК РФ), являются самыми распространенными на территории РФ. За расчетный период с января по сентябрь 2023 года их процентное соотношение составило 53,1% от общего числа совершаемых преступлений, из которых путем кражи — 17% соответственно.

Немаловажным фактором в росте совершаемых преступлений против собственности является экономический фактор. В настоящее время в ряде сфер жизни наблюдается кризис, что отражается в виде роста совершаемых преступлений и росту преступности в целом. Причинами подобных экономических проблем могут выступить: санкции, ухудшение отношений с западными странами, общемировой кризис. Согласно данным Центрального Банка РФ инфляция в России в 2022 году составила 11,94% и стала максимальной с 2015 года, когда она составляла 12,9%. В 2016 году рост цен был на уровне 5,4%, в 2017–2,5%, в 2018 году — 4,3%, в 2019 году — 3,0%, в 2020 году — 4,9%. Рост цен на продукты и иные блага выступает одной из основных детерминант в преступлениях против собственности и мелких хищениях соответственно.

Согласно статистике МВД РФ число осужденных по статье 158.1 УК РФ в период с 2017 по 2022 год выросло с 1259 до 7831 в год.

Исходя из вышеперечисленных факторов, можно сделать вывод, что изучение уголовно — правовой характеристики такого преступления как мелкое хищение, совершенное лицом,

подвергнутым административному наказанию, является целесообразным и значимым.

Данная статья была введена в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом № 323 от 3 июля 2016 года. Она устанавливает ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, которое ранее уже было подвергнуто административному наказанию за мелкое хищение, которое предусмотрено частью 2 статьи 7.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Тот факт, что данная статья была введена в законодательство относительно недавно, может говорить нам о том, что законодатель обеспокоен ситуацией, которая возникла с мелкими хищениями и направлен на защиту прав собственника.

Подходя к более детальному обзору данной статьи необходимо упомянуть, что мелкое хищение — это противоправное действие, направленное на изъятие чужого имущества в корыстных целях для использования, украденного в свою пользу или для последующей передачи третьим лицам.

Чаще всего предметом мелкого хищения становятся: товары из магазинов, (сюда входят: продукты питания, алкоголь, табак, средства личной гигиены, одежда и т.д.) и денежные средства. Самыми распространёнными местами совершения подобных правонарушений выступают: продовольственные магазины, бытовые магазины, строительные магазины, общественный транспорт, гардеробные, места отдыха. Характерными жертвами подобных правонарушений выступают владельцы магазинов и случайные граждане.

Говоря об объективной стороне, необходимо указать, что в данном случае она состоит в деянии лица в форме повторного мелкого хищения чужого имущества, стоимость которого составляет более одной тысячи рублей, но не более двух с половиной тысяч рублей, совершенные путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты. Объектом преступления являются об-

щественные отношения в сфере охраны собственности. Однако, есть ряд исключений, например, хищение предметов, запрещенных к обороту на территории РФ. Подобное деяние образует иной состав преступления (например — состав статьи 229 УК РФ). Стоит также разграничить, что если лицо ранее привлекалось к административной ответственности по части 1 статьи 7.27 КоАП РФ и вновь совершило мелкое хищение, деяние все еще будет относиться к административным правонарушениям и не перерастет в преступление, которое предусмотрено статьей 158.1 УК РФ. Однако в случае если лицо ранее понесло наказание, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ и совершило хищение на сумму более двух с половиной тысяч рублей его действия следует квалифицировать как кражу (статья 158 УК РФ).

Субъективная сторона в данном случае представляется прямым умыслом и корыстной целью. Злоумышленник осознает, что он ранее был привлечен к административной ответственности за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ и, не смотря на это, завладевает имуществом, которое принадлежит другому лицу и предвидит, что нанесет своими действиями вред собственнику имущества и осознанно желает, чтобы этот вред наступил. Корыстная цель в данном случае связана с желанием злоумышленника обратить чужое имущество в свою пользу или пользу третьих лиц.

Субъектом рассматриваемого преступления будет выступать физическое, вменяемое лицо, которое достигло возраста 16 лет, ранее подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ. Согласно части 1 статьи 4.6 КоАП РФ, лицо считается подвергнутым наказанию за административное правонарушение со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Зачастую лицами, которые идут на совершение подобного преступления являются различные маргинальные элементы, которые ведут антисоциальный, общественно порицаемый образ жизни. Алкоголики, наркоманы, граждане без определен-

ного места жительства и так далее. Также стоит упомянуть лиц, страдающих kleptomанией. Kleptomания — это патологическая страсть к кражам и мелким хищениям в частности. Обычно встречается у лиц с неустойчивой психикой и непредсказуемым поведением. Даже возможные санкции за подобное поведение не останавливают их перед совершением преступления или правонарушения. В подобных случаях может быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, которая определит — является ли лицо kleptomаном. В случае признания субъекта таковым — лицо направляется на принудительное медицинское лечение, если нет — несет ответственность по общим правилам.

Также нужно упомянуть о повышенной латентности такого правонарушения как мелкое хищение. Латентные преступления представляют собой противоправные действия, которые, в течение определенного периода времени и на определенной территории, не были обнаружены и зафиксированы правоохранительными органами государства. В результате, эти преступления отсутствуют в официальной уголовной статистике.

Причиной повышенной латентности выступают трудности, связанные со стадией возбуждения дела о мелком хищении. Причинами возбуждения таких дел могут быть заявления потерпевших, которые являются собственниками или правообладателями, а также заявления охранников или свидетелей. Заявления могут быть поданы в любое время суток, в любой отдел внутренних дел, как лично, так и в письменной форме, по телефону или электронной почте. Однако, на практике, далеко не все вышеперечисленные лица оповещают правоохранительные органы о совершенном правонарушении.

Анализируя вышеперечисленную информацию, можно сделать вывод, что введение данной статьи в 2016 году имела под собой реальную необходимость, в связи с ухудшающейся экономической обстановкой в стране и активизацией криминала в области совершения мелких хищений. Данная статья принесла с собой более полный контроль и надзор в среде данных правонарушений и поспособствовала профилактики совершаемых преступлений против собственности.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lpnavwn765940464758
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023). — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lpnvb0k0ch906685250
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 19.10.2023). — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=lpnvb3wrmo334689447
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 N323-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/?ysclid=lpnvvspif928767643
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2023 года. — Текст: электронный // МВД РФ: [сайт]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/42989123/>
6. Ключевая ставка Банка России и инфляция. — Текст: электронный // Центральный Банк России: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/

Реализация принципа состязательности и равноправия в упрощенном судопроизводстве путем регламентации принципа добросовестности сторон

Пархоменко Татьяна Юрьевна, студент магистратуры
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье производится анализ полноты реализации принципа состязательности и равноправия сторон в рамках института упрощенного судопроизводства в гражданском и арбитражном процессе. Выявляются причины ограничения действия исследуемого принципа и предлагается способ решения данной проблемы.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, упрощенное производство, принципы судопроизводства, состязательность сторон, равноправие сторон.

Институт упрощенного судопроизводства в арбитражном и гражданском процессах сегодня, являясь крайне полезным инструментом разрешения споров, вызывает неоднозначные дискуссии в отношении его эффективности и соответствия основополагающим принципам правосудия.

Возможна ли полноценная реализация процессуальных прав сторон, предусмотренных основополагающими принципами судопроизводства при упрощении процедуры рассмотрения дела?

Конституционное положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия закреплено в части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации [1].

Принцип состязательности и равноправия сторон нашел свое отражение в ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и раскрывается через характеристику действий независимого, объективного и беспристрастного суда при осуществлении правосудия. Так, суд, в том числе, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств [2].

Действующий Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) более широко раскрывает сущность принципа равноправия сторон и принципа состязательности. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 8 АПК РФ, принцип равноправия сторон заключается в равных правах лиц, участвующих в деле, на совершение юридически значимых действий в судебном процессе: заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление своих доводов и объяснений, а также в запрете арбитражному суду ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение [3].

В то же время ч. 2 ст. 9 АПК РФ закреплено право лиц, участвующих в деле узнавать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать объяснения, а также риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий.

Естественным является то, что изменение свойств, характерных для ординарного процесса в целях упрощения, отразилось и на действии общих принципов гражданского судопроизводства.

Принцип состязательности и равноправия сторон в упрощенном производстве заключается в том, что суд исследует только письменные доказательства, объяснения и возражения, представленные, участвующими в деле лицами, в четко установленном порядке и в установленный срок.

Исследование доводов, объяснений и возражений сторон производится судьей без судебного заседания. Сфера действия рассматриваемого принципа сужается при рассмотрении дела в отсутствие сторон, поскольку не только информация, но и способ ее представления в устных пояснениях и прениях имеют важное значение для правильного и обоснованного вывода суда. Конечно, взаимодействие суда с участниками процесса в устной форме дает возможность уточнения обстоятельств посредством постановки вопросов, способствует более глубокому раскрытию и пониманию доказательств, представленных в письменной форме.

Также при рассмотрении спора в упрощенном порядке без устного слушания ограничивается возможность исследования таких доказательств, как свидетельские показания или консультация специалиста.

Таким образом, ограничиваются пределы действия принципа состязательности. А, учитывая, проблемы реализации принципа гласности в упрощенном производстве гражданского процесса, еще более снижается равноправие сторон.

Кроме того, часто стороны судебного разбирательства недобросовестно относятся к своим процессуальным обязанностям по обмену доказательствами и документами в установленный судом срок. Поэтому ограниченность в сроках представления доказательств дисциплинирует стороны и повышает ответственность за своевременное их предоставление в суд, что значительно ускоряет разрешение спора.

В п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N10 подчеркнута обязательность предоставления сторонами в суд документов, подтверждающих направление доказательств, документов и возражений другим участвующим в деле лицам [4].

Однако на практике нередко суды общей юрисдикции выносят решения, не имея надлежащих доказательств вручения участникам судебного разбирательства документов, приобщенных к материалам дела.

Также проблемным остается вопрос подтверждения отправки документов в соответствии с перечнем в описи вложения почтового отправления, в связи с недобросовестно про-

водимой, поверхностной проверкой вложений сотрудниками почтовых отделений.

Как следствие, принцип равноправия и состязательности сторон нарушен — сторона по делу лишена законного права на представление своей позиции, возражения, пояснения, так как велик риск неполучения копии документов, представленных оппонентом в материалы судебного дела.

То есть лица, участвующие в деле, в результате недобросовестных действий другой стороны судебного разбирательства, лишаются своего законного права на представление в суд контраргументов, что в свою очередь может повлиять на исход рассматриваемого дела.

Важным в данной ситуации является преодоление проблемы возможности использования электронного правосудия, реализация механизма предоставления лицам удаленного доступа к материалам дела в гражданском процессе. А до момента решения указанных проблем, обеспечение соблюдения прав и обязанностей сторонами судебного разбирательства, соблюдение принципов состязательности и равноправия возможно только через усиление контроля со стороны судей.

На мой взгляд, кажется особенно актуальной в настоящее время необходимость регламентирования в гражданском праве межотраслевого принципа добросовестности.

Данный принцип был выделен в советские годы В. М. Семеновым, по мнению которого содержание принципа добросовестности устанавливается из требований общества ко всем людям: честность, добросовестность и справедливость. В гражданском процессе он должен быть выражен через «создание атмосферы сотрудничества сторон с судом, в которой суд имеет наилучшие возможности осуществления справедливого и законного правосудия» [6, с. 99].

Верховный суд РФ в п. 25 и п. 29 Постановления Пленума от 18.04.2017 г. № 10 указывает на обязательность соблюдение принципа добросовестности сторонами применительно к обязанностям лиц, участвующих в деле, о своевременном представлении в суд и направлении друг другу всех документов, доказательств, заявлений, ходатайств, других документов; также о представлении в суд документов, подтверждающих направление таких доказательств, документов друг другу.

Также в абз. 3 п. 25 Постановления закреплено своеобразное наказание, как гарантия реализации принципа добросовестности: если в суд наряду с доказательствами, документами и возражениями не представлены документы, подтверждающие их направление другим участвующим в деле лицам, то

они не принимаются судом и подлежат возвращению, о чем выносится определение.

Согласно требованиям ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Также ч. 1 ст. 35 ГПК РФ и ч. 2 ст. 41 АПК РФ предусмотрена обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно осуществлять свои процессуальные права.

Действие принципа добросовестности в гражданском процессе должно быть направлено на предупреждение возможного, часто присутствующего в практике рассмотрения дел в упрощенном порядке в судах общей юрисдикции злоупотребления процессуальными правами и обязанностями. Гарантия реализации данного принципа является способом усиления гарантий принципа состязательности и равноправия сторон.

Предполагаю целесообразным предусмотреть в ГПК РФ и АПК РФ нормы, о возможности наложения судом штрафных санкций за нарушение лицом, участвующем в деле, принципа добросовестности и неисполнения возложенных на него процессуальных обязанностей в установленные судом сроки при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства. Таким способом повысятся гарантии соблюдения сторонами принципа добросовестности, а значит, будет вынесено справедливое и обоснованное решение суда, что в свою очередь, будет способствовать достижению главных целей упрощенного порядка рассмотрения дела: эффективное правосудие в короткие сроки, а также снижение загруженности судов.

Резюмируя, нужно сказать, что принцип состязательности и равноправия сторон выражен в упрощенном порядке, однако его действие видоизменено и с учетом конкретных потребностей и в полной мере не реализовано.

Нужно согласиться с мнением Грибанова Ю. Ю., что поскольку гарантия действия основополагающих принципов в судопроизводстве является гарантией эффективного правосудия, то их видоизменение не должно привести к уменьшению гарантии судебной защиты. Изменение возможно только в сторону повышения таких гарантий [5, с. 7].

Необходимо отметить, что применение упрощенной формы рассмотрения дела сопряжено с рядом трудностей и проблемных аспектов. Однако преодоление трудностей и решение имеющихся сегодня актуальных проблем позволит усовершенствовать упрощенный процесс рассмотрения дел в суде, тогда будет возможно достижение цели — значительной экономии времени и ресурсов, как суда, так и сторон в деле, не отступая при этом от основополагающих принципов правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) \ Справочно-правовая система КонсультантПлюс.— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (дата обращения 26.11.2023).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) от 14.11.2002 N138-ФЗ (последняя редакция) \ Справочно-правовая система КонсультантПлюс.— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. (дата обращения 26.11.2023).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) от 24.07.2002 N95-ФЗ (последняя редакция) \ Справочно-правовая система КонсультантПлюс.— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. (дата обращения 26.11.2023).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» \ Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215641/. (дата обращения 26.11.2023).
5. Грибанов Ю. Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: сравнительное исследование правовых систем России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Грибанов Юрий Юрьевич. — Кемерово, 2007. — 23 с.
6. Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В. М. Семенов. — М.: Юрид. лит., 1982. — 152 с.

Актуальные проблемы правового регулирования провозглашения вердикта присяжных заседателей

Писарев Антон Александрович, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В представленной статье на основе проведенного формально-юридического анализа положений действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процедуру провозглашения вердикта присяжных заседателей, дается правовая оценка соблюдения законности в анализируемой сфере уголовного судопроизводства. Автором затрагиваются актуальные проблемы процедуры проверки судьей, председательствующим в судебном заседании вердикта присяжных заседателей на предмет наличия в нем неточностей и противоречий. Обращается внимание на наличие пробелов в статье 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), которые, по мнению автора, могут послужить причиной необоснованного затягивания производства по уголовному делу, и, как следствие, нарушения принципа разумных сроков уголовного судопроизводства. С целью устранения обозначенных пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, сформулирован ряд предложений, направленных на устранение выявленных законодательных пробелов. Подчеркивается необходимость формирования единообразного подхода в практике судов при проведении проверки вердикта присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, вердикт, провозглашение вердикта, разумный срок уголовного судопроизводства.

Actual problems of legal regulation of the proclamation of the verdict of jurors

In the presented article, on the basis of a formal legal analysis of the provisions of the current criminal procedure legislation regulating the procedure for declaring the verdict of jurors, a legal assessment of compliance with the rule of law in the analyzed area of criminal proceedings is given. The author touches upon the actual problems of the procedure for checking the verdict of jurors by the judge presiding at the court session for the presence of inaccuracies and contradictions in it. Attention is drawn to the existence of gaps in Article 345 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter — the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), which, in the author's opinion, may cause unjustified delay in criminal proceedings, and, as a consequence, violations of the principle of reasonable time for criminal proceedings. In order to eliminate the identified gaps in the criminal procedure legislation, a number of proposals have been formulated aimed at eliminating the identified legislative gaps. The necessity of forming a uniform approach in the practice of courts when checking the verdict of jurors is emphasized.

Keywords: jury trial, jurors, verdict, proclamation of verdict, reasonable time of criminal proceedings.

Ключевым элементом уголовно-процессуальной деятельности коллегии присяжных заседателей является провозглашение вердикта. Соблюдение процедуры провозглашения вердикта присяжных заседателей выступает в качестве важной процессуальной гарантии законного уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей.

К правоприменительным и законодательным аспектам процедуры провозглашения вердикта присяжных заседателей в разное время обращались многие представители отечественной уголовно-процессуальной доктрины [1–4].

Полагаем, что подобное положение дел во многом обусловлено несовершенством формально-юридической конструкции норм УПК РФ, в частности, ст. 345 УПК РФ [5] и, как следствие, механизма ее реализации в судебной практике.

Проведенный в рамках настоящего исследования формально-юридический анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и материалов судебной практики позволил выявить ряд актуальных проблем, возникающих при реализации процедуры провозглашения вердикта присяжных заседателей.

К числу обозначенных проблем, прежде всего, относится законодательное несовершенство ст. 345 УПК РФ [5] с точки зрения формально-юридического описания, процедуры проверки вердикта присяжных заседателей председательствующим в судебном заседании.

Так, законодателем не был установлен процессуальный срок, в течение которого председательствующий вправе осуществлять проверку вердикта присяжных заседателей, что на наш взгляд, является существенным пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку может привести к затягиванию судебного разбирательства.

Полагаем, что в сложившейся ситуации, следует исходить из принципа разумных сроков уголовного судопроизводства, закрепленного в статье 6.1 УПК РФ [5]. Применительно к процедуре проверки председательствующим в судебном заседании вердикта присяжных, представляется что, установление разумных временных пределов рассмотрения судьей вердикта будет объективно обусловлено объемом вердикта, количеством вопросов, поставленных перед присяжными заседателями.

Полагаем, что с целью устранения обозначенного пробела и оптимизации процедуры проверки председательствующим вердикта присяжных заседателей, представляется необходимым закрепить в ст. 345 УПК РФ [5] конкретные временные пределы проверки вердикта присяжных заседателей, учитывая при их установлении правовую и фактическую сложность рассматриваемого дела, а также объемом поставленных перед присяжными заседателями вопросов.

Наряду с вышеназванной проблемой, следует обратить внимание на то, что в ст. 345 УПК РФ [5] также не регламен-

тируются сколько раз присяжные заседатели вправе удаляться в совещательную комнату для устранения выявленных председательствующим судьей в ходе проверки вердикта неточностей и противоречий в его содержании.

Полагаем, что обозначенный законодательный пробел также может послужить причиной для затягивания процесса судебного разбирательства и требует устранения.

Думается, что законодателью следует установить максимальное число раз, когда присяжные заседатели вправе удаляться в совещательную комнату для устранения неточностей и противоречий в вердикте. При этом в качестве критерием для установления обозначенных пределов, может служить количество и характер выявленных неточностей и противоречий.

Безусловно, в силу оценочного характера критериев проверки вердикта присяжных заседателей, возникают определенные сложности в формально-юридическом установлении сроков проверки и максимального количества возможностей, предоставляемых присяжным заседателями для устранения выявленных неточностей и противоречий. Однако без устранения обозначенных пробелов объективно сложно обеспечить законность и справедливость судебного разбирательства по уголовному делу с участием присяжных заседателей в разумный срок.

Полагаем, что решению вышеназванных проблем также будет способствовать формирование единообразного подхода со стороны представителей судебского корпуса, с учетом их практического опыта рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, который найдет отражение в руководящих разъяснениях Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Литература:

1. Ануфриева О. В., Копылова О. П. Вердикт присяжных заседателей и его значение для приговора суда // Science time.— 2017.— С. 17–21.
2. Ахъядов Э. С. Вынесение и провозглашение вердикта и приговора в суде присяжных // Молодой ученый.— 2016.— № 9 (113).— С. 793–794.
3. Возжаев С. У. С. А. Вердикт присяжных и действия председательствующего после вынесения вердикта // Экономический рост как основа устойчивого развития России.— 2022.— С. 66–69.
4. Насонов С. А. Провозглашение вердикта присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Вопросы современной юриспруденции.— 2013.— С. 1–7.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 27.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. ст. 4921.

История развития уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка

Полякова Ксения Николаевна, студент

Научный руководитель: Клоченко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемные вопросы, которые существуют в статье 106 уголовного кодекса РФ. Анализируется действующее законодательство по данному вопросу, а также историческое развитие квалификации этого преступного деяния.

Ключевые слова: убийство, мать, новорожденный ребёнок, преступление, наказание.

Такое преступление, как убийство, существовало и существует по сей день. В любой исторический период мы можем наблюдать из учебников о преступлениях, которые оставили свой след и известны по сей день. Убийство матерью новорожденного ребёнка не является исключением.

В нынешнем Российском законодательстве убийство матерью новорожденного ребёнка описывается в статье 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Естественно, в разные исторические периоды наказания за совершения вышесказанного деяния различались и имели свои индивидуальные особенности.

Основными можно указать три исторических этапа в уголовном законодательстве нашего государства:

1. Дореволюционный
2. Советский
3. Современный

В период дореволюционного этапа этого аспекта можно считать и временной период Древней Руси. Например, в шестой статье устава Ярослава Мудрого, сказано об убийстве ребёнка путём аборта или скармливанием его свиньям. Женщину ждало обличение, то есть публичное извещение о проступке и отправление её в церковный дом. Но, оттуда её могли выкупить родственники [7].

В то же самое время, если мы обратимся к наиболее позднему дореволюционному акту, а именно проекту Уголовного Уложения 1813 года: «Ежели мать, утаив беременность свою, родит в скрытном месте и умертвит младенца, то она наказывается лишением свободы и чести по § 38 до 40, по мере вины, купно(совокупно) с церковным покаянием» [2].

Отличие от Древней Руси в вышеуказанном акте убийство ребёнка имеет наиболее ощутимые санкции, в виде лишения свободы и титула (без возможности выкупа родственниками).

В советском уголовном законодательстве не было специальной нормы (как в российском законодательстве), которая бы предусматривала ответственность за убийство матерью новорожденного ребёнка. При этом убийство новорожденного являлось именно отягчающим обстоятельством.

Так, женщина, виновная в насильственном лишении жизни своего родившегося младенца, привлекалась к уголовной ответственности по ст. 142 УК РСФСР 1922 г. [6].

Данная уголовная оценка не изменялась и в 1926 году. Но в 1960 году из кодекса РСФСР исключили отягчающие обстоятельства по данному делу.

Данный законодательный акт действовал до распада СССР, и многие положения из него благополучно перешли в Уголовный Кодекс Российской Федерации.

В Российской Федерации уже создаётся статья 106 УК РФ, которая учитывают психическое состояние матери и послеродовой психоз.

Цитируя Уголовное законодательство: «Убийство матерью новорожденного ребёнка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребёнка в условиях

психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» [4].

Объективной стороной данного преступления является причинение смерти новорожденному ребёнку путём действия или бездействия.

Понятие новорожденности, используемое в уголовном законодательстве, ограничивается 30 днями с момента рождения ребёнка. Это напрямую подтверждается педиатрами в учебных пособиях.

В статье 106 УК РФ специальный субъект, а именно женщина, которая родила ребёнка. Возраст субъекта от 16 лет.

Убийство — это преступление только с материальным составом и считается оконченным в момент наступления общественно опасного последствия в виде смерти.

В случае, если смерть новорожденного не наступила по независящим от виновного обстоятельствам, деяние подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 ст. 106 УК РФ.

Но есть вопросы, возникающие при изучении этих событий. Как будет квалифицироваться убийство двух новорожденных. Ведь в статье 106 УК РФ нет необходимого уточнения этого вопроса. Но, если изучить повнимательней, мы можем заметить, что убийство новорожденных близнецов квалифицируют по этой статье. Более наглядно такая ситуация видна на примере: 32-летняя жительница города Кстова Нижегородской области обвиняется по ст. 106 УК РФ по факту убийства двух новорожденных дочерей. Причиной убийства является страх женщины, что её выгонят из единственного на тот момент жилища. [1]

Другой подобный случай произошёл в Тульской области: женщину, родившую и убившую своих новорожденных близнецов, обвинили по статье 106 УК РФ. Здесь ситуация отличается, старший из детей женщины тяжело заболел, но и она тщательно скрывала беременность от близких.

Между п «в» ч. 2 статьей 105 и статьёй 106 в настоящем уголовном законодательстве существует крайне тонкая грань. Которая отличается в состоянии матери на момент совершения убийства.

Основные различия этих двух составов состоят в специальном субъекте и объективной стороне.

В п «в» ч. 2 статьи 105 субъект общий, вменяемое физическое лицо, достигшее 14-ти лет на момент совершения преступных действий (касательно этой категории преступлений). [5]

А вот при выяснении обстоятельств и дальнейшей квалификации преступления в 106 УК РФ ориентируются на состояние женщины и обстановку, окружавшую её в момент совершения преступного деяния. Для данной статьи наличие психотравмирующей ситуации, под воздействием которой роженица совершает убийство новорожденного ребенка, является обязательным признаком объективной стороны и подлежит доказыванию. Одними из них можно указать: тяжелое экономическое положение матери, смерть родных или близких матери новорожденного и многие другие ситуации (которые так или иначе могут отрицательно влиять на психику матери после родов) [3].

Основываясь на вышеизложенных актах, мы можем сделать соответствующие выводы о том, что квалификация убийства матерью новорождённого ребёнка видоизменялась и различалась по временным промежуткам, ориентируясь на тенденции того общества.

Если в Древней Руси этот проступок не являлся преступлением, а лишь считался грехом, то в последующих актах это признаётся полноправным преступным деянием, требующим своей собственной квалификации и соответствующего наказания, прописанного у уголовно-правовых актах.

Литература:

1. Вакалюк, Е. С. Особенности потерпевшего при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ / Е. С. Вакалюк. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2012. — № 9 (44). — С. 204–206. — URL: <https://moluch.ru/archive/44/5369/> (дата обращения: 19.10.2023)
2. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года
3. Сафуанов Ф. С., Сарычева Ю. А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193–207. DOI: 10.17759/psylaw.2021110214
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) УК РФ Статья 106. Убийство матерью новорожденного ребенка.
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) УК РФ Статья 105. Убийство матерью новорожденного ребенка.
6. Уголовный Кодекс РСФСР от 01 июня 1922
7. Церковный Устав Ярослава Мудрого

Что же можно предложить как альтернативу для решения названных проблем?

Во-первых, расширить статью 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, в плане количества детей, рождённых женщиной. Ведь часто возникают случаи рождения более одного ребенка.

Во-вторых, чётко прописать период новорождённости, который и будет использоваться для дальнейшей квалификации данного преступления в Российской практике. И если эти пункты четко обозначить, то будет намного меньше сложностей при определении преступного деяния.

Регулирование международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА)

Радыш Анастасия Александровна, студент;

Фаталиева Гюльзада Умметовна, студент

Научный руководитель: Иванова Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается роль и применение принципов международных коммерческих контрактов УНИДРУА в контексте разрешения международных коммерческих споров, особенно с помощью арбитражного механизма. Автор подчеркнул, что принципы УНИДРУА не являются юридически обязательным документом, но играют значительную роль в регулировании международных коммерческих отношений.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, принципы УНИДРУА, международные коммерческие контракты, юридическое сопровождение, внешнеэкономическая деятельность.

Ученые и практики из разных стран объединились в 1980 году для создания документа, направленного на регулирование трансграничных договорных отношений. Эта инициатива была осуществлена при поддержке УНИДРУА (Международного института по унификации частного права). Работа по созданию документа была успешно завершена в 1994 году, когда УНИДРУА представил принципы международных коммерческих контрактов. Разработчики подчеркнули, что изменения в принципы УНИДРУА будут вноситься систематически.

В мае 2011 года руководящий орган УНИДРУА одобрил следующую версию документа. В 2017 году было принято четвертое издание Принципов УНИДРУА, отличающееся передо-

выми подходами к правовому регулированию международных коммерческих отношений.

Целью ученых было создать международный акт, который сводил бы к минимуму необходимость применения национальных норм права. Таким образом, они разработали документ, обладающий гибкостью и нейтральностью в определениях и формулировках. Правовая природа принципов УНИДРУА является результатом применения метода сравнительного правоведения, и государственные структуры не участвовали в его создании [1].

Принципы УНИДРУА представляют собой неофициальную кодификацию правил международной торговли, устанавли-

вают общие правила для международных коммерческих контактов, основанные на принципах общего права и адаптированные для международной торговли. Это гибкий свод правил, который не имеет юридической силы и требует согласия сторон на применение. Принципы могут использоваться для регулирования торговых операций, подтверждения общепринятой практики, а также для толкования и заполнения пробелов в международных многосторонних соглашениях. Они закрепляют принципы свободы договора, его добросовестности и обязательности для исполнения, устанавливают условия международных коммерческих контрактов и разрешают противоречия между стандартными и неожиданными условиями, а также предоставляют возможность существования подразумеваемых обязательств [2].

Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА были утверждены в 1994 году, а их новая редакция была принята в 2004 году. С точки зрения правовой природы эти принципы не имеют статуса юридически обязательного документа. Их цель — создать сбалансированный набор норм, предназначенных для глобального использования, независимо от правовых традиций, экономических и политических условий различных государств, где они могут применяться. Принципы охватывают общие положения, аспекты заключения, действительности, толкования и исполнения контрактов.

Эти принципы отражают практику, которая складывается при осуществлении трансграничной коммерческой деятельности, и постепенно признаются в качестве правовых обычаев. Применение Принципов требует согласия сторон, как подчеркивается в решениях МКАС при ТПП Российской Федерации.

Отношения, подпадающие под влияние принципов УНИДРУА, часто не регулируются международными или национальными нормами. Это особенно верно в отношении преддоговорных отношений. Вопрос о применении Принципов к спорам, возникающим в связи с преддоговорными отношениями, зависит от правовой природы этих отношений: являются ли они договорными или внедоговорными.

Долгое время выбор применимого права ограничивался национальными нормами, и в арбитражной практике ссылка на принципы УНИДРУА рассматривалась как включение их положений в договор. Однако в современных условиях соглашение о выборе наборов норм договорного права в национальных правовых системах рассматривается как выбор применимого права. Условия применения Принципов будут зависеть от формулировки соглашения сторон. Принципы могут быть указаны в качестве основного документа, отводящего роль вспомогательного статута положениям международных соглашений или нормам национального законодательства. Стороны могут также указать на применение определенных положений Принципов УНИДРУА.

Международные коммерческие арбитражи рассматривают принципы УНИДРУА как торговый обычай. Однако официального подтверждения этому во внутреннем законодательстве нет, как, например, в случае с ИНКОТЕРМС. В Российской Федерации правила Инкотермс считаются деловым обычаем. Таким образом, принципы УНИДРУА представляют собой негосударственный доктринальный свод общих правил между-

народной торговли, который применяется главным образом по воле сторон [3].

Состояние правового обеспечения внешнеэкономической деятельности зависит от содержания правовых актов, принятых в этой сфере, а также от практики их применения при разрешении споров государственными арбитражными судами и международными коммерческими арбитражами.

В последние годы наблюдается повышение роли международного арбитража в повышении эффективности внешнеэкономических связей. Это подтверждается реформой законодательства о третейских судах, проводимой в нашей стране. Федеральные законы от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [4] и от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» предусматривает особый правовой статус международного коммерческого арбитража в России [5]. Эти изменения учитывают тенденции развития международного коммерческого арбитража, отвечающие требованиям современной мировой экономики.

При регулировании международных экономических отношений с участием представителей различных юрисдикций выбор применимого права имеет первостепенное значение. Принцип автономии воли сторон при подчинении договора определенному правовому порядку является основополагающим в современном международном частном праве. Этот принцип закреплен в законодательстве многих стран и ряде международных договоров, регулирующих обязательства во внешнеэкономической сфере.

Принципы УНИДРУА, утвержденные в 1994 году, устанавливают общие правила для международных коммерческих контрактов и предоставляют сторонам различные направления для их использования в современной мировой экономике [6].

Принципы УНИДРУА применяются в первую очередь в том случае, если стороны договорились о том, что их контракт будет регулироваться настоящим законом.

В случае рассмотрения спора международным коммерческим арбитражем, который принял положение статьи 28 Типового закона ЮНСИТРАЛ, принципы УНИДРУА, применяемые согласованно сторонами, определяются при рассмотрении существа дела в качестве применимого права. В отличие от арбитражных судов, где Принципы остаются договорными условиями, подпадающими под действие применимого национального законодательства в соответствии с нормами международного частного права.

В одном случае, когда арбитражный суд рассматривал спор, стороны оговорили в контракте, что все споры, связанные с контрактом, будут разрешаться в соответствии с принципами УНИДРУА (2004), дополненными, при необходимости, положениями материального права России. Арбитражный суд признал принципы УНИДРУА основным регулятором отношений сторон по договору, а Венскую конвенцию и российское гра-

жданское законодательство — вспомогательными нормативными актами.

Принципы УНИДРУА могут применяться, если стороны договорились, что их контракт будет регулироваться общими

принципами права, *lex mercatoria* или аналогичными положениями. В международной арбитражной практике они часто используются в качестве обычаев международной торговли, устанавливающих правила исполнения международных контрактов.

Литература:

1. Международное частное право: учебник / Под ред. Г. К. Дмитриевой. М., 2010. С. 429.
2. Канашевский В. А. Международное частное право: учебник. 2-е изд. доп. М., 2009. С. 74.
3. Глинщикова Т. В., Антун Т. И. Роль принципов международных коммерческих договоров унидруа в регулировании трансграничных коммерческих сделок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4–2. С. 48–49.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 N382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.01.2016, N1 (часть I), ст. 2; 2018, N53 (часть I), ст. 8457.
5. Федеральный закон от 06.12.2021 N409-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 4 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 13.12.2021, N50 (Часть III), ст. 8416.
6. Лазарева Татьяна Петровна, Шестакова Марина Петровна Некоторые проблемы выбора применимого права в практике разрешения внешнеэкономических споров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 72–73.

Элементы криминалистической характеристики убийств, совершаемых несовершеннолетними

Ринчино Санжи, студент магистратуры

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Актуальность затронутой научной проблемы обусловлена тем, что преступность несовершеннолетних представляет объективную угрозу национальной безопасности страны, поскольку дети — будущее государства. В приведенных обстоятельствах возникает объективная необходимость в углубленном научном осмыслении преступности несовершеннолетних, в особенности, преступлений насильственного характера. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей элементов криминалистической характеристики убийств, совершаемых несовершеннолетними. Подчеркивается, что, несмотря на незначительное снижение количества убийств, совершаемых несовершеннолетними, криминогенная обстановка, связанная с преступностью несовершеннолетних в целом не улучшилась. Проведенный анализ доктринальных источников позволил прийти к выводу о том, что зачастую убийства совершаются несовершеннолетними ситуационно, без заранее составленного плана. Выделены и охарактеризованы элементы криминалистической характеристики убийств, совершаемых несовершеннолетними. На основе проведенного анализа и обобщения элементов криминалистической характеристики убийств, совершаемых несовершеннолетними, сформулирована авторская дефиниция понятия «ситуационное убийство, совершаемое несовершеннолетним».

Ключевые слова: несовершеннолетние преступники, убийства, криминалистическая характеристика убийств, обстановка совершения преступления, время совершения преступления, способ совершения преступления.

Elements of criminalistic characteristics of murders committed by minors

The relevance of the scientific problem raised is due to the fact that juvenile delinquency poses an objective threat to the national security of the country, since children are the future of the state. In these circumstances, there is an objective need for an in-depth scientific understanding of juvenile delinquency, especially violent crimes. This article is devoted to the study of the features of the elements of the criminalistic characteristics of murders committed by minors. It is emphasized that, despite a slight decrease in the number of murders committed by minors, the criminogenic situation associated with juvenile delinquency has not improved in general. The analysis of doctrinal sources made it possible to come to the conclusion that often murders are committed by minors situationally, without a pre-planned plan. The elements of criminalistic characteristics of murders committed by minors are highlighted and characterized. Based on the analysis and generalization of the elements of the crimi-

nalistic characteristics of murders committed by minors, the author's definition of the concept of «situational murder committed by a minor» is formulated.

Keywords: *juvenile delinquents, murders, criminalistic characteristics of murders, the situation of the commission of a crime, the time of the commission of a crime, the method of committing a crime.*

Преступность несовершеннолетних во все времена представляла особый научный интерес для представителей отечественной криминалистической доктрины [1–4, 6–7].

Подобное положение дел обусловлено тем, что преступность несовершеннолетних неуклонно ежегодно растет и трансформируется, представляя объективную угрозу для национальной безопасности, поскольку дети — будущее нашего государства.

Наибольшую опасность среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, безусловно, представляют убийства.

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 2019 г. за совершение убийства был осужден 131 несовершеннолетний, в 2020 г. — 97, в 2021 г. — 117, в 2022 г. — 85, в первом полугодии 2023 г. — 43 убийства [5].

Как показал проведенный анализ доктринальных источников, с криминалистической точки зрения, убийства, совершаемые несовершеннолетними, характеризуются следующими особенностями:

1. Обстановка совершения несовершеннолетними убийств.

Проведенный анализ научной литературы и материалов судебно-следственной практики позволяет прийти к выводу о том, что чаще всего, несовершеннолетние совершают убийства в весенне-летний период, в вечернее время, в городах.

Вероятно, подобное положение дел обусловлено тем, что в обозначенный период несовершеннолетние не учатся, чаще находятся в общественных местах, пребывают там до позднего времени.

2. Способ совершения убийств.

Как показал проведенный анализ научной литературы и материалов судебно-следственной практики, зачастую убийства совершаются несовершеннолетними в группе.

Так, в 2012 г. Верховным судом Республики Бурятия был вынесен приговор в отношении пятерых несовершеннолетних членов молодежной группировки, обвинявшихся в совершении убийств. По данным следствия, участниками банды были несовершеннолетние в возрасте 17 лет. Из материалов дела следовало, что «в течение двух месяцев на территории г. Улан-Удэ осужденными было убито три несовершеннолетних, а также заживо сожжена бездомная» [1].

3. Жертва преступления.

Как показал проведенный анализ научной литературы и материалов судебно-следственной практики, зачастую несовершеннолетние выбирают в качестве жертвы преступления несовершеннолетних лиц, пользуясь их беспомощным состоянием.

Так, «в производстве следователей отдела по расследованию особо важных дел Следственного комитета по Бурятии находилось уголовное дело в отношении трех несовершеннолетних жителей Закаменского района Их обвиняли в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 131 УК России, п.

«в» ч. 3 ст. 132 УК РФ, п.п. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В декабре 2010 года данное уголовное дело было направлено в Верховный суд Республики Бурятия. Следствие и суд установили, что в марте 2009 года в селе Баянгол Закаменского района несовершеннолетние учащиеся средней школы обманным путем заманили ранее знакомую 11-летнюю девочку в дом, где изнасиловали ее и совершили насильственные действия сексуального характера. Когда потерпевшая сказала, что расскажет обо всем родителям, злоумышленники по очереди стали душить ее, после чего нанесли ей удары кирпичом и бутылкой по голове. Девочка умерла на месте происшествия от тяжелой черепно-мозговой травмы. После совершения убийства злоумышленники на тележке увезли тело потерпевшей на окраину села, где сбросили в выгребную яму туалета» [11].

4. Личность несовершеннолетнего убийцы характеризуется следующими особенностями: «большинство убийств совершаются несовершеннолетними мужского пола, в возрасте 16–17 лет, имеющими основное общее образование, злоупотребляющими алкоголем и наркотические средства, не имеющими постоянных занятий, увлечений, праздно проводящими свободное время, проявляющими агрессию в отношении других людей и животных. Значительная часть несовершеннолетних убийц ранее состояли на учете в органах внутренних дел» [1, с. 97].

В контексте настоящего исследования представляется спорным утверждение З. М. Григорян о том, что зачастую несовершеннолетними совершаются ситуационные убийства.

Приведенные обстоятельства подтверждаются материалами следственной практики.

Так, «Следственным управлением Следственного Комитета Российской Федерации по Республике Бурятия было возбуждено уголовное дело в отношении двух несовершеннолетних девочек 14 и 15 лет за совершение убийства их несовершеннолетней подруги. Преступление было совершено несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения в связи с внезапно возникшей ненавистью на фоне ссоры. Несовершеннолетние воспитывались в неблагополучных семьях, не учились, ранее пребывали в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» [2].

Резюмируя вышеизложенное, представляется важным отметить, что криминалистическая характеристика убийств, совершаемых несовершеннолетними, представляется собой специфическую информационную модель, состоящую из совокупности элементов, отражающих особенности совершения несовершеннолетними убийств.

Прикладное значение криминалистической характеристики убийств, совершаемых несовершеннолетними, заключается в том, что в них раскрываются типичные признаки совершения несовершеннолетними убийств, учитывая которые можно разрабатывать меры их предупреждения.

Литература:

1. В Бурятии осудили банду юных садистов-убийц // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/09/2012/5703fd6f9a7947f-cbd440d62> (дата обращения: 13.11.2023).
2. В Советском районе задержаны две несовершеннолетние девушки, подозреваемые в убийстве подруги после употребления спиртных напитков // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия: официальный сайт. URL: <https://buriatia.sledcom.ru/news/item/1034246/> (дата обращения: 13.11.2023).
3. Григорян З. М. Убийства, совершаемые несовершеннолетними: мотивация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 205 с.
4. Двойменный А. В. Современная насильственная преступность несовершеннолетних и меры воздействия на нее: дис. ... канд. юрид. наук, Ростов-наДону. 2002. 210 с.
5. Жмурова Д. В. Криминальная агрессия несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук, Иркутск. 2009. 162 с.
6. Лигостаева А. И., Трошкина М. А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Академическая публицистика, 2019. № 4. С. 227–230.
7. Надеев Ю. А. Убийства несовершеннолетних: криминологические и виктимологические аспекты исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 180 с.
8. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 месяцев 2019–2022 гг., 6 месяцев 2023 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 13.11.2023).
9. Рудь В. Г. Современная насильственная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 202 с.
10. Писаревская Е. А. Насильственная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 253 с.
11. Трое подростков из Закаменска признаны виновными в изнасиловании и убийстве 11-летней девочки // Инфпол: официальный сайт. URL: <https://www.infpol.ru/129185-troe-podrostkov-iz-zakamenska-priznany-vinovnymi-v-iznasilovanii-i-ubiytve-11-letney-devochki/> (дата обращения: 13.11.2023).

История развития института усыновления в России

Савельева Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор;

Уразова Гузаль Хайдаровна, студент магистратуры

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

В статье автор исследует институт усыновления в России и его историческое развитие.

Ключевые слова: усыновление, дети, государство, усыновитель, усыновляемый.

Институт усыновления берет свои истоки еще с доисторического периода, однако, для настоящего исследования представляет интерес установление источников, в которых впервые прослеживается наделение действий по усыновлению юридическим содержанием.

Следует отметить, что в Древнем Риме процесс усыновления имел сложную реализацию и решался на народном собрании, к которому доступ имели только мужчины, что соответственно предопределило субъектов усыновления, а именно: в качестве усыновленного и усыновителя могли быть исключительно свободные лица мужского пола (рабы не допускались к усыновлению). [1, С36–44]

В качестве важного критерия ограничивающего проведение процесса усыновления закреплялась обязательная разница в возрасте, между субъектами рассматриваемого процесса, составляющая не меньше чем 18 лет. Заметим, что указанное ограничение выступало предупредительным фактором в борьбе с незаконной передачей наследственных прав, осуществления

перераспределения объектов собственности, которые в законе не были закреплены.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в древние времена женщины не могли быть удочерены, поскольку не имели юридического статуса гражданина.

Согласно положениям Законов Хаммурапи (Древний Вавилон) усыновление подразделялось на два вида: 1) предполагающего предоставление наследства; 2) без предоставления наследства. Также закреплялось, что «усыновленный воспитанник обратно по суду не может быть востребован». [2, С. 45–50]

Необходимо заметить, что в Древней Греции усыновление представляло собой меры, направленные на обеспечение защиты детей. В случаях, когда опекун либо усыновитель для ребенка не были найдены, то государство принимало на себя обязанность воспитать такого ребенка.

Из этого следует, что роль древних государств состояла в обеспечении социальной функции — защите детей. Однако,

как отмечает Е.М. Кондрашина [3, С. 55–58] история древности имела достаточно пёстрый характер, в частности и в отношении явления усыновления. Наравне с вышеуказанным процессом допускался отказ отца от ребенка, в связи с непризнанием последнего, что выражалось в выбрасывании родившегося малыша на улицу. При этом государство такие действия не бралось осуждать. Так, в большинстве случаев исход таких детей был предрешен, но если кто-то его подбирал, то вправе был обращаться с ним как с рабом, поскольку такой ребенок не имел юридического статуса.

С развитием в Римской империи и других государствах Европы христианства отношение к детям и реализация процедуры усыновления получили существенную трансформацию.

Следует заметить, что сформировавшийся институт усыновления удерживался практически до начала Нового времени, при этом опираясь на существовавшие христианские правила. Различные изменения в рассматриваемом процессе стали происходить во время перехода к капитализму (в той или иной степени).

Обратим внимание, что по сравнению с европейскими странами XVIII века в России процесс усыновления имел слабое распространение и соответственно регулирование. Полагаем, что указанное положение дел было связано с существовавшим крепостным правом и абсолютным характером правившей монархии. Поскольку в России крестьяне фактически рассматривались как рабы, а класса буржуазии не было, как и не было института частной собственности, то соответственно и отсутствовала необходимость юридического оформления права на отцовство (материнство).

Как замечает Е. Б. Ходырева, в России наличие актов усыновления считалось исключительным делом, отнесенным к компетенции самого монарха, что было странным закреплением. В качестве примера, можно привести разрешение Екатерины II братьям Остерманам, находящимся в статусе графов, провести усыновление старшего внука их сестры. На основании данного прецедента было установлено для каждого случая разрешение процедуры усыновления по личному согласию императрицы. [4, С. 105–112]

Однако, только к началу XIX века рассмотрение исследуемого вопроса в России получает непосредственно юридическое, а не прецедентное закрепление. Принятие специального указа в 1803 году позволило проводить процедуру усыновления в кругу близких родственников, которые в виду различных причин, остались без попечения; усыновителям передавались все права и обязанности, принадлежащие усыновленному (наследнику). Следует заметить, что указанная норма распространялась исключительно на лиц, состоящих в дворянском сословии. В последующем более детально регламентировались правовые вопросы, закрепляющие соблюдение внутрисословных принципов.

В связи с фактическими и правовыми событиями, происходящими в середине XIX века, происходили изменения и в правовом закреплении института усыновления. Согласно положениям Устава гражданского судопроизводства выделяли узаконение и усыновление детей, а также в Своде законов гражданских разрешалось усыновить ребенка (чужих детей, приемных, воспитанников), если свои дети (законные, узаконенные) у усыновителя отсутствовали. Данная норма за-

креплялась для обеспечения защиты прав законных детей. Для оформления рассматриваемого процесса следовало получить согласие со стороны второго супруга. Следует заметить, что оформление усыновления влекло приобретение усыновленным все прав и обязанностей, которые имели законные дети, а также признавалась возникновение родственной связи между субъектами рассматриваемого процесса.

Подчеркнем, что положения Свода законов гражданских предусматривали три способа осуществления усыновления, а именно: 1) дворянами; 2) лицами податных состояний; 3) иностранцами.

В период правления последних монархов институт усыновления ощутил новую волну правовых изменений, что было обусловлено отменой крепостного права и соответственно нивелированием существовавших ограничений по признаку сословия. [5, С. 86–91]

Многоэтапностью характеризовался этап усыновления для дворян: нотариальное оформление акта об усыновлении, с которым лица обращались в судебные органы и этот акт рассматривался в указанной инстанции, а затем акт о разрешении суда утверждался судебной палатой.

В российской глубинке частыми были случаи, когда «ребенка усыновляла кормилица, которая к нему привязалась (полюбила); или усыновление ребенка друзей кумом, если они не могут за ним ухаживать и обеспечивать. Кумовья становились духовными родителями и были ответственны на слаженность и мир в их семье».

Как известно, революционные события 1917 года полностью модифицировали существовавшие правовые институты, соответственно это коснулось и института усыновления. И так, с 1918 года процесс усыновления был отменен, поскольку считался пережитком, характерным для общества буржуазии. Полагаем, что рассматриваемое явление не может ограничиваться какими-либо классами или иными статусными положениями.

Следует заметить, что коммунистические лозунги предполагали, что воспитание детей будет проходить в общине, как без родителей, так и без приемных родителей, поскольку у бедного населения отсутствует имущество, необходимое для воспитания ребенка, в связи с этим право на усыновление им не требуется. Считаем, что только с современной позиции можно судить о реализации обозначенного сценария обреченного общества, а ведь советское население, являясь малообразованным и мало информированным, с надеждой верило в коммунистические постулаты советской пропаганды.

При этом, обратим внимание и на достаточно позитивные новшества рассматриваемого периода, так, Декретом 18.12.1917 года закреплено уравнение прав законнорожденных и незаконнорожденных детей. Вместе с тем проблема детей-сирот продолжала иметь место и никак не разрешалась. Широко распространялись случаи приема детей в семью без юридического оформления. Поэтому со временем, институт усыновления был возрожден советской властью, однако только к 1927 году, когда в положениях Кодекса законов о браке, семье и опеке в измененной форме была возвращена сословная принадлежность. [6, С. 79–83] Граждане Российской империи, отнесенные к категории враждебных классов, предприниматели со-

ветского времени, крестьяне зажиточного уровня, священники, а также иные представители слоя интеллигенции, усыновителями не вправе были выступать.

Отметим, что серьёзной проблемой новых изменений стала невозможность осуществления процесса усыновления ребенка, если отсутствует согласие его биологических родителей. В условиях окончания Первой Мировой войны и Гражданской войны указанное условие было практически нереализуемым.

Следует заметить, что современный Семейный кодекс Российской Федерации вступил в действие с 1 марта 1996 года и регламентирует отношения в семье, соответствующие права и обязанности как родителей, так и детей. В отношении процесса усыновления возвращен судебный порядок с подробной процедурой регламентации.

Однако, подчеркнем, что в настоящее время проблема осуществления усыновления (удочерения) в нашей стране имеет важное значение, так как большое количество детей продолжают оставаться без попечения, что вызвано высокими пока-

зателями смертности, широким распространением антисоциального образа жизни граждан.

Суммируя изложенное, отметим, что на институт усыновления напрямую оказывало влияние экономическое развитие России. Выявлено, что в законодательстве 1891 года закреплены положения сходные по содержанию с современной интерпретацией. В советский период, как отторжение буржуазного начала, был уничтожен рассматриваемый институт, однако, поскольку проблема детей-сирот после Первой мировой войны и событий 1917 года обострила социальную составляющую. Это послужило толчком к восстановлению института, с ограничениями выступать в качестве усыновителя гражданам, отнесенным к категории враждебных классов, предпринимателям советского времени, крестьянам зажиточного уровня, священникам, а также иным представителям слоя интеллигенции. Определено, что в период 1969–1996 годы постепенно происходило совершенствование нормативной базы рассматриваемого института.

Литература:

1. Архипов И. Н. История становления института усыновления (удочерения): от Древнего Рима до современной России / И. Н. Архипов // *Universum: экономика и юриспруденция: научный журнал*. — 2022. — № 3. — С. 36–44.
2. Макеева О. С. Формирование опекунского права в России в первой половине XX века / О. С. Макеева // *Социальное и пенсионное право*. — 2015. — № 2. — С. 45–50.
3. Кондрашина Е. М. Социально-правовое положение и защита детей, оставшихся без попечения родителей (к истории вопроса) / Е. М. Кондрашина // *Материалы научно-практической конференции*. — Барнаул. — 2013. — С. 55–58.
4. Ходырева Е. Б. Развитие института усыновления в России и за рубежом / Е. Б. Ходырева // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки* — 2013. — № 4(32). — С. 105–112.
5. Кулиббетова Е. Д. Усыновление детей иностранными гражданами на примере «закона Димы Яковлева» / Е. Д. Кулиббетова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2021. — № 12–4. — С. 86–91.
6. Крупейников К. В. История развития института опеки и попечительства в отечественном гражданском праве / К. В. Крупейников // *Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. История, философия, политология, право*. — 2012. — № 2. — С. 79–83.

Проблемы квалификации истязания как уголовно наказуемого деяния

Сальников Данил Евгеньевич, студент;
Прибыткова Мария Романовна, студент;
Шарипов Аслан Ильсурович, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В данной статье представлен анализ российского законодательства, которое устанавливает уголовную ответственность за истязание в Российской Федерации. Проблематика рассматриваемой темы является необходимым условием для правильной квалификации истязания как уголовно-наказуемого деяния, что впоследствии необходимо для более эффективного способа уголовно-правовой охраны личности в пределах Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, истязание, физические страдания, психические страдания.

Problems of qualification torture as a criminally punishable act

This article presents an analysis of Russian legislation that criminalizes torture in the Russian Federation. The problematics of the topic under consideration is a necessary condition for the correct qualification of torture as a criminally punishable act, which is subsequently necessary for a more effective way of criminal legal protection of the individual within the Russian Federation.

Keywords: *criminal law, criminal liability, torture, physical suffering, mental suffering.*

Объективная сторона данного общественно-опасного деяния выражена действиями — неоднократными, систематическими побоями либо иными насильственными действиями, последствием которых является физическое либо психическое страдание, а также причинной связью между действиями истязателя и страданиями потерпевшего. [2, с. 58]

При анализе статьи 117 УК РФ можно выделить два вида совершения истязания — это либо побои, имеющие систематический характер, либо иные насильственные действия. В данных способах и кроются главные проблемы квалификации истязания как уголовно-наказуемого деяния.

Проявлением данной проблемы является то, что на практике представляется достаточно сложным установить ту самую системность. Так как критерии системности не определены в российском законодательстве.

Необходимым элементом объективной стороны истязания является системность побоев, которая должна объединять единую линию поведения. В противном же случае преступление будет носить эпизодичный характер и квалифицироваться, как совокупность преступлений.

Таким образом, правильно при квалификации истязания следует исходить из того, что системность подразумевает по собой совершение побоев два или более раза в рамках срока давности привлечения к уголовной ответственности, а если быть более конкретнее — в рамках 2-х лет.

Как указывает К.А. Барышева, российское уголовное законодательство, в отличие от зарубежного, не рассматривает в качестве отдельного вида неблагоприятного последствия причинение эмоционального вреда, психических страданий. Указанный признак является криминообразующим только в одной норме УК РФ, а именно ст. 117 «Истязание». При квалификации деяния по данной статье к объективной стороне относится причинение психических или физических страданий потерпевшему, что является не последствием преступного поведения, а способом совершения преступления (так как состав формальный). Автор подчеркивает, что психические страдания, как следует из анализа нормы, можно причинить только путем физического насилия над жертвой, а это не соответствует характеристике данного понятия в гражданском праве. [1, с. 151–162]

Ещё одним способом истязания являются иные насильственные действия. Судебной практике известны случаи истязаний путём психического насилия, но этот способ, как и прошлый, сложен в процессе установления и доказывания.

Физическое и психическое страдания являются последствиями истязания. На наш взгляд именно последствия истязания представляются наиболее сложными в квалификации. По большей части эта проблема обусловлена тем, что обязанность по установлению факта страдания ложится на плечи

должностного лица правоохранительных органов. Думается, следует отнести данную обязанность к компетенции судебно-медицинского эксперта.

Изучив труды А.К. Зебницкой, можно выделить еще одну проблему, которая касается сознательных ошибок при квалификации по ст. 117 УК РФ правоохранительными органами. Например, супруг избивал на протяжении определенного времени свою супругу, впоследствии которая решила обратиться в отделение полиции с целью подачи заявления по факту совершенных противоправных действий. Скорее всего сотрудники скажут заявительнице о том, что заявление составлено неверно. Несмотря на это, очевидно, в данной ситуации дело публичного обвинения.

В отличие от частного и частно-публичного преследования, публичное преследование предполагает активные действия со стороны правоохранительных органов, независимо от заявления потерпевшего. В вышеупомянутой ситуации сотрудники полиции подразумевают, что через непродолжительное время супруги примирятся, следовательно, их работа окажется бесполезной, поэтому заведомо они пытаются снять с себя ответственность. В подобных случаях данная проблема приводит к безнаказанности и росту латентной преступности, поскольку при публичном преследовании можно применять меры пресечения, в том числе заключение под стражу, что позволило бы обезопасить потерпевшего от преступника.

В заключение нужно отметить, что по своей структуре состав преступления, определенный статьей 117 УК РФ, является довольно сложным при квалификации. Следовательно, на основе проведенного анализа охраняемых уголовным законом общественных отношений, необходимо первоначально выделить проблему квалификации, в связи с чем сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования данной нормы. Помимо указанной проблемы требуется также обратить внимание на довольно мягкую уголовную ответственность, предусмотренную данным составом преступления, в связи с чем надлежит рассмотреть возможность ужесточения санкции за истязания, которая должна соответствовать общественной опасности. Однако при ужесточении меры наказания за совершенное деяние не удастся полностью обеспечить гражданину уголовно-правовую защиту, поскольку зачастую преступник находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, тем самым, не давая себе отчет о совершении данного деяния. Из этого следует, что необходимо обратить внимание на влияние общественно-социальных законодательных мер по реагированию в данной ситуации. Одновременно, следует обратить внимание на сознательные ошибки при квалификации сотрудниками правоохранительных органов, которые могут привести к нарушению прав и законных интересов человека и гражданина.

Литература:

1. Барышева, К.А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом / К.А. Барышева // Закон.— 2017.— № 12.— С. 151–162.

2. Коротков, А. В. Внутрисемейное насилие в пределах ответственности за побои / А. В. Коротков, Н. В. Еремина // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 2. — С. 208–215.
3. Кудрявцев, В. Л. Объективная сторона квалифицированного состава принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ): вопросы теории и практики / В. Л. Кудрявцев // Адвокат. — 2016. — № 10. — С. 53–59.
4. Зебницкая, А. К. Некоторые вопросы правовой регламентации «бытового (домашнего) насилия» в России и США / А. К. Зебницкая // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2020. — № 3. — С. 17–19.
5. Давыдова, Н. Н. Принцип уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве / Н. Н. Давыдова // Российский следователь. — 2019. — № 9. — С. 22–25.
6. Харламов, В. С. Уголовно-правовая интерпретация виктимной стороны внутрисемейного насилия / В. С. Харламов // Журнал российского права. — 2016. — № 4. — С. 108–118.
7. Беспалов, Ю. Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект / Ю. Ф. Беспалов // Нотариус. — 2019. — № 1. — С. 21–25.
8. Молев, Г. И. Проблемы квалификации истязания как уголовно-наказуемого деяния / Г. И. Молев. — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-istyazaniya-kak-ugolovno-nakazuemogo-deyaniya???history=15&rfid=1&sample=0&ref=0> (дата обращения: 29.11.2023).

История развития правового механизма охраны водных ресурсов Великих озер

Седанова Элина Викторовна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: водные ресурсы бассейна Великих озер, трансграничный водоток, правовой механизм охраны.

Водные ресурсы играют большую и значимую роль в международном сообществе. Поскольку водные ресурсы очень подвержены человеческому воздействию, они нуждаются в правовой охране на всех уровнях. С каждым годом правовые нормы претерпевают процесс экологизации, что приводит к здоровому и прогрессивному развитию законодательства, как на национальном, так и на международном уровнях.

Правовой механизм является основным из элементов правовой охраны водных ресурсов. Чтобы проследить как со временем меняются правовые нормы, и насколько результативнее они становятся в данной научной статье мной был выбран отдельный природный объект, а точнее, совокупность природных объектов. В роли объектов моего научного исследования выступают Великие озера.

Великие озера — это система пресноводных озёр в Северной Америке, на территории США и Канады в бассейне реки Святого Лаврентия, составляющая самую большую группу пресноводных озер на Земле [1]. Расположенные на границе США и Канады, Великие озера состоят из озер Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри и Онтарио (некоторые ученые также относят к данному списку озеро Сент-Клер, однако, данный вопрос находится все еще в состоянии дискуссии).

Свои истоки правовой механизм охраны Великих озер берет с момента заключения первых договоров между Коронай и коренными народами северной Америки, которые получили название как «Ниагарские договоры». Первый «Ниагарский договор» был заключен в 1764 году, который стал основополагающим в системе правового механизма в охране Великих озер.

Ниагарский международный договор является основополагающим конституционным моментом, собранием раз-

личных правовых порядков — британских и коренных, — а не навязыванием колониального права. Он создает новый альянс для взаимной выгоды (некоторые называют его первой конфедерацией Канады) [2]. Британцам не предоставляется юридический суверенитет или юрисдикция над новыми землями (хотя они будут претендовать на них). Вместо этого им разрешается селиться на территориях коренных народов на четких условиях: путем заключения договора и выполнения своих договорных обещаний. Этот международный договор уступал право владения на узкую четырехмильную полосу земли на западном берегу реки Ниагара (которая является трансграничным водотоком для современных территорий Канады и Соединенных Штатов) и устанавливал отношения, которые должны были соблюдать новые поселенцы, въезжающие на территорию, ставшую впоследствии Канадой. Данный договор в основном регулировал вопрос о размещении новых поселенцев на территории берега реки Ниагара, возделывания земель, но помимо этого разрешал пользование водными ресурсами трансграничного водотока.

Далее Форт-ниагарским договором 1781 года и Форт-ниагарским договором 1787 года территория, предоставляемая британцам была увеличена, в связи с развитием сельскохозяйственных поселений около форта Ниагара, а также поселений Стэмфорд, Уиллоуби и Берти, которые требовали больше земель, а также водных ресурсов для надлежащего развития [3].

Одним из важнейших международных соглашений, чьему изучению уделяли внимание многие современные ученые это Договор о пограничных водах 1909 года. Данный договор подразумевает под собой основной механизм, служащий разрешением для всех спорных вопросов и ситуаций, возникающих

по поводу всех трансграничных вод Канады и Соединенных Штатов Америки.

Договор 1909 года дает определение «пограничным водам» как поверхностные воды вдоль международной границы, практически всей, за исключением притоков выше по течению. Данное понятие далеко от понятия «трансграничных вод», закреплённого в Конвенции о трансграничных водотоках 1992 года, однако уже на тот момент выделяет основной признак это принадлежность водного объекта к территориям двух и более государств.

Также данный международный документ предусматривает ограниченное основание для судебного иска — если речные операции в стране, расположенной выше по течению, наносят ущерб частным лицам в стране, расположенной ниже по течению, что закреплено во второй статье [4].

Договор о пограничных водах США — Канада 1909 г. предопределил создание Комиссии по пограничным водным ресурсам. Комиссия до сих пор функционирует и по сей день, имеет большой круг сотрудников, а также иные необходимые для деятельности ресурсы. В полномочия Комиссии входит контроль за работой гидроэлектростанций, предупреждение, прогнозирование наводнений, а также устранение их последствий. Также вышеупомянутая Комиссия обеспечивает судоходство в районе Великих озер.

Следующим не менее важным договором по охране водных ресурсов Великих озер является Соглашение о качестве воды в Великих озерах 1972 года. Целью данного Соглашения является восстановить и поддерживать химические, физические и биологические условия в крупнейших в мире по площади пресноводных озерах [5]. Также Соглашением о качестве воды закрепляется понятие «проблемных районов» под которыми понимаются географические районы, которые не соответствуют общим или специфическим целям соглашения, когда такое несоответствие привело или может привести к снижению полезного использования способности района поддерживать водную флору и фауну.

Данный международный акт претерпевал множество изменений и дополнений, в связи с изменением отношений сторон, а также с изменением состояния Великих озер. Несмотря ни на что, Соглашение по водным ресурсам Великих озер является динамичным законодательным актом, который является актуальным, так как при его совершенствовании всегда учитываются постоянно меняющиеся приоритеты и ценности.

Говоря о правовом механизме охраны водных ресурсов Великих озер нельзя не сказать о Хартии Великих озер 1985 года. Целью данной Хартии является оперативное уведомление о значительных водосбросах, а также своевременное консультирование между губернаторами штатов и премьер-министрами провинций для регулирования возникших ситуаций. Хартия 1985 года закрепила определенный механизм действий в случаях превы-

шение сброса излишней воды из водохранилища более чем на пять миллионов галлонов воды в день в течение более тридцати суток.

Одной из значимых проблем, возникших в отношениях между США и Канадой, является проблема экспорта воды из Великих озер в конце двадцатого века. Канада была категорически против экспорта водных ресурсов из трансграничных вод Великих озер, что и послужило поводом для необходимости обращения в Международную совместную американо-канадскую Комиссию для дачи разъяснений. Для решения данной проблемы было принято решение о разработке определенных стандартов, которые бы регулировали вопросы принятия предложений об изъятии воды из бассейна Великих озер.

Стандарты были воспроизведены в форме определенных принципов, которые заключались в следующем: потеря воды должны быть всячески минимизирована; не должно быть причинено значительного вреда ни качеству, ни количеству воды; изъятие должно привести к улучшению вод и водозависимых ресурсов; такое изъятие должно соответствовать законодательству [6]. Вышеупомянутый международный документ стал эффективным инструментом для решения проблем излишнего водосброса и экспорта вод.

Данные принципы получили свое закрепление в Приложении 2001 года к Хартии Великих озер 1985 года.

На основании Хартии Великих озер 1985 года и приложения к нему 13 декабря 2005 года было подписано Соглашение об устойчивом использовании водных ресурсов в бассейне Великих озер и реки Святого Лаврентия. Соглашение 2005 года является гарантом добросовестности при управлении водными ресурсами бассейна Великих озер. Обязанности Соглашения 2005 года ложатся на губернаторов американских штатов Иллинойс, Индиана, Мичиган, Миннесота, Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания и Висконсин, а также премьер-министров канадских провинций Онтарио и Квебек.

Соглашение устанавливает модель управления водными ресурсами в условиях изменения климата, подчеркивает важность государственного управления в бассейне Великих озер и устанавливает критерии принятия решений по водозаборам [7].

Завершить анализ правового механизма охраны водных ресурсов Великих озер хотелось бы Соглашением о водных ресурсах бассейна реки Святого Лаврентия Великих озер 2007 года. Соглашение 2007 года более подробно конкретизирует порядок использования водных ресурсов бассейна Великих озер.

Данная система американо-канадского сотрудничества по охране и защите водных ресурсов бассейна Великих озер прошла долгий путь развития. Необходимо отметить действенность и позитивный опыт данной системы сотрудничества, на основании которой свои отношения могут строить и иные государства.

Литература:

1. Электронная библиотека: большая российская энциклопедия: сайт / Российская государственная библиотека. 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/4343974> (дата обращения: 27.11.2023). — Режим доступа: в свободном доступе — Текст: электронный.

2. Электронная библиотека: большая российская энциклопедия: сайт / Российская государственная библиотека. 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/4343974> (дата обращения: 27.11.2023).— Режим доступа: в свободном доступе — Текст: электронный.
3. Электронная библиотека: большая российская энциклопедия: сайт / Российская государственная библиотека. 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/4343974> (дата обращения: 27.11.2023).— Режим доступа: в свободном доступе — Текст: электронный.
4. Договор между США и Канадой 1909 г. по пограничным водам и создание Международной совместной комиссии: успехи, уроки и пример сотрудничества [Электронный ресурс] / Ю.Х. Рысбеков.— URL: http://www.cawater-info.net/6wwf/conference_tashkent2011/files/review_ies.pdf (дата обращения: 27.11.2023)
5. Great Lakes Water Quality Agreement // International Joint Commission (IJC) [Электронный ресурс] — URL: http://www.ijc.org/files/tinymce/uploaded/GLWQA_e.pdf (дата обращения: 27.11.2023)
6. Электронная библиотека: большая российская энциклопедия: сайт / Российская государственная библиотека. 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/4343974> (дата обращения: 27.11.2023).— Режим доступа: в свободном доступе — Текст: электронный.
7. Border Flows: A Century of the Canadian-American Water Relationship [Электронный ресурс] — URL: <http://www.environmentandsociety.org/mml/border-flows-century-canadian-american-water-relationship> (дата обращения: 27.11.2023)

Понятие угрозы в российском уголовном праве и законодательстве

Седов Илья Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Абдрахманова Елена Робертовна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

Исследована сущность понятия угрозы в различные периоды становления уголовного законодательства: дореволюционного, советского и современного. Выделены три основных аспекта рассмотрения понятия угрозы в современном праве.

Ключевые слова: угроза, уголовное право, психическое насилие, опасность.

Преступления против жизни и здоровья личности (как физического, так и психического) — это противоправные деяния, искажающие и разрушающие эти ценнейшие блага, а также подвергающие индивидуума опасности путем угрозы причинения вреда, что требует уголовно-правовой защиты со стороны государства. Охрана ключевых прав личности представляет собой одну из наиболее значимых функций современного правового государства.

В структуре преступлений против жизни и здоровья особое место занимает состав преступления, предусмотренный статьей 119 Уголовного кодекса Российской Федерации «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». Данная уголовно-правовая норма: во-первых — защищает личность от психического насилия, а во-вторых — предупреждает совершение тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья человека [8, с. 299].

Нормы уголовного законодательства о преступлениях против жизни и здоровья, к числу которых относится угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, являются достаточно разработанными в настоящее время, вместе с тем прослеживаются противоречия между теоретическими положениями науки уголовного права, законодательной конструкцией ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации и правоприменительной практикой. В связи с этим возникает необходимость тщательного изучения данной уголовно-правовой категории.

Для понимания сущности угроз обратимся к пониманию данного термина в русском языке. В Толковом словаре С.И. Ожегова угроза понимается в двух значениях: 1) запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло; 2) возможная опасность [7, с. 825] Согласно Большому энциклопедическому словарю угроза — это «высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам» [2, с. 534]. В толковом словаре В.И. Даля слово «угрожать» объясняется как «грозить, страшить, наводить опасность либо опасенье, держать кого под страхом, под опаскою» [5, с. 467].

В уголовном праве существуют различные авторские подходы к определению «угрозы». При проведении научных исследований относительно развития теоретических аспектов данного понятия выделяют три основных исторических периодов России: дореволюционный, советский и современный.

Наиболее яркими представителями научной мысли относительно понятия угрозы в уголовном праве дореволюционного периода являются А.В. Лохвицкий, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Л.С. Белогриц-Котляревский, С.В. Познышев. Данными учеными угроза в большей степени рассматривалась в контексте посягательства на свободу, а также основной своей целью имела возбуждение страха у угрожаемого лица. Также хочется отметить, что в данный период неоднократно ставился вопрос о криминализации отдельных видов преступлений.

Значительный вклад в изучение угрозы в советский период внесли М.Д. Шаргородский, Л.Д. Гаухман, В.Д. Меньшагин, А.А. Пионтковский, Т.В. Церетели, Г.К. Костров, которыми угроза рассматривалась исключительно как синоним опасности, ее уголовно-правовая категория не изучалась. Впервые было предложено при квалификации угрозы учитывать характер и степень восприятия угрозы. [1, с. 294].

В современном периоде развития уголовного права угроза рассматривается следующим образом: 1) словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; 2) один из видов психического насилия над человеком [3, с. 425]. Е.Н. Макарова под угрозой-деянием понимает виновно совершённое общественно опасное воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общества, заключающееся в демонстрации или высказывании субъективной решимости причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в условиях реальной возможности её реализации [6, с. 102].

Р.Б. Головкиным сформулировано следующее определение понятия «угрозы в праве»: это отраженная в праве совокупность явлений, факторов, обстоятельств объективного и субъективного плана, которые потенциально, прямо или опосредованно причиняют или могут причинить вред личности, обществу или государству. Автор считает, что, исследуя угрозы в связи с правом, можно рассматривать и угрозу самому праву. Угрозы праву, по мнению Р.Б. Головкина — это совокупность

объективных и субъективных факторов, которые могут подменять и подменяют право в регулировании поведения человека [4, с. 155].

На современном этапе развития в науках уголовно-правового цикла угроза рассматривается в трех основных аспектах: 1) угроза — это психическое насилие [Э.Ф. Побегайло, Л.В. Даниелян, А.Я. Сухарев, Е.Н. Макарова]; 2) угроза — средство психического принуждения [А.Г. Безверхов, В.В. Иванова]; 3) возможная опасность наступления преступных последствий [О.Р. Рузевич, А.А. Крашениников, Р.Б. Головкин].

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации слово «угроза» применяется 81 раз, это говорит о многообразии данной категории и требовании широкого его толкования реализации [6, с. 101]. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации угроза представляет собой: способ подстрекательства, доведения до самоубийства (ст. 110); способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150); способ незаконного получения сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183); самостоятельный состав преступления при угрозе убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 119).

На основании вышеизложенного, можно констатировать, что толкование понятие угрозы в настоящее время достаточно обширно, уголовное право посредством уголовно-правового законодательства защищает общество от наиболее опасных посягательств.

Литература:

1. Александрова Э.Д. Развитие теоретических представлений об угрозе в уголовном праве России // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 6(222). — С. 293–296.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Большая Российская энциклопедия, 2001. — 1434 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 703 с.
4. Головкин Р.Б. Право и угрозы // Вестник Владимирского юридического института. — 2018. — № 1(46). — С. 153–158.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Русский язык Медиа, 2003–2721 с.
6. Макарова Е.Н. Понятие, виды и значение угрозы как элемента преступной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vidy-i-znachenie-ugrozy-kak-elementa-prestupnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.08.2023).
7. Ожегов, с. И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Русская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. — 944 с.
8. Шутова Ю.А. О некоторых аспектах уголовно-правовой и криминологической характеристики угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7(223) — С. 299–302.

Особенности договора коммерческой концессии: сравнение российского и зарубежного законодательства

Семенов Валерий Александрович, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью сравнения практики урегулирования споров в рамках договора коммерческой концессии российскими судами, уникальностью объекта договора, вариативности использования гражданских прав сторонами сделки. Цель работы — перечисление, уточнение, конкретизация неочевидных проблем правового регулирования отношений

сторон по договору коммерческой концессии с опорой на сложившуюся судебную практику, сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства. Задачами являлись: конкретизация проблем в правоотношениях сторон договора коммерческой концессии, определение относимости и важности надлежащего указания круга возможных участников по договору, анализ практики разрешения судами наиболее распространённых возникающих споров в рамках взаимоотношений сторон договора коммерческой концессии, сравнение применения базовых понятий обязательственного права в рамках споров по договору коммерческой концессии в Российской Федерации и в иностранных государствах.

Ключевые слова: коммерческая концессия, франчайзинг, правообладатель, пользователь, секреты производства.

Features of a commercial concession agreement: comparison of Russian and foreign legislation

The relevance of the topic of the article is due to the need to compare the practice of dispute settlement within the framework of a commercial concession agreement by Russian courts, the uniqueness of the object of the agreement, the variability of the use of civil rights by the parties to the transaction. The purpose of the work is to enumerate, clarify, and concretize non-obvious problems of legal regulation of relations between the parties under a commercial concession agreement based on established judicial practice, comparative analysis of Russian and foreign legislation. The tasks were: to specify the problems in the legal relations of the parties to the commercial concession agreement, to determine the relevance and importance of properly specifying the range of possible parties to the agreement, to analyze the practice of resolving the most common disputes by courts within the framework of the relationship between the parties to the commercial concession agreement, to compare the application of basic concepts of the law of obligations in the framework of disputes under the commercial concession agreement in the Russian Federation and in foreign countries.

Keywords: commercial concession, franchising, copyright holder, user, production secrets.

Опыт правового регулирования договора коммерческой концессии в практическом плане представляет собой однородно сложившуюся судебную практику, которая прежде всего, при разрешении конкретных споров, обращает первоочередное внимание на формальный предмет договора — передачу прав на объекты интеллектуальной собственности. Будь то права на использование товарного знака или на секреты производства конкретного обладателя таких прав, специализированные суды по экономическим спорам в Российской Федерации — Арбитражные суды, заостряют свое внимание на факте передаче таких прав. Анализ сложившейся судебной практики позволяет сделать определенные выводы касательно поднятого вопроса.

К примеру, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.09.2023 N C01-1691/2023 по делу N A40-267540/2022 поднимает определенный вопрос: был заключен ли договор, если тот не зарегистрирован в установленном законом порядке? Суть спора достаточно прагматична: взыскание с Пользователя денежных средств за неуплату единовременного взноса (паушальный взнос) и периодических ежемесячных платежей за пользование полученными исключительными правами (роялти). Ответчик (пользователь по договору) ссылался на то, что договор не был зарегистрирован в установленном порядке, и ввиду этого, не был заключен, и соответственно, обязанности по уплате платежей по договору, у него нет.

Суд по интеллектуальным правам установил полные обстоятельства дела и пришел к следующему выводу: регистрация договора в Федеральной службе по интеллектуальной собственности не умаляет и не ставит собой вопрос о наличии отношений между сторонами, если они достигли при этом соглашения. Пользователь получил права, на которые рассчитывал и желал, осуществлял предпринимательскую деятельность и извлекал из этого прибыль, а все благодаря полу-

ченным на возмездной основе правам на интеллектуальную собственность правообладателя. Таким образом, если из деятельности в рамках договора коммерческой концессии пользователь извлекал прибыль, то он может реализовывать иные права, связанные с комплексом исключительных прав, но при этом и должен нести и обязательства, которые урегулированы договором. Передача исключительных прав для использования их в предпринимательской деятельности в силу действующего законодательства, имеет возмездную основу. Ссылка на отсутствие государственной регистрации договора коммерческой концессии и находит под собой почву и не относится к предмету спора. Исходя из действий стороны, суд был вынужден применить правило эстоппель, и запретил ответчику ссылаться на указанные обстоятельства.

Ранее, до 01 сентября 2014 года, государственная регистрация договора коммерческой концессии, равно как сделок с недвижимым имуществом, была обязательна, и влекла в противном случае, последствия несостоявшейся сделки. Ныне же, отсутствие такой регистрации не влечет таких негативных последствий, главным является достижение согласия сторон об основных и существенных условиях договора.

Иное толкование являет собой следствие либо манипулированием нормами права, или введением суда в заблуждение.

Также стоящим для упоминания моментом выступает отсутствие необходимости регистрации договора в зарубежных странах — в Германии (отсутствует отдельный закон для регулирования, для этой цели используются общие нормы деловой практики) и в Торговом кодексе (который регулирует такие правоотношения) Франции отсутствуют такие обязанности у сторон. Вполне вероятно, что применения принципа эстоппель в упоминаемом выше деле, могло и не быть в условиях отсутствия такого обязательства по регистрации договора.

Другим немаловажным с точки зрения практики регулирования взаимоотношений сторон, связанных договоров коммерческой концессии, моментом, является вопрос об участниках отношений. Под этим понимается следующее. Как правило, или даже, по обыкновению, в России широко распространена такая форма предпринимательской деятельности физических лиц как индивидуальное предпринимательство. Данный режим является чрезвычайно привлекательным для субъектов малого и среднего бизнеса из-за щадящей налоговой нагрузки.

В некоторых случаях использование комплекса исключительных прав в своей предпринимательской деятельности, может обходиться пользователю почти без налогового бремени, если тот будет применять патентную систему налогообложения. Данный опыт и возможность не обошла стороной и субъектов предпринимательской деятельности, использующих интеллектуальные права, выступая пользователем и правообладателем по договору коммерческой концессии. Применяя индивидуальное предпринимательство, правообладатель может зачастую не обременять себя полным урегулированием своей структуры, так как попросту не является юридическим лицом с четкой и выверенной организацией. Ввиду этого частым явлением предстает участие в предпринимательской деятельности супругов правообладателя, товарищей и иных доверенных лиц, которые не закреплены с правообладателем трудовыми или гражданско-правовыми отношениями, но активно и прямо участвуют в его предпринимательской деятельности.

Как пример, супруга индивидуального предпринимателя может оказывать дополнительные услуги пользователям — модерирование работы, ответы на часто задаваемые вопросы, перенаправление денежных средств на рекламные кабинеты у проверенных поставщиков рекламных услуг, продажа фирменной атрибутики (мебель, аксессуары, косметика). Как правило, отдельные договоры на продажу или оказания услуг, не составляются, ввиду очевидной массовости таковых случаев. Тем самым встает следующий правовой вопрос — насколько легитимно принимать лицу, который не является субъектом предпринимательской деятельности, не скреплен узами договора коммерческой концессии, денежные средства, которые предназначены для правообладателя по договору, не является ли получение таких денежных средств, неосновательным обогащением.

Принимая во внимание в данный момент непосредственно вопрос относимости этого лица к сторонам по договору, и вопрос основания для приема денежных средств, судебная практика отвечает следующим образом: это допустимо, если об этом достигнуто соглашение между сторонами. Конкретизируем вывод: должны быть подтверждения того, что такие порядки и такие отношения, допускаются между сторонами на частой основе. Это косвенно может подтвердить отсутствие претензий

и возражений в адрес как получателя денежных средств, так и к правообладателю, периодичность и характер перечисления денежных средств. Основным же доказательством может выступить деловая переписка в мессенджерах, а также факт натурального исполнения или оказания услуг.

Хорошим примером на наш взгляд может являться следующий случай, который описан в деле А41-51476/2023, рассмотренного 16.08.2023 г. Арбитражным судом Московской области.

Фабула дела прозаична — взыскание неосновательного обогащения, который по мнению истца, получил денежные средства без имеющихся на то оснований. Судом было установлено следующее — ответчик являлся контрагентом с правообладателем, оказывал дополнительные услуги его пользователям в виде продажи фирменной косметики. Отдельных договоров купли-продажи не заключалось. Ответчик сумел доказать отсутствие неосновательного обогащения путем демонстрации отсутствия каких-либо претензий ранее во время перечисления денежных средств (отмечаем, что таких платежей было несколько), указания на то, что также имелись выставленные счета в адрес плательщика с указанием назначения в пользу покупки косметики (разумеется, платежи с таким основанием по счету, не могли не стать доказательством факта наличия отношений и легитимности приема денежных средств).

В упоминаемом деле наиболее интересным моментом с точки зрения правового регулирования договора является факт наличия иных лиц, которые прямо не урегулированы положениями договора, и что такие лица имеют не самую косвенную возможность участвовать в предпринимательской деятельности сторон. Подразумевается это, разумеется, при условии, что не нарушаются права этих самых сторон.

Стоит отметить, что при использовании сугубо формального подхода к разрешению такого спора, исковые требования могли бы быть удовлетворены.

К примеру, в ФРГ с неуклонно увеличивается количество судебных споров, которые связаны с договором коммерческой концессии, а именно с защитой интересов франчайзи, основанных на недостаточном раскрытии информации в большинстве своем. В преобладающем количестве решений по таким делам, суды руководствовались общими положениями о договорных отношениях, не осуществляя попыток в резолютивной части выделить франчайзинг как отдельный вид договора и обобщить его особенности. Обратное мы видим в нашей судебной практике, которая старается помимо формального подхода, обращать внимание на сущность спора, на действительные обстоятельства, и то, что российские суды стараются выделять и обособлять договор коммерческой концессии как самостоятельный элемент, но и при этом, неразрывно укрепляя его с базой обязательственного права для соблюдения интересов сторон и правильного разрешения дел.

Литература:

1. Вронская М. В., Амарян Л. А. Договор коммерческой концессии и договор франчайзинга: сравнительно-правовой анализ российского и международного законодательства // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. С. 122–134.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022)
3. Кулеева И. Ю. Проблемы и противоречия законодательного регулирования договора коммерческой концессии в Российской Федерации и в зарубежных странах («Современное право», 2019, N3).
4. Куцев Олег Анатольевич «Сравнительно-правовой анализ положений о коммерческой концессии (франчайзинге) в Германии, США и России». Белгородский национальный исследовательский университет г. Белгород 2020.
5. Молчанов А. А., Гражданское право (особенная часть): учебник (978–5–91837–181–7), Издательство: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019.— 425 с.
6. Электронный сервис Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru) www.arbitr.ru.

К вопросу о необходимости проведения судебно-психологической экспертизы по гражданским делам о защите прав несовершеннолетних

Семичева Надежда Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Королёв Максим Петрович, старший преподаватель
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

Ключевые слова: защита прав несовершеннолетних, гражданский процесс, судебно-психологическая экспертиза, воспитание.

В настоящее время существует множество судебных споров, связанных с защитой прав несовершеннолетних граждан.

Поскольку указанная категория является наиболее уязвимой, нестабильной в эмоциях, возникает потребность в применении специальных знаний для вынесения судом законного и обоснованного решения.

Распространенной судебной ошибкой при рассмотрении и разрешении дел является неясность всех обстоятельств дела, непроверенные и недостаточные доказательства по делу, что сопровождается вынесением незаконного и необоснованного решения.

Суды вынуждены прибегать к назначению судебной экспертизы для выяснения точного, независимого, непредвзятого мнения ребенка.

Экспертиза назначается по спорам, связанным с воспитанием детей. Это дела об определении места жительства ребенка, об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников, по делам, связанным с ограничением или лишением родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об усыновлении и отмене усыновления, об установлении отцовства, об оспаривании отцовства (материнства) и другие.

Задача экспертизы состоит в представлении информации об индивидуально-психологических особенностях родителя, стиле воспитания, соответствия или несоответствия индивидуальным особенностям и интересам ребенка [1].

Для установления вышеназванных данных проводится судебно-психологическая экспертиза, которая в свою очередь состоит в следующем.

1. Выявляются индивидуальные особенности всех членов семьи.

Отдельно исследуются индивидуально-психологические особенности каждого из родителей, отдельно ребенка.

При проведении исследования ребенка необходимо установить возраст несовершеннолетнего, особенности психического развития, уровень психического развития.

Как правило, сложившаяся конфликтная ситуация в семье определяет высокий уровень эмоциональной напряженности каждого из ее членов. Следует учитывать, что после судебного решения и завершения конфликта эмоциональное состояние ребенка и его родителя изменятся.

2. Диагностика семейных отношений.

Включает в себя определение взаимоотношений ребенка с отцом и ребенка с матерью, диагностику отношения ребенка к каждому из родителей, а также к другим членам семьи. Это необходимо для выяснения в судебном заседании степени привязанности к одному из родителей или иному родственнику. При этом, при определении привязанности суду не следует опираться только на объяснения сторон, в том числе и ребенка.

Известно, что зачастую на ребенка оказывают давление родственники, проговаривают что отвечать в рамках судебного разбирательства, поэтому для установления истинного отношения ребенка к членам своей семьи необходимо мнение эксперта.

3. Вырабатывается комплексная психологическая прогностическая оценка психического развития ребенка.

Суду необходимо при разрешении спора в судебном заседании учитывать мнение ребенка о месте его проживания, принимая во внимание особенности и уровень возрастного психического развития ребенка, а также влияние на его психическое состояние сложившейся конфликтной ситуации.

Что касается самого эксперта-психолога, он должен иметь высшее юридическое образование, знаниями в области теории, методологии и практики судебной психологической экспертизы, знанием экспертных методик и уметь применять их в практической деятельности.

Однако, несмотря на то, что судебная экспертиза помогает суду в правильном разрешении дела, существуют некоторые недостатки.

Так, эксперт проводит психологическое исследование ребенка, не прибегая к изучению педагогических аспектов, связанных с его обучением и воспитанием.

Кроме того, поскольку эксперт и ребенок встречаются всего единожды, за это время невозможно установить истинные психологические особенности несовершеннолетнего, ребенку невозможно в полной мере раскрыться перед незнакомым человеком [2].

Эти и другие моменты не могут гарантировать абсолютное преимущество судебно-психологической экспертизы для разрешения дела, по существу.

В заключении хотелось бы отметить, что для установления истинных интересов ребенка суд нуждается в такой инфор-

мации, которая, отражала бы факты действительности и была получена из процессуально незаинтересованного в исходе дела источника. Такая информация могла бы служить самостоятельным судебным доказательством.

Таким образом, роль эксперта велика, суд возлагает на специалиста большие надежды, однако для урегулирования проблем в области проведения экспертизы необходимо законодательно установить норму, которая регламентировала бы порядок проведения судебно-психологической экспертизы. Необходимо прописать, какое количество встреч будет достаточно для того, чтобы ребенок смог открыться и его показания действительно были истинными, кроме того, сама встреча несовершеннолетнего и эксперта должна проходить наедине, дабы исключить излишнее давление на ребенка со стороны третьих лиц.

Литература:

1. Информационное письмо «О необоснованности назначения и производства психолого-педагогических экспертиз в гражданском судопроизводстве по семейным спорам, связанным с воспитанием детей» (утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол N1 от 18.03.2020), ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол N3 от 29.06.2020))
2. Ульянова А. Проблемы участия несовершеннолетних в гражданском процессе // Адвокатская газета. 2021.

Эффективность децентрализации в государственном управлении землями лесного фонда

Симонова Маргарита Сергеевна, студент;

Цевенова Анастасия Романовна, студент

Научный руководитель: Сорокина Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается порядок управления землями лесного фонда в Российской Федерации, определяются особенности лесного участка как особого объекта недвижимости. Особое внимание уделяется плюсам и минусам исключительно федеральной собственности на земельные участки, входящие в состав лесного фонда. Оценивается возможность передачи лесных участков в частную собственность в условиях современных реалий.

Ключевые слова: лесной участок, лесной фонд, государственное управление, частная собственность.

The effectiveness of decentralization in state management of lands of the forest fund

Simonova Margarita Sergeevna, student;

Tsevenova Anastasiya Romanovna, student

Scientific advisor: Sorokina Yuliya Viktorovna, candidate of law sciences, associate professor

Saratov State Law Academy

The article considers the procedure of management of forest fund lands in the Russian Federation, defines the peculiarities of a forest plot as a special real estate object. Special attention is paid to the pros and cons of exclusive federal ownership of land plots included in the forest fund. The possibility of transferring forest plots into private ownership in the conditions of modern realities is assessed.

Keywords: forest plot, forest fund, state management, private ownership.

Активное использование лесных ресурсов приводит к необходимости непрерывной актуализации механизма правового регулирования земель лесного фонда. На протяжении длительного времени такое управление осуществлялось исклю-

чительно централизованно, только государством. Так, Лесной кодекс Российской Федерации [4] (далее — ЛК РФ) устанавливает в ст. 8.1 федеральную собственность на все земли лесного фонда. Однако сегодня возникает вопрос — насколько необхо-

дима децентрализация в управлении землями лесов, нужно ли развивать ее и далее, предполагая в будущем возможность передачи лесных участков в частные руки? Данные вопросы являются спорными в современном земельном праве.

Одной из основных причин активного использования лесных природных ресурсов в хозяйственной деятельности является возрастающая потребность в них. По этой причине отмечается неэффективность государственной политики в сфере регулирования лесных отношений, которая связана с отсутствием права частной собственности на земли лесного фонда.

В научных исследованиях, посвященных правовой природе лесных участков, выделяются их специфические свойства и признаки. Одним из главных отличий лесного участка от земельного участка является необходимость проведения лесоустройства на нем. Кроме того, второй отличительный признак связан с проведением проектных работ и подготовкой специальной документации. (например, ведомость деления лесов по целевому назначению и категориям защитных лесов, ведомость проектируемых особо защитных участков лесов, и т.д.)

Верховный суд РФ признал, что правовая природа лесных участков отличается от земельных, так как они являются самостоятельными природными объектами со специальным правовым режимом, который определяется лесным законодательством [5]. При этом, лесное законодательство основано на иных принципах, чем земельное законодательство. (в сравнении ст. 1 Земельного кодекса РФ [6] и ст. 1 ЛК РФ) [3]

Особенностью правового регулирования в исследуемой сфере является применение положений гражданского законодательства об объектах гражданских прав и земельного законодательства Российской Федерации о земельных участках, если иное не предусмотрено Лесным кодексом. Согласно п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ [7], лес больше не рассматривается как составная часть земельного участка как объекта права собственности.

Экологи-теоретики считают, что лес обладает особым свойством экосистемы и поэтому вообще не может быть рассмотрен в качестве самостоятельного объекта имущественных отношений.

Закрепляя исключительно федеральную собственность на лес, ЛК РФ не только исключает любые другие формы собственности, но и п. 10 ст. 1 ограничивает использование лесов органами государственной власти, органами местного самоуправления, что говорит о непредоставлении им лесных участков и невозможности быть лесопользователями. В то же время, данные органы выступают в качестве участников лесных отношений, что закреплено в ст. 4 ЛК РФ. Перечисленные органы реализуют государственную политику в сфере охраны лесов, поддержания их экологического состояния.

Вводя данные ограничения, законодатель не позволяет органам государственной власти и местного самоуправления использовать лесные участки в собственных экономических целях, способных принести непоправимый вред природным ресурсам. Так, например, невозможна аренда лесного участка у органа местного самоуправления, что уберегает лес от незаконной рубки.

Примером незаконного использования лесных участков органами местного самоуправления может послужить случай

из судебной практики. Постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2010 г. № 07АП-8827/10 было удовлетворено требование прокурора Республики Алтай о признании права на заключение договора купли-продажи лесных насаждений недействительным. В данном деле Администрация муниципального образования «Турочакский район» продала ИП Минченко А. А. данное право на конкретном лесном участке. Суд постановил, что данный лесной участок относится к землям лесного фонда и состоит в федеральной собственности, а значит, в соответствии с п. 10 ст. 1 ЛК РФ, Администрация не имела права на распоряжение данным участком [8].

С другой стороны, отмечается неэффективность государственного регулирования в управлении землями лесного фонда. Отмечается, что следует дифференцировать подход к управлению, определив задачи для разных уровней — государственного, субъектов РФ и органов местного самоуправления. Таким способом регулирование и охрана леса может стать более эффективной, ввиду учета природных особенностей каждого субъекта РФ, определенной местности и части лесных угодий. Так, А. П. Петров считает, что хозяйственное управление лесами по их использованию, охране, защите и воспроизводству на локальном уровне должен осуществлять частный лесной бизнес на правах аренды лесных участков и договоров купли-продажи лесных насаждений и государственный лесной бизнес в статусе государственных комплексных лесных предприятий, государственных бюджетных и автономных учреждений, государственных территориальных корпораций. [1]

Так, в соответствии со ст. 96 ЛК РФ, должностные лица органов государственной власти субъектов РФ, государственных учреждений, осуществляющие федеральный государственный лесной надзор, являющиеся государственными лесными инспекторами или лесничими имеют право: предотвращать нарушения лесного законодательства; осуществлять патрулирование лесов; проверять у граждан документы, подтверждающие право осуществлять использование, охрану, защиту, воспроизводство лесов и лесоразведение; пресекать нарушения лесного законодательства, приостанавливать рубки лесных насаждений, осуществляемые лицами, не имеющими предусмотренных настоящим Кодексом документов и т.д. К таким органам, в первую очередь, относится Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз), и др.

Кроме федерального надзора, ст. 98 ЛК РФ предусматривает наличие муниципального контроля за соблюдением федерального лесного законодательства, что является проявлением многоуровневого дифференцированного подхода к охране земель лесов.

Однако децентрализация управления может привести к негативным последствиям. Кудлаев Д. В. и Тищенко А. В. пишут, что в Приморье передача лесных участков в частную собственность и собственность местных администраций не привела к улучшению экологического состояния леса и снижению нелегальных рубок. Авторами отмечается, что несмотря на прямое обязательство арендаторов и собственников проводить ле-

совосстановительные работы, из 1823,60 га общей площади участков лишь 391,70 га было восстановлено коммерческими компаниями. [2]

Переходя к вопросу необходимости введения частной собственности на лесные участки можно отметить, что такая мера может привести к двояким последствиям. С одной стороны, собственник участка более тщательно подойдет к его охране; каждый субъект, имеющий в собственности лесной участок, должен чувствовать коллективную ответственность за благосостояние и сохранность природы, что в действительности даст ощутить национальный характер природных богатств государства. С другой же стороны, собственник, вольный распоряжаться имуществом в своих интересах, с большей вероятностью использует лесные насаждения на своем участке с целью получения экономической выгоды. Такое использование может

привести к истощению важнейшего природного ресурса государства, а также упадку экономики.

Таким образом, вопрос эффективности децентрализации государственного управления лесным фондом является неоднозначным, потому как такой способ может подойти не всем субъектам РФ. Для улучшения качества управления, законодательству предлагается уделить большее внимание дифференциации регулирования управления лесных земель с учетом природных особенностей тех или иных территорий. Что касается введения частной собственности на землю — можно сказать, что данный правовой институт пока что не представляется осуществимым в современных реалиях. Слишком высоким является риск невозможности отследить и проконтролировать действия множества собственников, которые могут принести вред не только лесному фонду, но и экономическим отношениям.

Литература:

1. Петров А. П. Централизация и децентрализация в эффективном управлении лесами // ЛесПромИнформ — 2019. — № 5(143)
2. Кудлаев Д. В., Тищенко А. В. Неэффективность децентрализации государственной собственности в сфере лесопользования в Приморье: причины и возможные последствия. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021 № 4 С. 29–51. (Электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neeffectivnost-detsentralizatsii-gosudarstvennoy-sobstvennosti-v-sfere-lesopolzovaniya-v-primorie-prichiny-i-vozmozhnye/viewer> (дата обращения 20.11.2023)
3. Хейтегова С. Е. Лесные участки как объекты гражданского права: специфика правового регулирования. // Северо-кавказский юридический вестник. — 2022 № 4 С. 100–109. (Электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lesnyye-uchastki-kak-obekty-grazhdanskogo-prava-spetsifika-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения 22.11.2023)
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ 2006 № 50, ст. 5278; 2023 № 31 ст. 5769
5. Решение Верховного суда Российской Федерации от 19.09.2007 N ГКПИ07–936// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. — № 1 (извлечение)
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 29.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ, 2001, № 44, ст. 4147; 2023 № 32 ст. 6224
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 1994, № 32, ст. 3301; 2023, № 31, ст. 5777
8. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2010 г. № 07АП-8827/10 о признании недействительными результатов аукциона по продаже права на заключение договора купли-продажи лесных насаждений // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 22.11.2023)

Формализм как проблема осуществления общественного контроля

Соколова Екатерина Вячеславовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматривается формализм общественного контроля, оптимизация деятельности общественного контроля в содружестве с средствами массовой информации, а также возможные проблемы при осуществлении контроля за деятельностью органов государственной власти.

Ключевые слова: общественный контроль, массовая информация, Российская Федерация, дежурная часть, деятельность, Советский Союз.

История возникновения общественного контроля уходит своими корнями в существование Советского Союза, когда были созданы и довольно эффективно работали группы народного контроля. Данные группы в основном осу-

ществляли свою деятельность на потребительском рынке, как говорят в «эпоху тотального дефицита». Но времена идут, и они меняются, нет Советского Союза, есть Российская Федерация.

21.07.2014 года выходит закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1]. Этот закон направлен в первую очередь на привлечение граждан к участию в управлении делами государства, деятельность которых осуществляется как в центре, так и в субъектах Федерации, муниципалитетах различного уровня, городских районных и так далее.

Целями общественного контроля является наблюдение за деятельностью органов исполнительной и государственной власти, то есть за государственными органами, осуществляющими публичную деятельность. И ко всему прочему осуществлять проведение анализа деятельности государственных органов, проведение экспертиз издаваемых социальных, правовых актов, выходить с предложениями гражданской инициативы различной направленности.

Институт общественного контроля довольно молодое начинание и пока идет становление, возможно допущение ошибок и прочих недостатков в работе общественных объединений. Приведу небольшой пример: Некоторое время назад представитель общественности проводил проверку работы дежурной части отделения полиции. О работе дежурной части полиции представителю общественности рассказал начальник отделения. Тем самым отсутствовал личный контакт с работниками подразделения дежурной части. Но ведь личный контакт без участия руководства, разумеется, мог бы показать более полную картину работы дежурной части с заявлениями и обращениями граждан. Таким образом, получился обыкновенный отчет начальника районного отделения полиции о работе дежурной части, что на мой взгляд, с одной стороны, показало формальный подход и к самой проверке со стороны общественников, так и формализм со стороны руководства отделения полиции.

Представляется, что данный пример наглядно отображает ситуацию в деятельности общественного контроля — это формализм.

Полагаю, что ряд скептиков могут возразить, о целесообразности такого вида общественного контроля так как считают, что нет необходимости проводить такие проверки. Ведь, по их мнению, существующая внутриведомственная структура в системе органов внутренних дел может и сама успешно и эффективно осуществлять такие проверки без участия общественных контролеров. К тому же возможен конфликт интересов между субъектами и объектами проверки, что в свою очередь может негативно отразиться на работе обеих сторон.

Однако с данной позицией трудно согласиться. Как пишет Филимонов А. «Основная задача любого демократического государства — обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина. При этом власть не может добросовестно и эффективно выполнять свои обязанности при отсутствии обратной связи и контроля со стороны своего «работодателя» — общества. Власти, как и любому работнику, нужно четко ставить задачу, следить процессом и итогами ее деятельности. Бесконтрольная власть подвержена коррупции, работает нерационально и злоупотребляет инструментами принуждения. Общественный контроль — это как раз тот механизм, который позволяет обществу контролировать власть, как на этапе при-

ятия, так и на этапе реализации решений и оценки полученного результата» [2].

Когда во главе угла общественной группы комиссии находится объект общественного контроля, т.е. руководитель городской, поселковой администрации, который определяет политику общественного объединения, то рассуждать о принципах народовластия, само по себе некорректно.

Видение данной ситуации, представляется в нарушении одного из основных принципов демократии — это независимость субъектов общественного контроля над деятельностью государственных органов. Исходя из этого, представляется, что несомненно большую роль во взаимодействии с различными общественными объединениями, будет играть такой субъект общественного контроля, как средства массовой информации. Телевидение и радио, периодические печатные издания и особенно Интернет активно формируют общественное мнение о деятельности различных органов публичной власти и их должностных лиц. Материалы, раскрывающие недостатки и содержащие обоснованную критику, привлекают внимание не только руководителей различного уровня, но и иных субъектов контроля, чем оказывается позитивное воздействие на общее положение дел в системе публичного управления. Правовые основы участия средств массовой информации в общественном контроле закреплены в действующем законодательстве Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому гражданину свободу мысли и слова. Гарантия свободы информации проявляется через право на поиск, получение, передачу, создание и распространение информации любыми законными средствами, а также свободу неподверженной цензуре работы средств массовой информации. Положения, изложенные в статье 29 Конституции, получили дальнейшее развитие и углубление в ряде других нормативных правовых актов, в основном в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Ключевое значение для участия СМИ в общественном контроле имеет ст. 3 этого Закона, которая содержит запрет на цензуру. Цензура массовой информации, то есть требование о предварительном согласовании сообщений и материалов (за исключением случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а также введение запретов на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, запрещено. В связи с этим необходимо закрепить право контроля средств массовой информации в законопроекте «Об основах общественного контроля в РФ» и установить в рассматриваемом Законе механизм их участия в такой деятельности.

Отсутствие эффективных гарантий независимости субъектов общественного контроля является серьезной проблемой, необходимой для решения. Евсиков К.С. подчеркивает этот факт, в своей статье, объясняя, что органы власти и другие участники общественного контроля всегда стремятся влиять на субъекты контроля. На сегодняшний день ограниченный перечень субъектов делает этот механизм влияния намного проще и удобнее. В качестве подтверждения приводятся примеры из общественных палат, где некоторые субъекты представлены только членами определенных зарегистрированных организаций, заслуженными гражданами или государственными чиновниками. Иными словами, государство уже располагает эф-

фективными методами воздействия на текущих субъектов общественного контроля [3].

Существующие проблемы в законе об общественном контроле необходимо дорабатывать и как можно скорее, чтобы сама идея не была «затертой».

Необходимо в первую очередь определить в законе следующее:

- критерии по которому происходит подбор участников различных общественных групп и комиссий;
- решить вопрос о запрете участия в общественных организациях самих проверяемых;

Литература:

1. Федеральный Закон от 21.07.2014 212-ФЗ Об основах общественного контроля в Российской Федерации.
2. Филимонов А. Общественный контроль: перспективы законодательного закрепления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/544004>
3. Евсиков, К. С. Проблемы и перспективы развития института общественного контроля в Российской Федерации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 4–2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-i-perspektivy-razvitiya-instituta-obschestvennogo-kontrolya-v-rossiyskoy-federatsii>
4. Филатова И.И. «Общественный контроль, как вектор формирования и развития гражданского общества»./И.И. Филатова//Вестник Тамбовского университета.-204.-№ 2.-Стр.45–50

— рассмотреть механизм и рамки работы общественных организаций, то есть конкретизировать их деятельность.

Вся совместная работа государственных органов и органов общественного контроля должна осуществляться независимо друг от друга. Вмешиваясь в деятельность институтов общественного контроля, в первую очередь подрывает саму идею народовластия, что является недопустимым.

«Общественный контроль не может решить всех проблем, но он создает условия для решения многих задач и выступает реальным инструментом повышения эффективности и прозрачности деятельности органов государственной власти» [4].

Практическая реализация имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в РФ: анализ судебной практики

Степанова Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина)

Научный руководитель: Алексеева Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В данной статье проанализирована судебная практика по спорам, возникающим между администрациями муниципальных образований и лицами из числа детей-сирот по поводу реализации ими прав на жилье. Рассмотрены судебные решения, позволяющие сделать вывод о низкой правовой грамотности данных категорий лиц. Это позволяет говорить о необходимости повышения уровня правовой грамотности в интернатных учреждениях. В отдельных случаях суд не может удовлетворить иски о требованиях, например, по причине выбора истцом ненадлежащего ответчика.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, жилищные права, имущественные права, судебная практика, правовая неграмотность, прокурор, администрация.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, достаточно часто являются истцами в судах общей юрисдикции. Чаще всего их иски связаны с защитой имущественных прав. Первое, что стоит отметить, это уязвимость правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, связанную с юридической неграмотностью. Большое количество исковых заявлений, исходящих от данной категории лиц, в описательной части содержат указание на неосведомленность о своих правах, либо о порядке их реализации. Так, современные исследователи отмечают, что «число обманутых детей-сирот ежегодно увеличивается, уровень правовой грамотности детей-сирот достаточно низкий, в связи с чем, они все чаще попадают в руки мошенников» [4,

с. 391]. Действительно, в интернатных учреждениях достаточно низкий уровень формирования социально-правовой компетенции детей.

Примером является Решение Бурейского районного суда Амурской области от 6 октября 2020 г. по делу № 2–370/2020 — Когтев Д. Н., являющийся лицом из числа детей, оставшихся без попечения родителей, обратился в суд с иском к Администрации Бурейского района Амурской области о возложении обязанности включить его в список для предоставления жилья по договору социального найма.

В обосновании своих требований истец указал: «о том, что необходимо было подать заявление в возрасте до 23 лет о включении в список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, он не знал. Ни в интернате, ни в сельсовете с. Безозерное ему никто ничего об этом не говорил».

Кроме того, интерес в данном судебном решении вызывает то обстоятельство, что Постановлением главы администрации с. Безозерное Бурейского района в 1996 году за истцом была закреплена жилая площадь, а в 2020 году данное постановление было отменено. Однако право пользования данным жилым помещением истец не осуществлял, поскольку не имел информации о его местонахождении (оно находилось в селе Безозерное, в котором никогда не проживали ни истец, ни его мать). Как раз в 2020 году выяснилось, что Постановление главы администрации от 1996 года было вынесено незаконно. Суд, рассмотрев данное обстоятельство, пришел к выводу о том, что, действительно, истец был лишен права постановки на учет в качестве нуждающегося в жилье именно по причине закрепления за ним жилого помещения в 1996 году. Суд отметил, что органы опеки и попечительства, а также воспитательное учреждение, в котором находился истец, не предприняли мер по разъяснению закрепленных за ним прав на жилье.

То есть, суд признает тот факт, что истец пропустил срок включения в список не по своей вине. Однако исковые требования не были удовлетворены по тому основанию, что истец выбрал ненадлежащего ответчика, поскольку, в соответствии с региональным законодательством, обязанность по формированию списка нуждающихся в жилых помещениях, возложена на Министерство социальной защиты населения Амурской области. Также в качестве основания для отказа в иске суд выделит тот факт, что истец вовсе не проживает и не зарегистрирован на территории Бурейского района Амурской области, поэтому отсутствует основание на включение его в список лиц, нуждающихся в жилье в данном муниципальном районе [2].

Достаточно много вопросов возникает по данному судебному решению. Кто должен нести ответственность за незаконность вынесенного постановления, наличие которого лишило истца возможности постановки на учет в качестве нуждающегося в жилье? Почему срок постановки на учет не был восстановлен, если суд признал, что истец пропустил его не по своей вине? Кто является надлежащим ответчиком по данному делу, если истец, являясь ребенком, оставшимся без попечения родителей, воспитывался в интернате, находящимся в Бурейском районе Амурской области, но сейчас не проживает в данном муниципальном районе? Очевидно, что данное судебное решение могло быть обжаловано и, при этом, если бы истец указал в качестве ответчика Министерство социальной защиты населения Амурской области, вероятнее всего, суд апелляционной инстанции удовлетворил бы апелляционную жалобу. Однако решение не было обжаловано истцом, возможно, именно по причине правовой неграмотности.

Здесь стоит отметить, что частично законодателем решена проблема правовой неграмотности — детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также их представителям предоставлено право на получение бесплатной юридической помощи в целях защиты интересов данных категорий лиц. Но, очевидно, это не решает проблему, поскольку иногда дети-сироты не осведомлены даже о наличии у них данного права,

поэтому они не обращаются за юридической помощью. Решение проблемы видится в проведении курсов правовой грамотности в самих интернатных учреждениях педагогами, обладающими профессиональными знаниями в данной сфере.

Также в науке отмечена проблема, связанная с «неспособностью детей защитить свои жилищные права по выходу из детских домов и интернатных учреждений» [5, с. 114]. Именно поэтому достаточно распространена судебная практика, в которой дети-сироты реализуют свои имущественные права при помощи прокурора. Примером является Решение Шегарского районного суда Томской области от 21 февраля 2022 г. по делу № 2–49/2022. Прокурор Шегарского района обратился с иском к администрации в интересах лица из списка детей-сирот (материальный истец). В иске указано, что ФИО227.05.2021 года была включена в список детей-сирот, подлежащих обеспечению жилым помещением, однако до настоящего времени данное право не реализовано, несмотря на отсутствие своего жилья. Суд удовлетворил иск и обязал администрацию Шегарского сельского поселения предоставить материальному истцу благоустроенное жилье площадью не менее 20 квадратных метров. Суд признал право материального истца на получение жилья вне очереди по той причине, что она достигла возраста 18 лет, окончила образовательное учреждение и была включена в список на предоставление жилья [1].

Достаточно часто администрация, являющаяся ответчиком по делу, в целях экономии бюджетных средств, пытается избежать исполнения возложенной на данный исполнительно-распорядительный орган обязанности по обеспечению жилищных прав детей-сирот. Например, в Решении Онежского городского суда Архангельской области от 3 сентября 2018 г. по делу № 2–389/2018 представитель администрации муниципального образования «Онежский муниципальный район» в отзыве на иск возражает против его удовлетворения по причине того, что истица, являющаяся лицом из числа детей-сирот, уже имеет в собственности $\frac{1}{4}$ доли жилого помещения, которое приобретено на средства материнского капитала. Однако здесь стоит отметить, что материнский капитал является совершенно другой мерой государственной поддержки, которая не связана с компенсацией статуса «дети-сироты». В связи с этим, суд удовлетворяет иск, указав следующее: «наличие у истицы на праве собственности жилого помещения, приобретенного на средства материнского капитала, не лишают ее как ребенка, оставшегося без попечения родителей, нуждающейся в улучшении жилищных условий, социальной защиты со стороны государства» [3].

Таким образом, анализ судебной практики по спорам, возникающим между администрациями муниципальных районов и лицами из числа детей-сирот по поводу реализации прав на жилье последних, позволяет сделать вывод о том, что нередко данные категории лиц упускают сроки включения в список нуждающихся в жилье именно по причине правовой неграмотности. Кроме того, работники интернатных учреждений и органы опеки не исполняют должным образом свои обязанности по своевременному информированию детей-сирот об имеющихся у них имущественных правах и порядке их реализации. В отдельных случаях реализации прав детей-сирот способ-

ствуют работники органов прокуратуры. Однако достаточно уязвимый правовой статус данной категории лиц нередко является причиной их обманов. Именно поэтому так важно пра-

вовое воспитание данных категорий граждан еще в интернатных учреждениях, чтобы на момент выпуска из них, они обладали необходимым уровнем знаний в правовой сфере.

Литература:

1. Решение Шегарского районного суда Томской области от 21 февраля 2022 г. по делу № 2–49/2022 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TrULhZhk0ugT/>
2. Решение Бурейского районного суда Амурской области от 6 октября 2020 г. по делу № 2–370/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kaofEYy2sVI/>
3. Решение Онежского городского суда Архангельской области от 3 сентября 2018 г. по делу № 2–389/2018 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/G4fjKC4jevZb/>
4. Березина А. М., Шумов П. В. Проблемные вопросы судебной защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей при получении жилых помещений // Бюллетень науки и практики. — 2019. — № 5. — С. 390–394.
5. Довнар А. Н. Правовые проблемы, связанные с вопросами обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Via Scientiarum — Дорога знаний. — 2018. — № 4. — С. 112–118.

Добросовестность как принцип современного российского гражданского права

Степанова Анна Алексеевна, преподаватель
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Раскрывается сущность одного из принципов современного российского гражданского права — принципа добросовестности. Соотносятся понятия «добросовестность», «запрет», «пределы осуществления гражданских прав». Исследуются предложенные в литературе подходы по раскрытию понятия добросовестности как предела осуществления гражданских прав через понятие недобросовестного осуществления гражданских прав. Делается вывод о том, что принцип добросовестности возведен в ГК РФ в разряд ключевых положений, составляющих основу гражданского оборота, определяющих смысл и развитие гражданского права и гражданского законодательства.

Ключевые слова: ограничение свободы, субъективные права, законодатель, участники гражданского оборота, добросовестность, недобросовестность.

Под пределом гражданских прав стоит понимать ограничение свободы осуществления прав субъектами путем установления определенных границ. В рамках закона субъекты гражданских правоотношений могут совершать действия или воздерживаться от них. Законодатель, устанавливая законность в отношениях между субъектами гражданского права, устанавливает модели «должного» и «возможного» поведения. Норма права, в свою очередь четко конкретизирует обязанности субъектов гражданского права. Необходимо отметить, что учёные трактуют субъективное право как возможность осуществления каких-либо действий, так и возможность требовать совершения обязанным лицом своих обязательств. Законодатель, стараясь предотвратить злоупотребления в поведении участников гражданского оборота, устанавливает пределы осуществления субъективных гражданских прав. В литературе поднимается вопрос о понятии «добросовестности», как о пределе осуществления гражданских прав, дополнительно выделяя требование о доброй совести субъектов правоотношений [5, С. 475].

Перед нами встает вопрос, что же следует понимать под добросовестностью участников гражданских правоотношений? Добрая совесть — это внутренняя оценка своего по-

ведения, когда субъект четко понимает свои интересы, не нарушая чужих. Необходимо отметить, что добросовестность также является нравственной категорией, порожденной общественными отношениями, затрагивающей внутреннее состояние субъекта, дополненное мерами государственного принуждения. В целом, добросовестность требует придерживаться минимальных требований нравственности. Стоит обратить внимание на то, что некоторые ученые, утверждают, что понятие добросовестности не несёт в себе нравственного содержания, а достаточно оценить фактические обстоятельства, юридически значимое поведение субъекта. Несмотря на некоторую условность понятия добросовестности, законодатель запрещает злоупотребление правом. Под запретом злоупотребления гражданским правом, понимается недопущение использования гражданских прав в целях причинения вреда другому участнику правоотношения. Таким образом, под доброй совестью необходимо понимать те действия, которые не связаны со злоупотреблением правом и с намерениями причинить другому лицу вред [3, С. 113–115]. Стоит обратить внимание, что понятия «запрет» и «предел» не имеют одинаковое значение. Под пределом стоит понимать строго очерченные границы какого-либо действия. Запрет,

установленный законодателем, в нормативном акте, а именно в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, имеет отношение к способам правового регулирования и представляет собой ограничения. Стоит отметить, что законодатель, закрепляя принцип добросовестности, не устанавливает четкие границы, а допускает возможности поведения лица. Таким образом, можно предположить, что под пределами необходимо понимать, как именно не стоит себя вести, а понятие добросовестность характеризует обратную сторону, как субъект должен себя вести. Рассматривая понятия пределов осуществления гражданских прав, добросовестности, очевидно, что они имеют отношение в значительной степени к принципам гражданского права [2, Ст. 10].

В позитивном праве понятие добросовестность как предел осуществления гражданских прав раскрывается через понятие недобросовестного осуществления гражданских прав, опирающееся на положение пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, конкретизируя, что данное понятие строится на общепринятых нормах поведения субъектов. Стоит отметить, что данное понятие также не раскрыто законодателем, что ориентирует на познание данного понятия с помощью доктрины и судебных практик [2, Ст. 10].

К случаям недобросовестного осуществления гражданских прав следует относить запрет злоупотребления правом (шикана), действия в обход закона с противоправной целью, иные действия, которые следует квалифицировать как недобросовестное осуществление гражданских прав. Основным отличием от других такой формы злоупотребления гражданским правом как действия в обход закона являются дефекты в нормах гражданского права, такие как формализм в поведении субъектов гражданского правоотношения и смысловые, понятийные пробелы в нормах гражданского права [4, С. 10]. Таким образом, действием в обход закона с противоправной целью может рассматриваться использование лицом несовершенств законода-

тельства для достижения целей, явно противоречащих основам гражданского права [6, С. 23].

Необходимо отметить, что добросовестность является принципом права. Законодатель закрепил принцип добросовестности в пунктах 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Закреплено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. На данном примере, мы видим, что, установив данный принцип добросовестности, законодатель не дал определение понятию добросовестности в рамках гражданских правоотношений [1, Ст. 10].

В свою очередь, добросовестность проявляется в форме адекватного, честного поведения, а недобросовестность, напротив, в использовании прав в личных целях для нанесения вреда другому лицу, а также в выходе за рамки закона при осуществлении прав.

Принцип добросовестности характеризует правомерность действий субъектов гражданского правоотношения, исключая обман, ведение в заблуждение [1, Ст. 10].

Таким образом, необходимо отметить, что у добросовестности имеются как объективные черты, так и нравственные начала, она действительно играет важную роль в упорядочении поведения субъектов права. Как утверждал юрист Константин Ильич Скловский: «если право разумно и признаётся гражданским оборотом, то ему нет нужды апеллировать к доброй совести» [7]. Однако развитие данной мысли опасно, поскольку может привести к отрицанию принципа добросовестности, что недопустимо, ввиду того что в ст. 1 ГК РФ данный принцип возведен в разряд ключевых положений, составляющих основу гражданского оборота, определяющих смысл и развитие гражданского права и гражданского законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 51. Ст. 10.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 51. Ст. 46.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 51. Ст. 404.
4. О защите конкуренции: федер. закон Российской Федерации от 26 июля 2006 г. № 135 // СЗ РФ. 2006. № 135. Ст. 14.1–14.8.
5. О рынке ценных бумаг: федеральный закон Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 39 // СЗ РФ. 1996. № 39. Ст. 19.
6. Азаревич Д. И. Система римского права. Университетский курс // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1887. Т. 1. С. 131–138.
7. Апресян Р. Г. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 116–119.
8. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 410 с.
9. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Рос. право, 2002. 204 с.
10. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность и злоупотребление гражданскими правами. М.: Инфра. 2002. 160 с.
11. Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. СПб.: Нева, 1992. 390 с.
12. Покровский И. А. История римского права. М.: Инфра, 2009. 538 с.

Реализация российскими гражданами конституционных прав участия в референдумах, проводимых Российской Федерацией

Степанова Юлия Руслановна, студент

Научный руководитель: Чибисов Олег Валерьевич, кандидат экономических наук, доцент
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

В статье рассмотрены аспекты особенности правового регулирования института референдума, раскрыто понятие данного института, представлены нормативно-правовые акты, регулирующие референдумный процесс в Российской Федерации. Особое внимание уделено законопроекту ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», внесенному в апреле 2023 г. в Госдуму РФ.

Ключевые слова: конституционное право, Конституция РФ, референдум, референдумный процесс, избирательное законодательство.

В последние несколько лет в России тема реализации российскими гражданами конституционных прав участия в референдумах затрагивается все чаще. В п. 3 статьи 3 Конституции РФ [1] прописано, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы».

Родиной референдума принято считать Швейцарию. В этом стране впервые референдум был проведен в 1439 г. В дальнейшем пример Швейцарии постепенно начали использовать и другие европейские государства [3].

Референдум (от лат. «referendum») — это форма всеобщего, равного и прямого волеизъявления граждан по наиболее важным государственным и местным вопросам, в целях принятия общеобязательных решений путем тайного голосования [5]. Основное отличие референдума от выборов: при последних граждане голосуют за определенного человека, который будет представлять их интересы во властных институтах, а на референдуме — выражают свое согласие или несогласие по какому-либо важному вопросу, относящемуся к государственной или общественной жизни. На референдуме от участников должен быть получен четко выраженный ответ на поставленный вопрос.

В СССР первый и единственный референдум состоялся 17 марта 1991 г., на него был вынесен вопрос о необходимости сохранения СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Тогда за сохранение СССР высказалось 76,4% участников опроса, однако уже в декабре того же года СССР распался. В этот же день прошел и первый всероссийский референдум о введении поста Президента РФ, и 69,85% граждан РСФСР поддержало это предложение. Через несколько месяцев Президентом РФ был избран Б. Н. Ельцин.

В апреле 1993 г. состоялся референдум, на который было вынесено четыре вопроса: «Доверяете ли Вы президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?», «Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 г.?», «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента Российской Федерации?», «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?». Основным итогом стал роспуск Верховного Совета РФ по указу Президента РФ [4].

Одновременно с выборами в Госдуму первого созыва 12 декабря 1993 г. прошло «всенародное голосование» по проекту Конституции РФ. Тогда это был своеобразный способ обхода действующих положений Закона «О референдуме РСФСР» № 241–1 от 16.10.1990 г., в соответствии с которым Конституция могла быть изменена лишь большинством от общего числа избирателей [4]. В итоге в голосовании приняло участие 54,79% избирателей, из которых 58,42% поддержало новую Конституцию.

В 2004 г. Госдума РФ приняла Федеральный Конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» [2], взамен аналогичного закона от 10.10.1995 г. Новый закон конкретизировал отдельные положения касательно проведения референдумов.

В дальнейшем в России референдумы проходили на региональном уровне, например, о переносе столицы в Республике Коми, о местном времени в Волгоградской области, об объединении некоторых регионов РФ.

В 2014 г. в Крыму был проведен референдум о вхождении Крыма в состав России.

С 25 июня до 1 июля 2020 г. было проведено общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ. Основная поправка касалась сроков действующего Президента РФ, также было внесено еще 206 изменений в главы 3–8 Конституции РФ. Указ Президента РФ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» [3] был опубликован 3 июля 2020 г. Поправки поддержали 77,92% избирателей (при явке в 67,97%) [6]. Жители некоторых регионов РФ, в частности Москвы и Нижегородской области, могли голосовать электронно. По данным ЦИК за время голосования не было выявлено ни одного нарушения, требующего специального рассмотрения комиссией.

В России референдумно-правовые процедуры разделены на 3 стадии [4]:

1) подготовка референдума: инициатива народа, информирование граждан, агитация, обсуждение вопроса, выносимого на референдум;

2) проведение референдума: регистрация инициативной группы, назначение референдума, формирование комиссий, организация референдума, голосование, установление результатов голосования, проведение и опубликование итогов;

3) реализация принятого на референдуме решения: вступление в силу, принятие правового акта (если принятие такого акта является обязательным).

В целом можно говорить о том, что референдум в современной России является институтом непосредственной демократии, и обладает определенными положительными моментами. Возможность граждан активно участвовать в общественной и политической жизни нашего государства при помощи референдумов: народ может направлять действия органов власти.

Российское законодательство о референдуме постоянно развивается и совершенствуется.

Обратимся к вопросу о внесении поправок в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». Одна из последних поправок была внесена Федеральным конституционным законом от 29.05.2023 № 2-ФКЗ [3], в соответствии с которой было разрешено проведение выборов и референдума на территории, где введено военное положение. В данном случае затрагиваются интересы и конституционные права граждан ДНР и ЛНР. Подобные поправки способствуют

тому, что граждане таких территорий понимают, что они важны для России, что их права и обязанности будут реализованы вне зависимости от сложившейся сложной ситуации, что их мнение важно для государства.

Законопроект о внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», который был внесен 10 апреля 2023 г. в Госдуму РФ:

- снизить количество граждан, которые могут выступать с инициативой о проведении референдума (с 2 млн до 500 тыс.),
- уменьшить региональные подгруппы инициативной группы и т.д. [8].

В России наблюдается снижение политической активности, особенно среди молодежи, и по данной причине предлагаемые меры представляются вполне оправданными.

Однако институт референдума в России в настоящее время имеет и отрицательные стороны. Такие как высокую стоимость его проведения, отсутствие ответственности за принятое на референдуме решения, ситуации, когда группа воздержавшийся от голосования лиц вынуждена подчиниться большинству, так как закон распространяет свою силу на всех граждан страны.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Федеральный конституционный закон от 29.05.2023 № 2-ФКЗ «О внесении изменения в отдельные федеральные конституционные законы» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Вашакадзе Г. Т. Референдум: понятие, сущность, проблемы организации и осуществления / Г. Т. Вашакадзе // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. — 2019. — № 3–3. — С. 121–128.
6. Вязовченко Л. И. Правовое регулирование института референдума в Российской Федерации / Л. И. Вязовченко // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — № 6. — С. 58–64.
7. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / Под ред. И. В. Захарова, А. Н. Кокотова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 334 с. — Текст: непосредственный.
8. В Госдуму внесен законопроект с поправками в закон о референдуме. — Текст: электронный // ИПП «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/news/1618541/> (дата обращения 21.10.2023).
9. История референдумов в СССР и России. — Текст: электронный // Газета «Коммерсант»: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220658> (дата обращения 21.10.2023).
10. Как проходило голосование по поправкам в Конституцию. — Текст: электронный // РБК [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/07/2020/5ef3308f9a79473ae1126f1a> (дата обращения 21.03.2023).

Проблематика статьи 186 Уголовного кодекса Российской Федерации

Степин Кирилл Андреевич, студент
Российский новый университет (г. Москва)

В правовой сфере, вопросы, связанные с законностью изготовления, хранения, перевозки или сбыта фальшивых денег или ценных бумаг, всё ещё остаются актуальными и вызывают размышления как в теории, так и среди судей. Кон-

кретно, отсутствует общепринятый подход к оценке действий лица, которое сначала занимается изготовлением (хранением, перевозкой) денег, а затем пытается их сбыть. Эта проблема не обрела ясности даже после появления постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 года № 2 «О правоприменительной практике в делах, связанных с производством или сбытом фальшивых денег или ценных бумаг» [1].

По результатам исследования судебной практики, чаще всего объектом подделки становятся банкноты номиналом 1000 и 5000 рублей. Так Дзержинский городской суд Нижегородской области приговорил к лишению свободы группу фальшивомонетчиков. По мнению следствия, обвиняемые тайно хранили около 400 поддельных банковских билетов Банка России номиналом в 1000 рублей на территории Владимирской и Нижегородской областей. Подсудимые взяли еще одну партию поддельных банковских билетов Банка России номиналом 1000 рублей, изъяли их при аресте и были признаны виновными в сбыте или хранении этих денег [4].

Проведение анализа судебных решений позволяет сделать выводы относительно оценки подобных ситуаций в рамках уголовного процесса:

1) Данные ситуации оцениваются как совершение оконченного преступления в соответствии с частью 1 статьи 186 Уголовного Кодекса Российской Федерации. К примеру, лицо с именем К. было осуждено по указанной части статьи 186 УК РФ. Установлено, что К., находившийся на территории предприятия ООО «XXX», обнаружил фальшивый денежный знак номиналом 5000 рублей во время внесения выручки в кассу организации. После этого К., зная, что у знака есть признаки подделки, решил сохранить его при себе и перевезти с целью последующей реализации. В дальнейшем, по сохраненному преступному умыслу, направленному на хранение и сбыт поддельной денежной купюры, К. посетил автозаправочную станцию, где передал заведомо поддельную банкноту кассиру-операционисту ФИО1, у которого были замечены признаки подделки; [5]

2) Эти ситуации также рассматриваются как покушение на совершение преступления в соответствии со статьей 30 частью 3 и статьей 186 частью 1 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Например, гражданин А. был признан виновным в незаконном хранении поддельной денежной купюры Центрального банка Российской Федерации с целью дальнейшей реализации. Было установлено, что А. получил поддельную денежную купюру номиналом 5000 рублей от неизвестного лица при продаже бензопилы. Впоследствии, при визуальном осмотре, А. обнаружил признаки подделки на данной купюре. После обнаружения этой информации, А. решил совершить реализацию купюры и посетил торговую точку, где предъявил ее продавцу Ч. В качестве оплаты за продукты питания. Однако, воплотить преступный умысел до конца не удалось А., так как Ч. заметила, что предъявленная ей для оплаты денежная купюра имеет признаки подделки» [6].

В свою очередь ценные бумаги, о которых говорится в статье 186 УК РФ, включают в себя различные объекты преступлений. Уголовно-правовая защита против подделки, как внутренних ценных бумаг, выраженных в валюте Российской Федерации, так и внешних ценных бумаг, выпущенных за пределами Российской Федерации и удостоверяющих имущественные права, выраженные в иностранной валюте, обеспечивается.

В соответствии с пунктом 2 статьи 142 ГК РФ, ценными бумагами признаются различные виды активов, такие как акции, векселя, залоговые обязательства, инвестиционные паи, коносаменты, облигации и другие ценные бумаги, предусмотренные законодательством.

Ценные бумаги можно разделить на две категории в соответствии с экономической сущностью: долевые и долговые. К долевым бумагам относятся акции и инвестиционные паи. Все остальные виды ценных бумаг являются долговыми и отражают движение заемного капитала либо в форме денежных средств (например, чеки, финансовые векселя, облигации), либо в форме товаров (например, товарные векселя, складские свидетельства, коносаменты) [7].

Проведенное исследование судебной практики выявило, что подделке чаще всего подвергаются долговые ценные бумаги, и в основном — векселя. В то же время, примеров подделки долевыми ценными бумагами не было найдено. Это объясняется особенностями их оборота на рынке ценных бумаг, который контролируется профессиональными участниками согласно четко установленным процедурам, а также постепенным выходом из обращения документарных долевыми ценными бумагами.

Наибольшей популярностью при подделке обладали банковские векселя, особенно векселя Сбербанка России. Это объясняется широким применением данного финансового инструмента для привлечения заемного финансирования.

С. Был осужден Дорогомиловским районным судом г. Москвы за приготовление к сбыту поддельных векселей Сбербанка России общей стоимостью 100 миллионов рублей. Поддельные векселя представляли собой точные копии подлинных, подтверждающих долговые обязательства Сбербанка России. Подсудимый был задержан на этапе согласования условий продажи поддельных векселей потенциальному покупателю.

Также подделывались коммерческие векселя, принадлежащие известным юридическим лицам на рынке. Г. Был осужден Свердловским районным судом г. Перми за сбыт поддельных ценных бумаг. Он пытался продать 18 поддельных векселей разных юридических лиц на общую сумму 4,5 миллиарда рублей, утверждая, что они были авалированы Сбербанком России, и получить за них 250 миллионов рублей [8].

Следует отметить, что отсутствие однородных стандартов оформления и защиты от подделки векселей создает значительные препятствия для проверки их подлинности, что облегчает оборот фальшивок. Для проверки подлинности векселя необходимо обратиться к его векселедателю, авалисту или цепочке владельцев (индоссантам), что связано с определенными трудностями.

Если говорить о проблеме определения момента завершения преступлений, содержащих количественные признаки (крупный размер), была рассмотрена Верховным Судом РФ в постановлении Пленума, которое дает разъяснения относительно коррупционных преступлений. Согласно этим разъяснениям, преступление считается завершенным, если лицо имело намерение передать (получить) взятку в значительном (крупном, особо крупном) размере, и по крайней мере часть взятки была передана виновным, которая не является крупным размером [11].

Однако следует отметить, что такая квалификация не находит одобрения среди некоторых криминалистов. Эта квалификация противоречит буквальному толкованию статьи 290 УК РФ, поскольку упоминание о получении взятки в значительном, крупном или особо крупном размере предполагает получение должностным лицом имущественных выгод соответствующего размера. Если сказано, что ответственность возникает за получение взятки в крупном размере, то чтобы признать это преступление завершенным, должностное лицо должно получить ценности в крупном размере. Если передача ценностей в крупном размере не произошла по не зависящим от должностного лица причинам, но часть из них была получена в размере, который меньше крупного, то это считается покушением на получение взятки в крупном размере [3].

Следовательно, более соответствующими являются правила квалификации, содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по отношению к различным формам хищения [2].

Исходя из этих правил, если лицо планировало совершить действия, направленные на сбыт контрафактных денежных средств в крупном размере, но по причинам, не зависящим от него, совершило только часть преступления в сумме, не превышающей 2250000 рублей, его действия должны квалифицироваться как покушение на сбыт в крупном размере (часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 186 УК РФ).

Оценка сбыта в подобной ситуации как завершенного преступления противоречит буквальному толкованию рассматриваемой нормы, поскольку указание на крупный размер фальшивок при их сбыте предполагает такие действия в соответствующем объеме. В таких случаях преступление считается завершенным только при наличии всех признаков, указанных в анализируемой норме. Размер изготовленных банкнот является обязательным признаком квалифицированного состава рассматриваемого уголовного преступления.

Кроме того, в таких ситуациях не полностью соблюдается принцип субъективного вменения, согласно которому вина вменяется только за то, на что был направлен умысел лица, и именно в тех пределах, в которых он был реализован [3].

Принимая во внимание изложенное, представляется необходимым провести изменения в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг». Данные изменения касаются конкретизации момента окончания рассматриваемого преступления. Это включает следующие пункты:

1) В случае, если лицо с единым умыслом изготавливает, хранит или перевозит фальшивые денежные знаки или ценные бумаги с целью сбыта, и впоследствии осуществляет сбыт указанных поддельных предметов, такое преступление должно квалифицироваться как оконченное преступление, в соответствии с пунктом 1 статьи 186 Уголовного кодекса РФ. Отметим, что действия, направленные на сбыт, должны быть включены в объем обвинения, а также учитываться при назначении наказания.

2) В случае, если лицо задумывает осуществить действия, направленные на сбыт поддельных денег в значительном объеме, но по объективным обстоятельствам, не зависящим от него самого, осуществляет только частичный сбыт поддельных предметов преступления, сумма которого не превышает 2250000 рублей, его действия должны быть квалифицированы как покушение на сбыт подлежащих крупному сбыту (согласно пункту 3 статьи 30 и пункту 2 статьи 186 Уголовного кодекса РФ).

3) В случае, если лицо изготавливает, хранит или перевозит фальшивые банковские билеты и другие аналогичные предметы с целью совершения крупного сбыта, а затем предпринимает попытку сбыть их полностью либо частично, его действия должны быть квалифицированы как оконченное преступление, даже если из-за объективных обстоятельств, не зависящих от лица, сбыт не удался (согласно пункту 2 статьи 186 Уголовного кодекса РФ). Например, если работник торговой организации обнаруживает подделку и отказывается принимать ее в качестве оплаты товара, то действия лица, в данном случае, будут признаны попыткой совершения крупного сбыта. Подобные действия должны отражаться в описательно-мотивировочной части процессуальных решений.

Литература:

1. Постановление Московского городского суда от 6 июля 2018 г. N4у-3478/2018; Апелляционное определение Московского городского суда от 19 июня 2018 г. По делу N10-9967/2018; Постановление президиума Московского городского суда от 15 мая 2018 г. По делу N44у-133/2018.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N29 (ред. От 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».
3. Щепельков В. Некоторые проблемы квалификации получения взятки // Уголовное право. 2013. N5. С. 118.
4. ГАС РФ «Правосудие»: приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области по уголовному делу от 10 мая 2011 г. N1-144/2011 // <http://sudrf.ru>.
5. Приговор Советского районного суда Саратовской области от 11 мая 2016 г. По делу N1-33/2016 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.02.2019). См. также: Приговор Химкинского городского суда Московской области от 31 мая 2017 г. По делу N1-320/2017 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.02.2019); Приговор Тбилисского районного суда Краснодарского края от 7 августа 2017 г. По делу N1-111/2017 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.02.2019).
6. Приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области от 9 апреля 2015 г. По делу N1-142/2015 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.02.2019). См. также: Приговор Новгородского районного суда Нов-

- городской области от 19 декабря 2011 г. По делу N1–979/2011 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.02.2019); Приговор Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 3 марта 2015 г. По делу N1–151/2015 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Пинкевич Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: дис. ... докт. Юрид. Наук. М., 2002. С. 153.
 8. ГАС РФ «Правосудие»: приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы по уголовному делу N1–153/2013 от 26 апреля 2013 г. // <http://sudrf.ru>
 9. ГАС РФ «Правосудие»: приговор Свердловского районного суда г. Перми по уголовному делу N1–58/2014 от 29 января 2014 г. // <http://sudrf.ru>
 10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N24 (ред. От 3 декабря 2013 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».
 11. Щепельков В. Некоторые проблемы квалификации получения взятки // Уголовное право. 2013. N5. С. 117–119; Гарбатович Д. Проблемы квалификации получения взятки в крупном размере // Уголовное право. 2010. N3. С. 32, 33; Волженкин Б. В. Служебные преступления. СПб., 2005. С. 409, 410.

Особенности исполнения акцессорных обязательств

Сыткова Ирина Николаевна, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

Акцессорные обязательства довольно востребованный инструмент в договорной практике. Сегодня уже нельзя себе представить договоров, заключаемых коммерческими юридическими лицами и иными лицами, без способов обеспечения исполнения обязательств. С целью предупреждения неисполнения обязательств стороной по договору, в условия соглашения включаются акцессорные обязательства — ответственность за неисполнение. В данной статье проведен анализ особенностей исполнения акцессорных обязательств.

Ключевые слова: поручительство, неустойка, залог, способ обеспечения исполнения обязательств, акцессорные обязательства.

Исходя из предназначенности имущественного предоставления, обязательства классифицируют на основные и акцессорные (дополнительные обязательства, придаточные к основному). Российское законодательство не содержит легальной дефиниции «акцессорное обязательство», что обуславливает необходимость обращаться к доктринальным источникам с целью раскрытия сущности данных обязательств. При этом перечень признаков и трактовок исследуемой категории позволяет подвести под нее различные правовые институты, что свидетельствует о ее межинституциональном характере. Акцессорность означает в самом общем виде придаточное, вспомогательное обязательство, которое следует юридической судьбе основного обязательства [1, с. 27].

С целью предупреждения неисполнения обязательств со стороны контрагентов, в условия договора, подписываемого сторонами, включают акцессорные обязательства (ответственность за неисполнение). По сути, акцессорное обязательство — это дополнительная обязанность, которая связана и зависит от основной обязанности. На практике такая обязанность включена практически во все договоры, т.е. это довольно востребованный инструмент в договорной практике.

Итак, акцессорное обязательство — это дополнительное обязательство, которое обеспечивает исполнение основного, связано с ним и зависит от него. Такая связь упоминается, например, в п. 4 ст. 329 ГК РФ [2]. Если основное обязательство прекратится, обеспечивающее его акцессорное обязатель-

ство также прекратится. Оно останется действующим только в прямо предусмотренных законом или договором случаях.

Правовое регулирование акцессорных обязательств осуществляется нормами ГК РФ, а также иными нормативными правовыми актами. Акцессорные обязательства в гражданском праве можно найти в любых договорах: купле-продаже, поставке, подряде, услугах и т.д. Их прописывают очень часто. Пени, штрафы, поручительство, залог, удержание относятся к акцессорным способам обеспечения исполнения обязательств. Однако не все дополнительные обязательства относятся к акцессорным обязательствам. Например, независимая гарантия — самостоятельное обязательство, которое существует отдельно от основного обязательства. В ГК РФ независимая гарантия как правовая конструкция появилась в результате реформы положений ГК РФ об обязательствах, состоявшейся в 2015 году. Удобство конструкции в том, что ее можно применить к случаям, когда обязательство гаранта состоит не в уплате денег, а в передаче акций, облигаций или вещей, определенных родовыми признаками. Кроме того, независимая гарантия может быть выдана на гибких условиях. Например, такой гарантией можно обеспечить обязательства при структурировании международных поставок, создании совместных предприятий и т.д.

Основные и акцессорные обязательства в гражданском праве взаимозависимы. Цель акцессорного обязательства — обеспечить основное, чтобы стимулировать контрагента дей-

ствовать добросовестно. Например, в случае, если поставщик не передал товар, то есть не исполнил основное обязательство, покупатель вправе начислять пени за каждый день просрочки по условиям договора.

Акцессорным обязательством выступает поручительство. Оно по своей природе зависит от основного обязательства. Если заемщик не выплатил кредит — долг взыщут с поручителя. Требования к нему зависят только от событий по основному обязательству, в нашем примере это долг. В судебной практике отмечается особенность акцессорного обязательства — договор поручительства не порождает самостоятельных обязательств, которые будут существовать в отрыве от основного [8].

О единстве судьбы основного и акцессорного обязательства (поручительства) свидетельствует и то, что при переходе прав к новому кредитору по умолчанию переходят и права, обеспечивающие исполнение обязательства (п. 1 ст. 384 ГК РФ). Кроме того, исходя из п. 1 ст. 361 ГК РФ поручитель должен отвечать только перед кредитором по обеспеченному обязательству. Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник, если иное не установлено договором. При этом он не является должником в основном обязательстве, а исполняет собственную обязанность в указанном объеме [7]. Поручитель вправе выдвинуть кредитору те же возражения, что и основной должник (п. 1 ст. 364 ГК РФ). Например, подать заявление о снижении неустойки.

Закон прямо не запрещает уступать требование к поручителю отдельно от прав по обеспеченному обязательству. Однако целесообразнее подобную сделку не совершать, поскольку она противоречит сути поручительства. В связи с этим ее могут признать недействительной по ст. 168 ГК РФ.

В корпоративной сделке поручительство также носит характер акцессорного обязательства. В одном деле суды отказали заявителю во включении требований в реестр кредиторов. Поручительство должника обеспечивало исполнение корпоративных заемных сделок, какая-либо выгода от которых для должника как члена группы компаний отсутствовала. Суды признали вытекающее из таких сделок акцессорное обязательство также имеющим корпоративный характер [4].

В договоре займа акцессорным обязательством может являться залог. Для некоторых видов имущества предусмотрены специальные правила на случай, если должник захочет передать его в залог. В частности, они есть для следующего: 1) товаров, которые остаются у залогодателя, и он вправе изменять их состав и натуральную форму (товары в обороте) (ст. 357 ГК РФ); 2) имущественных прав (требований) (ст. 358–358.5 ГК РФ); 3) прав по договору банковского счета (ст. 358.9–358.14 ГК РФ); 4) прав участников юридических лиц (ст. 358.15 ГК РФ); 5) ценных бумаг (ст. 358.16–358.17 ГК РФ); 6) исключительных прав (ст. 358.18 ГК РФ); 7) недвижимого имущества (Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [11], далее — Закон об ипотеке). Как отмечается в судебной практике, ипотека обеспечивает возврат полученных денежных средств [3].

Таким образом, акцессорное обязательство — не самостоятельное, зависит от основного и не может без него существовать. Если основное обязательство прекратилось, — акцес-

сорное прекращается вслед за ним (п. 4 ст. 329 ГК РФ). Эти правила отображает и судебная практика [5].

Прописать акцессорные обязательства можно в тексте договора, дополнительном соглашении или отдельным документом. Например, требования о неустойке можно включить как в договор, так и в отдельное соглашение. Когда в качестве акцессорного способа обеспечения исполнения обязательств используют поручительство, с поручителем заключают отдельный договор.

Случаи акцессорных обязательств можно найти в законе. Например, в статьях 97 и 108 Устава железнодорожного транспорта РФ прописаны случаи, когда у перевозчика возникает обязанность заплатить неустойку [10].

В рамках контрактной системы закупок, если контрагент не исполнил свои обязательства или исполнил их не вовремя, рассчитывается пени от цены контракта или его отдельного этапа. Кроме этого, заказчик должен начислять пени контрагенту, если он в течение 10 дней не отчитался, что заключил с субподрядчиками или соисполнителями договор на сумму больше чем 10 процентов цены контракта. Правило действует для крупных закупок с ценой больше 1 млрд руб. — для федеральных нужд и 100 млн руб. — для нужд субъекта и муниципальных нужд [9].

Наиболее часто суды рассматривают споры относительно акцессорных обязательств в рамках дел о банкротстве юридических лиц. Такая практика связана с заключением должниками договоров поручительства и залога. Так, в одном из дел заявитель ссылаясь на прекращение обязательств по договорам залога и поручительства в связи с изменением условий основного обязательства при отсутствии на это согласия. Изменение основного обязательства (в случае увеличения суммы долга должника перед кредитором, размера процентов по денежному обязательству) само по себе не ухудшает положение поручителя и не прекращает поручительство. В данном случае поручитель отвечает перед кредитором на первоначальных условиях обязательства, обеспеченного поручительством, как если бы изменения обязательства не произошло. Обязательство в измененной части не считается обеспеченным поручительством. Суды признали неверной позицию заявителя. В удовлетворении требований было отказано. Причина отказа заключалась в том, что, исходя из буквального толкования условий акцессорных договоров, не было изменено обеспеченное поручительством обязательство и не наступило увеличение ответственности или иные неблагоприятные последствия для должника [6].

Таким образом, в российском гражданском законодательстве сформулированы следующие признаки акцессорности (п. 2, 3, 4 ст. 329 ГК РФ): 1) недействительность соглашения об обеспечении не влечет недействительности основного обязательства (признак недействительности); 2) при недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству (признак связанности); 3) прекращение основного обязательства влечет прекращение обеспечивающего, если иное не предусмотрено законом или договором (признак прекращения).

Исполнение основного обязательства состоит в совершении обязанной стороной предписанного ей законом или договором действия (воздержании от действия) в пользу другой стороны обязательства и (или) в пользу третьего лица. Для признания состоявшегося исполнения надлежащим не-

обходимо установить его соответствие одновременно двум основным перечням критериев — условиям обязательства и императивным предписаниям, а когда такие условия и предписания отсутствуют — обычаям или обычно предъявляемым требованиям.

Литература:

1. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств // Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия): сб. публикаций. М., 2015. С. 23–28.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.05.2022 по делу № А40–217774/2021. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
4. Определение Верховного суда РФ от 19.04.2022 № 307-ЭС20–4661(7) по делу № А44–1988/2019. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
5. Постановление 9 ААС от 25.02.2022 № 09АП-4195/2022 по делу № А40–163244/2021. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.02.2022 № Ф07–48/2022 по делу № А13–11609/2020. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета. 15.01.2021. № 6.
8. Решение Арбитражного суда Вологодской области от 03.03.2022 по делу № А13–10712/2021. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
10. Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 170.
11. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

Порядок исполнения денежного обязательства

Сыткова Ирина Николаевна, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

При исполнении денежного обязательства большое значение имеет соблюдение должником порядка его исполнения. В статье рассмотрены некоторые особенности исполнения денежного обязательства.

Ключевые слова: денежное обязательство, исполнение обязательств, надлежащее исполнение обязательств, срок исполнения обязательства.

В результате масштабного реформирования положений Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) об обязательствах, состоявшегося в 2015 году, были устранены возникавшие на практике коллизии и неясности правовых предписаний в этой сфере отношений. Несмотря на то, что высшая судебная инстанция довольно подробно разъяснила применение законодательства об исполнении денежных обязательств, на практике, тем не менее, возникают сложности, касающиеся определения момента их исполнения, очередности погашения требований, начисления процентов за просрочку долга и некоторые другие вопросы. Перечисленные обстоятель-

ства обуславливают необходимость изучения вопросов, связанных с исполнением денежного обязательства.

В ГК РФ законодатель не представил легального определения понятия «денежное обязательство», однако его определение можно встретить в ряде иных нормативных правовых актов. Так, например, в Законе о банкротстве, денежным обязательством называют обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному ГК РФ, бюджетным законодательством РФ основанию (ст. 2 Закона о банкротстве) [7]. Под денежным обязательством согласно ст. 6 Бюджетного ко-

декса РФ понимается обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения [1].

Проанализировав вышеуказанные нормативные правовые акты, можно сделать вывод о том, что предметом денежного обязательства являются деньги как средство платежа. Цель передачи денег в таком обязательстве состоит в погашении денежного долга. Поэтому к денежным обязательствам не могут относиться обязанности, в частности: 1) по сдаче наличных денег в банк по договору на кассовое обслуживание; 2) по перевозке денежных знаков; 3) по выплате государством гражданину суммы возмещения вреда, причиненного здоровью, в частности, при исполнении служебных обязанностей [4]. Не является денежным обязательство, исполняемое посредством не денежного, а «иного» встречного предоставления.

Л. А. Лунц писал, что понятие «денежное обязательство» неоднородно. Из него могут быть выделены две группы обязательств, предметом которых являются деньги: это, во-первых, денежные обязательства, в которых деньги не выполняют присущие им денежные функции; во-вторых, денежные обязательства, в которых деньги выполняют присущие им денежные функции. Это денежные обязательства в узком смысле слова, которые, по словам Л. А. Лунца, направлены на предоставление денежных знаков в определенной сумме денежных единиц [3]. Именно так понимает денежное обязательство российское законодательство и российская судебная практика [5].

На основании изложенного под денежным обязательством целесообразно понимать такое гражданско-правовое обязательство, предметом которого является определенная денежная сумма, платеж которой приводит к погашению денежного долга.

Исполнение денежных обязательств имеет свои особенности, которые необходимо учитывать, чтобы избежать нарушений и предотвратить возможные споры. Исполнение обязательств признается надлежащим, если оно соответствует требованиям к сроку, месту и способу исполнения.

Итак, обязательство, как правило, предусматривает срок его исполнения. Если стороны в договоре согласовывают определенный день исполнения обязательства, следовательно, исполнить его нужно в указанный день. Обязательство может предусматривать период времени, в течение которого оно должно быть исполнено (включая случаи, когда этот период исчисляется с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, которые предусмотрены в законе или в договоре). Следовательно, обязательство должно быть исполнено в любой момент в рамках этого периода (п. 1 ст. 314 ГК РФ). В договорной практике по поставке, например, стороны определяют в договоре момент оплаты, совпадающий с моментом подписания товарной накладной. Иными словами конкретный срок исполнения обязательства специально оговорен сторонами в договоре — день подписания товарной накладной. Или, например, стороны предусматривают период по

оплате товара — определенное количество дней с момента передачи товара покупателю. Это означает, что денежное обязательство должно быть исполнено в любой из этих дней в пределах установленного срока.

В ряде договоров условие о сроке оплаты является существенным условием договора. К примеру, договор о продаже товара в кредит с условием о рассрочке платежа будет заключен только в том случае, если в нем наряду с другими существенными условиями договора купли-продажи стороны укажут цену товара, порядок, сроки и размеры платежей (абз. 2 п. 1 ст. 489 ГК РФ).

Если обязательство не содержит срока его исполнения и не предусматривает условий, позволяющих достоверно определить этот срок, обязательство должно быть исполнено в течение семи дней с даты предъявления кредитором требования об оплате (с момента выставления счета, например). Такие же правила применяются к обязательству, срок исполнения которого был определен сторонами до востребования. Конечно, если обязанность исполнить в другой срок не предусмотрена законом, иными правовыми актами, договором, а также не вытекает из обычаев или характера обязательства. Если кредитор не предъявляет требования об исполнении денежного обязательства в разумный срок, должник имеет право потребовать от него принятия исполнения, если иное не предусмотрено законом, договором, обычаями или характером обязательства (п. 2 ст. 314 ГК РФ).

Важно отметить специальное регулирование сроков исполнения денежных обязательств, которые установлены в отношении отдельных видов договоров. Например, в договоре аренды стороны согласовывают порядок, условия и сроки внесения платежей по аренде. Если эти вопросы сторонами не согласованы, то считается, что установлены порядок, условия и сроки внесения арендной платы, которые обычно применяются при аренде такого рода имущества при сравнимых обстоятельствах. В подобных ситуациях суды отталкиваются от правил, которые обычно устанавливаются в своих договорах разумные и добросовестные участники гражданского оборота (п. 1 ст. 614 ГК РФ).

В ГК РФ представлен перечень мест, которые рассматриваются в качестве места исполнения денежного обязательства по наличным расчетам. Таковыми закон называет: 1) место жительства кредитора в момент возникновения обязательства, если кредитор — физическое лицо; 2) место нахождения юридического лица в момент возникновения обязательства, если кредитор — юридическое лицо. Это общее правило. Если речь идет о безналичной оплате, то местом исполнения обязательства считается место нахождения банка, который обслуживает кредитора. Если банк имеет несколько филиалов, то местом исполнения денежного обязательства будет считаться место нахождения того филиала, где кредитор подписал договор на банковское обслуживание и где ему был открыт расчетный счет (ч. 1 ст. 316 ГК РФ). Таким образом, в отношении операций в безналичной форме, денежное обязательство по уплате безналичных денежных средств будет иметь статус исполненного в момент, когда денежные средства поступили на корреспондентский счет банка кредитора

(получателя). После этого на спорную денежную сумму проценты не начисляются. Если денежные средства не поступят банку кредитора по вине банка, в котором обслуживается должник, денежное обязательство не будет считаться исполненным, и кредитор имеет право применить в отношении должника штрафные санкции за просрочку платежа. Если же должник и кредитор по денежному обязательству являются клиентами одного и того же банка, моментом исполнения такого обязательства считается день зачисления денег на счет кредитора. Такие разъяснения содержатся в пункте 26 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [6].

Если к моменту исполнения обязательства кредитор поменял свое место жительства или место нахождения и уведомил об этом должника, местом исполнения считается новое место жительства или место нахождения кредитора. В то же время расходы, связанные с такой сменой места исполнения, будет нести кредитор (ч. 2 ст. 316 ГК РФ).

В то же время на практике имеют место ситуации, когда кредитор или лицо, которое им уполномочено на принятие исполнения по обязательству, отсутствует в месте, где обязательство должно быть исполнено. В таких случаях законодателем предусмотрен экстраординарный способ исполнения обязательства — нотариальное депонирование. Данный способ не подлежит применению в ситуации, когда должник может исполнить обязательство ординарным порядком. Учитывая, что обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, должник по общему правилу не вправе производить исполнение в депозит нотариуса, но общая норма о депонировании в определенных границах предоставляет ему такое право. Следовательно, за пределами законодательного дозволения депонирование не допускается.

В п. 1 ст. 327 ГК РФ предусматривается, что должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, а в случаях, установленных законом, в депозит суда — если обязательство не может быть исполнено должником вследствие: 1) отсутствия кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено; 2) недееспособности кредитора и отсутствия у него представителя; 3) очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и другими лицами; 4) уклонения кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны.

Денежные обязательства должны выражаться в национальной валюте России (российский рубль) (п. 1 ст. 317 ГК РФ). Однако данная норма не является императивной, стороны могут предусмотреть в договоре, что должник исполняет требование об уплате денежных средств в рублях в сумме, которая равнозначна определенной сумме в иностранной валюте (п. 2 ст. 317 ГК РФ) (валютная оговорка). В этом случае сумму, которую должник обязан уплатить кредитору, нужно опреде-

лять в рублях по официальному курсу валюты на день платежа. В п. 3 ст. 317 ГК РФ законодатель допускает при наличии к тому установленных в законе условий не только выражение долга в иностранной валюте, но и погашение долга в иностранной валюте.

Если по условиям договора должник обязан исполнить денежное обязательство в иностранной валюте, то в данном случае необходимо исходить из того, возможно ли по закону такое исполнение. Если закон допускает исполнение денежного обязательства в валюте, отличной от российской, должник исполняет его в той валюте, которая выступает валютой платежа по договору. Если спор разрешается в судебном порядке, в резолютивной части судебного решения указываются взыскиваемые суммы в иностранной валюте. Если денежное обязательство нельзя исполнить в иностранной валюте, такое предусмотренное договором условие не будет иметь юридических последствий. Это означает, что договор в остальной части будет действовать, а валютой платежа будет российский рубль. Такие правила предусмотрены п. 31 и 32 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 54.

Такая же правовая позиция была изложена ранее в Информационном письме Президиума ВАС РФ № 70 от 4 ноября 2002 г. № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации» [2]. Если сторонами в договоре было указано, что должник исполняет денежное обязательство в иностранной валюте, это означает, что валютой долга считается иностранная валюта, валютой же платежа является национальная валюта России (если только иное явно не будет вытекать из содержания подписанного сторонами договора). Такие же последствия будут иметь место, если условие договора о валютной оговорке противоречит валютному законодательству РФ.

Закон предписывает исполнение обязательств в полном соответствии с условиями заключенного сторонами договора. Это говорит о том, что если в договоре отсутствует условие о частичном исполнении денежного обязательства, его необходимо исполнить в полном объеме.

Суть в том, что исполнение обязательства доставляет кредитору то благо, которое составляет предмет действий должника. Довольно большое число обязательств имеют количественную характеристику (размер), а именно: количество денег, товаров, вещей, этапов выполнения работ и т.п. Довольно часто, особенно по относительно простым обязательствам, исполнение которых предполагает одно действие должника, кредитор рассчитывает получить предоставление во всей его целостности, т.е. сполна. Нередко частичное исполнение обязательства либо вообще не представляет никакой ценности для кредитора, либо не может удовлетворить его потребности, не достигнув всей полноты. Иными словами, наиболее распространенная потребность кредитора сводится к его интересу получить от должника исполнение в полном объеме.

Однако на практике нередки случаи, когда должник лишен возможности исполнить свое денежное обязательство перед кредитором в полном объеме, и вынужден погашать имеющуюся задолженность по частям. Не так уж часто условия обязательства по предоставлению или его существо однозначно

предопределяют готовность кредитора принимать исполнение исключительно целиком и никак иначе. Кредитор может вполне удовлетвориться исполнением обязательства по частям. Установление жесткого правила о том, что всякое исполнение по обязательству, не предусматривающее частичного исполнения, не должно приниматься кредитором, входило бы в противоречие с интересами сторон. Это нерационально, и поэтому общее правило отдает на усмотрение кредитора решение о том, принимать ли ему частичное предоставление по обязательству, не предусматривающему такой вариант его исполнения, или нет. Согласно ст. 311 ГК РФ кредитор вправе не принимать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства и не вытекает из обычаев или существа обязательств. Из существа денежного обязательства, однако, Пленум Верховного суда РФ выводит общее правило, обратное предусмотренному нормой закона: кредитор не вправе отказаться от принятия исполнения такого обязательства в части [6].

С практической точки зрения кредитор естественным образом мотивирован в большинстве случаев не отказываться от принятия частичного платежа. Это объясняется тем простым обстоятельством, что принятие частичного платежа уменьшает риск кредитора в получении исполнения, а также обычно не влечет существенных издержек, особенно при безналичных расчетах.

Исполнение денежного обязательства по частям предполагает, что на невыплаченную часть (задолженность) должны начисляться проценты по правилам ст. 395 ГК РФ. Кроме того, сам договор может содержать условия о неустойке за просрочку исполнения обязательства. В этих случаях, стороны должны исходить из правил очередности погашения требований по денежному обязательству. Если сумма, направленная должником в качестве платежа недостаточна для исполнения денежного обязательства в полном объеме, погашение требований происходит в следующем порядке.

По общему правилу сначала погашаются издержки кредитора по получению долга, затем проценты за пользование день-

гами (например, суммой займа), потом основной долг и уже далее — штрафные санкции (пени и пр.) (ст. 319 ГК РФ). При этом назначение платежа, которое указал должник, не подлежит учету. Стороны могут изменить данную последовательность договором, но нельзя предусмотреть в нем, например, что штрафные санкции погашаются раньше основного долга.

Если же у должника несколько однородных обязательств (например, по разным договорам), то платеж засчитывается в счет того, которое указал должник. Если он этого не сделал, как правило, приоритет будет иметь обязательство с более ранним сроком исполнения.

Таким образом, спецификой денежного обязательства выступает предмет исполнения, а конкретно то, что все денежные обязательства должны быть выражены в национальной валюте РФ — рублях (п. 1 ст. 317 ГК РФ). Определение долга в рублях является общим правилом, имеющим исключение. Помимо исполнения обязательств в иностранной валюте, когда это допускается законом, достаточно широко распространены случаи, при которых обязательство выражается в иностранной валюте, но подлежит исполнению в рублях. Участники гражданского оборота предусматривают такую валютную оговорку, когда каждая сторона готова принять на себя риск изменения курса рубля по отношению к соответствующей иностранной валюте. Тем самым, стороны вправе предусмотреть в договоре обязанность по уплате суммы в иностранной валюте или в условных денежных единицах, однако исполнить обязательство должны в российских рублях. Также существуют особенности для определения момента исполнения денежного обязательства, который зависит, в частности, от формы расчетов и того, кто в них участвует. В денежных обязательствах кредитор обязан принять исполнение по частям. Особенность исполнения охранительного денежного обязательства — это возможность внесения долга в депозит нотариуса либо в депозит суда, когда это допускается судом. Данный способ исполнения применяется в ситуации, когда кредитор отсутствует в месте исполнения. В отношении денежного обязательства действуют общие правила о сроке исполнения обязательства.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 04.11.2002 № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 1. 2003.
3. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. — М.: Статут, 2004. — 350 с.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.06.2015 № 77-КГ15-1. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. январь, 2017.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
8. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»

Особенности исполнения альтернативных и факультативных обязательств

Сыткова Ирина Николаевна, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В России нормы об альтернативных и факультативных обязательствах появились в 2015 году (ст. 320, ст. 320.1 и ст. 308.1 и 308.2 ГК РФ). Несмотря на то, что высшая судебная инстанция разъяснила применение положений законодательства об альтернативных и факультативных обязательствах, на практике возникают вопросы, обусловленные спецификой исполнения таких обязательств. Этим вопросам посвящена данная статья.

Ключевые слова: исполнение обязательств, факультативные обязательства, альтернативные обязательства, реформа гражданского законодательства.

До реформы гражданского законодательства 2015 г. альтернативные и факультативные обязательства особой популярностью не пользовались, что закономерно, поскольку ранее ГК РФ содержал лишь краткое определение альтернативного обязательства, а положения о факультативном обязательстве отсутствовали вовсе. Теперь эти вопросы регулируют следующие статьи — ст. 320, ст. 320.1 и ст. 308.1 и 308.2 ГК РФ [1], которые в последующем были разъяснены в Постановлении Пленума Верховного суда № 54 [4].

Реформа гражданского законодательства привнесла не только изменение нормы об исполнении альтернативного обязательства, но и ввела в оборот его понятие. Альтернативным признается обязательство, по которому должник обязан совершить одно из двух или нескольких действий (либо воздержаться от совершения действий), выбор между которыми принадлежит должнику, если законом, иными правовыми актами или договором право выбора не предоставлено кредитору или третьему лицу (п. 1 ст. 308.1 ГК РФ). Кроме того, законодатель установил правовое последствие совершения выбора в альтернативном обязательстве. С момента, когда должник (кредитор, третье лицо) осуществил выбор, обязательство перестает быть альтернативным (п. 2 ст. 308.1 ГК РФ).

Категория альтернативного обязательства присутствовала еще в римском праве. Подразумевалось, что у такого обязательства есть несколько вариантов исполнения. Например, если необходимо было передать раба без уточнения его характеристик, можно было отдать любого из рабов, находящихся в собственности должника. При этом по общему правилу, если кредитор и должник не договорились отдельно, то право выбора варианта исполнения альтернативных обязательств было за последним [3, с. 56].

Тем самым, альтернативное обязательство предполагает обязанность должника совершить одно из двух или нескольких действий (как вариант, воздержаться от совершения действий). Например, по договору инвестирования инвестор может выполнять условия обязательства (то есть осуществлять инвестирование): 1) через прямое денежное финансирование; 2) через выполнение подрядных работ по строительству. Право выбирать по умолчанию законодатель оставляет за должником, но с оговоркой, что договором стороны могут предусмотреть и иной вариант. Сделать выбор можно несколькими способами: 1) в письменном виде (должник направляет кредитору соответствующее уведомление); 2) фактическими действиями по ис-

полнению обязательства (момент совершения выбора и само исполнение совпадают).

При этом с момента совершения выбора обязательство теряет характер альтернативности и считается таковым с момента его возникновения. Так, например, если должник делает выбор в пользу уплаты процентов за возможность пользования чужими денежными средствами, то эти проценты начисляются не с момента выбора, а с того момента, когда деньги были предоставлены в пользование.

Еще стоит обратить внимание на то обстоятельство, что после осуществления выбора должник не может его изменить. Например, в договоре поставки стороны могут согласовать, что должник либо возвращает многооборотную тару, либо уплачивает поставщику стоимость тары по цене, указанной в накладной в день получения продукции. И если после уведомления покупателя о намерении уплатить денежные средства тот меняет выбор и предоставляет тару, поставщик вправе отказаться от приемки такого исполнения, поскольку оно является ненадлежащим.

Следующий важный момент: если обладающий правом выбора должник не определится с выбором в оговоренные сроки, то право выбора станет принадлежать кредитору. Аналогично решается вопрос с правом выбора, принадлежащим кредитору, — если кредитор его не реализует, у должника появляется возможность исполнить обязательство по своему выбору.

Высшая судебная инстанция разъяснила, что управомоченное лицо совершает выбор в срок, установленный для обязательства, а при его отсутствии в разумный срок. Если этого не сделано, должник вправе потребовать от кредитора или третьего лица указаний на предмет исполнения обязательства, а в случае их непоступления в семидневный срок исполнить обязательство по своему выбору [4].

Таким образом, в альтернативном обязательстве есть три важных условия: 1) несколько действий, к совершению одного из которых может быть обязан должник; 2) право выбора; 3) последствие выбора. Наличие нескольких действий представляет собой само существо законодательной конструкции. Без права выбора обязательственная связь не может отступить от сферы неопределенности и привести к достижению цели обязательства. Иными словами, право выбора есть средство устранения неопределенности. Важно подчеркнуть, что неопределенность (содержательная (какое действие окажется предметом реализации права выбора) и относительно времени (когда управомо-

ченное лицо осуществит выбор)) — характерная особенность альтернативного обязательства. С этим тесно связан и третий элемент (необходимое условие) альтернативного обязательства. Реализация права выбора прекращает неопределенность. Прекращение альтернативности есть промежуточная цель альтернативного обязательства — оно обретает характер определенного и развивается далее в обычном порядке, т.е. стремится к удовлетворению потребности кредитора, в чем и заключается цель всякого обязательства. Отсюда следует, что альтернативным является обязательство, которое отвечает этим трем названным условиям. Из совокупности данных условий следует, что в альтернативном обязательстве не может наблюдаться такой исход, когда должник по выбору кредитора сначала будет обязан к совершению одного действия, а затем другого.

Факультативное обязательство также имеет глубокие исторические корни. В римском частном праве факультативное обязательство означало возможность уплаты долга другим предметом (факультативным) взамен оговоренного в договоре. Тем самым, факультативное обязательство означает замену основного исполнения, которая, однако, необязательно будет реализована. По сути, это обязательство, по которому должнику предоставляется право заменить основное исполнение другим (факультативным) исполнением, предусмотренным условиями обязательства.

На первый взгляд, факультативное обязательство имеет сходство с альтернативным обязательством, но между ними есть отличия. Если в альтернативном обязательстве оба предмета исполнения равнозначны, то в факультативном выделяется основное обязательство, которое и считается приоритетным, и дополнительное.

Основное отличие — право выбора в факультативном обязательстве всегда принадлежит должнику (продебиторский уклон), а в случае неисполнения обязательства, кредитор лишен правомочия по выбору — он может требовать исполнения только основного обязательства (но не факультативного). Помимо этого, факультативное обязательство производно от основного, то есть в случае недействительности последнего, оно также признается недействительным.

Тем самым, в альтернативном обязательстве каждая из обязанностей является долгом, но только одно действие подлежит исполнению. По своей внутренней структуре факультативное обязательство отличается от альтернативного: только одно действие — основное исполнение находится в обязанности должника, а второе (запасное) действие может быть совершено вместо основного исполнения, т.е. оно не является обязанностью должника, это его право.

В качестве примера можно рассмотреть договор подряда, где стороны могут согласовать следующее факультативное обязательство: подрядчик вправе вместо устранения недостатков в работе выполнить ее заново, возмещая заказчику убытки, причиненные просрочкой. В этом случае у подрядчика есть основная обязанность — устранить недостатки и есть факультативная возможность — переделать работу и возместить убытки.

Или другой пример: между двумя юридическими лицами заключен договор на проведение химической обработки посевов сельскохозяйственных культур с целью уничтожения

вредителей. Согласно тексту договора, расчет за оказанные услуги осуществляется в натуральном выражении (урожаем пшеницы), но заказчик вправе произвести расчеты с исполнителем путем перечисления денежных средств на его расчетный счет.

Исполнение факультативных обязательств имеет свои особенности. Так в частности, до того момента, пока не наступит срок исполнения основного обязательства, кредитор не вправе предъявлять требования к контрагенту. У должника нет обязанности досрочного исполнения обязательства и уведомления контрагента о своем выборе в пользу основного или факультативного обязательства [8]. Кредитор должен принять исполнение факультативного обязательства, иначе возникнет ответственность за уклонение от исполнения договора (ст. 308.2 ГК РФ). К примеру, в случае непринятия покупателем товара, поставщик вправе: 1) потребовать произвести оплату непринятого товара; 2) потребовать осуществить приемку товара; 3) отказаться от договора; 4) потребовать возместить убытки; 5) предъявить требования, которые предусматривает договор поставки.

Если должник по факультативному обязательству в срок не приступит к основному исполнению, кредитор может потребовать исполнить только основное обязательство (п. 1 ст. 320.1 ГК РФ). Он ни при каких обстоятельствах не вправе требовать исполнить факультативное обязательство.

В случае если стало невозможно предоставить основное исполнение, обязательство прекратится в целом. Иными словами, при невозможности предоставить основное исполнение, факультативное исполнение делается бессмысленным в силу сущности факультативного обязательства (ст. 308.2 ГК РФ). В свою очередь, при невозможности предоставления факультативного исполнения, обязательство сохраняется, но перестает быть факультативным — отпадает право на замену. Должник обязан предоставить основное исполнение. От того, что стало невозможно исполнить факультативное обязательство, не меняется существо долга (ст. 308.2 ГК РФ) [2, с. 32].

У альтернативного обязательства также есть свои особенности в части исполнения. В частности, контрагент не вправе требовать исполнения и применять меры ответственности до того момента, пока управомоченная сторона не выберет предмет исполнения в альтернативном обязательстве. Как только должник (кредитор, третье лицо) выберет, какое именно действие он будет совершать, и это станет известно другой стороне, обязательство перестанет быть альтернативным (п. 2 ст. 308.1 ГК РФ). При этом считается, что обязательство состояло из выбранного действия с момента своего возникновения.

Например, должник обязан был застраховать предмет залога или платить проценты по кредиту по повышенной ставке. Определиться с выбором должник мог в течение определенного срока с даты предоставления кредита. Если он решит платить кредит по повышенной ставке, то эта ставка будет действовать с даты выдачи кредита, а не с момента выбора. Это следует из разъяснений высшей судебной инстанции о применении общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении.

Управомоченная сторона может сделать выбор: 1) в письменном виде — должник сообщает кредитору, какое именно действие он избрал. Для этого достаточно направить уведомление, но можно и заключить дополнительное соглашение. Так, например, суд расценил исполнением альтернативного обязательства заключение дополнительного соглашения [5]; 2) действиями по исполнению обязательства — в таком случае выбор предмета исполнения и само исполнение происходят одновременно. Например, когда поставщик обязан поставить люстру или три светильника, доставка люстры будет считаться и выбором, и исполнением.

Должник (кредитор, третье лицо) не сможет отменить свой выбор и совершить другое действие. Это будет ненадлежащим исполнением. Так, если должник мог выбрать — заплатить или выполнить работы, выбрал работы, но в итоге заплатил, это не будет надлежащим исполнением. В этой ситуации кредитор может: 1) отказаться принимать исполнение, так как оно ненадлежащее в силу ст. 309 ГК РФ; 2) потребовать от должника совершить выбранное им ранее действие на основании п. 2 ст. 308.1 и ст. 309 и 310 ГК РФ; 3) потребовать возместить убытки или уплатить неустойку.

Если должник по альтернативному обязательству не совершил выбор в срок, право выбора переходит к кредитору. То есть он вправе: 1) сам выбрать действие, которое должник должен совершить; 2) потребовать от должника, чтобы тот совершил определенные действия (п. 1 ст. 320 ГК РФ).

Право выбора по альтернативному обязательству переходит к должнику, если кредитор не сделал выбор в срок. Должник в этом случае может выбрать, какое из предусмотренных в договоре действий совершить (п. 2 ст. 320 ГК РФ). Кредитор не вправе отказаться от исполнения, которое предоставит должник.

По альтернативному обязательству должник обязан совершить одно из нескольких действий. Должник может лишь выбирать, какое из действий совершить, но не создавать новые действия, комбинируя их (п. 1 ст. 308.1 ГК РФ). Но стороны могут предусмотреть иные правила. Так, они могут согласовать в договоре, что должник вправе: 1) предоставить комбинированное исполнение. Например, должник сможет выбрать одно из трех действий: заплатить, выполнить ремонт либо положить ламинат и заплатить 80% от полной суммы. В таком случае количество возможных вариантов исполнения просто увеличится на одно действие; 2) заменить перечисленные действия другим исполнением — комбинированным. В таком случае обязательство станет факультативным, где первоначально возможные варианты — это основное обязательство, а комбинированное исполнение — это факультативное (ст. 308.2 ГК РФ).

Может быть и другой вариант — предусмотреть исполнение по частям. Для каждой части требуется согласовать вариативность предмета. В таком случае, если должник сделает выбор в отношении одной из частей, это не повлечет последствий для остальных частей. Они останутся альтернативными, и в отношении них должник сможет предоставить иное исполнение.

Альтернативные обязательства используют не только применительно к обычным договорам поставки, но и, например, к правоотношениям в рамках банкротства. К примеру, кон-

курсный управляющий потребовал неустойку с председателя ликвидационной комиссии за непередачу полного пакета документов. Суд первой инстанции встал на сторону истца. Однако в дальнейшем его решение отменили. Апелляционная и кассационная инстанции отметили, что: 1) первая инстанция указала на обязанность передачи документов, но не исследовала, есть ли вообще такая возможность; 2) истец не заявлял требования об исполнении обязанности в натуре применительно к ст. 308.1 ГК РФ. Поэтому требование неустойки по правилам ст. 308.3 ГК РФ неправомерно [6].

В другом деле истец до суда требовал от ответчика устранения недостатков приобретенного товара. Затем уже при подаче иска он заявил требование о расторжении договора. Ответчик при отклонении данного заявления указал на то, что истец уже выбрал альтернативное обязательство — устранение недостатков товара. Поэтому его требование о расторжении договора неправомерно. Суд кассационной инстанции отметил, что условиями договора применение прав из п. 2 ст. 475 ГК РФ (в т.ч. отказ от исполнения договора) стороны не исключили. Эта возможность все равно действительна. Требование о расторжении договора — это альтернативный способ защиты нарушенного права [7].

Таким образом, альтернативное обязательство — это договорной инструмент, который предоставляет возможность выбрать, что именно должник сделает для закрытия своего долга. Стороны сделки согласовывают перечень вариантов на этапе утверждения содержания договора. Все варианты являются равнозначными. От факультативного обязательства такое обязательство отличается тем, что должник выбирает один из вариантов, а не заменяет одно обязательство другим. Примеры альтернативных обязательств можно встретить, например, в договорах: купли-продажи, поставки, займа. К примеру, поставщик и покупатель перечисляют в договоре возможные марки товара. Продавец может выбрать, продукцию какого производителя передаст заказчику. Подобный выбор может быть и у покупателя, если его предусмотреть в соглашении.

У альтернативного обязательства есть свои особенности в части исполнения. В частности, контрагент не вправе требовать исполнения и применять меры ответственности до того момента, пока управомоченная сторона не выберет предмет исполнения в альтернативном обязательстве. Как только должник (кредитор, третье лицо) выберет, какое именно действие он будет совершать, и это станет известно другой стороне, обязательство перестанет быть альтернативным (п. 2 ст. 308.1 ГК РФ). При этом считается, что обязательство состояло из выбранного действия с момента своего возникновения.

Исполнение факультативных обязательств также имеет свои особенности. Так, в частности, до того момента, пока не наступит срок исполнения основного обязательства, кредитор не вправе предъявлять требования к контрагенту. У должника нет обязанности досрочного исполнения обязательства и уведомления контрагента о своем выборе в пользу основного или факультативного обязательства. Кредитор должен принять исполнение факультативного обязательства, иначе возникнет ответственность за уклонение от исполнения договора (ст. 308.2 ГК РФ).

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Захаркина А. В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Статут, 2017. — 176 с.
3. Кайнов В. И. Римское право: учебник и практикум для вузов / В. И. Кайнов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 178 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. январь, 2017.
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 февраля 2015 г. № 17АП-17968/2014-ГК по делу № А71-11410/2014. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.04.2019 по делу № А11-3771/2017. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.09.2019 по делу № А45-28497/2017. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
8. Сарбаш С. В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). Москва: М-Логос, 2022. — 464 с.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы

Терещенко Олег Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чухраев Денис Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье рассмотрены вопросы о понятии и дифференциации процессуальной формы, критериях выделения, а также определении сущности основных и особых производств в уголовном процессе. Анализируются различные точки зрения уважаемых авторов, обосновывается вывод о том, что имеет место дифференциация отечественного уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальные производства, уголовно-процессуальная форма, критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Действующий УПК РФ [1] предполагает дифференциацию уголовно-процессуальной формы, что является отражением всемирной тенденции оптимизации судопроизводства, суть которой заключается в отказе от неперемennого соблюдения всех предусмотренных законом процедур уголовного процесса при расследовании и разрешении ряда уголовных дел. Отметим, что это выражается не в упрощении уголовного процесса по ряду категорий дел, не в сокращении каких-то его этапов (хотя, несомненно, все это имеет место), а в его ускорении и рационализации с тем, чтобы задачи уголовного судопроизводства могли быть достигнуты кратчайшим экономичным путем [9, С. 307–308], обеспечивая при этом соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Полагаем, что прежде, чем исследовать различные виды, а также критерии дифференциации уголовного процесса, необходимо определиться с общим понятием «уголовно-процессуальная форма» и соотнести его с дефиницией «уголовно-процессуальное производство».

Понятие уголовно-процессуального производства не является достаточно устоявшимся. Вместе с тем, стоит согласиться с мнением Ю. К. Якимовича, который рассматривает

его в трех аспектах — как деятельность, урегулированную нормами уголовно-процессуального права, как институт уголовно-процессуального права, разновидность порядка судопроизводства, и как ту часть уголовно-процессуального законодательства, нормы которой и регулируют эту деятельность в рамках самостоятельных уголовно-процессуальных производств [14, С. 204].

Полагаем, что с точки зрения познания сущности уголовного процесса изучение содержания и формы уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, возможно только в их единстве. Кроме того, не стоит забывать, что то или иное производство в уголовном процессе отличается от другого не что иное, как специфика процессуальной формы. Именно процессуальная форма и является критерием выделения различных видов уголовно-процессуальных производств.

Как правило, в качестве критерия дифференциации и разграничения уголовного процесса на самостоятельные уголовно-процессуальные производства, применяется только один — сложность процессуальной формы. Вместе с тем, в Уголовно-процессуальном кодексе или других нормативных правовых нет термина: «уголовно-процессуальная форма»,

в связи с этим представляется интересным еще раз обратиться к некоторым наиболее ярким и содержательным мнениям, обозначившим современное понимание сущности данного понятия.

Так, С. А. Шейфер указал, что процессуальная форма является одной из основных категорий науки уголовного процесса, которая обуславливается, как самой сущностью уголовного судопроизводства, так и его принципами. Своевременное и правильное применение уголовного закона к лицам, совершившим преступление, обеспечивается надлежащим порядком производства по уголовным делам, определяемым уголовно-процессуальным законодательством и облакаемым в процессуальные формы, которые призваны содействовать установлению истины и обеспечивать соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса [12, С. 14].

М. С. Строгович называл процессуальной формой совокупность условий, которые установлены процессуальным законом для выполнения уполномоченными лицами своих функций в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для осуществления гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, своих прав и выполнения обязанностей [10, С. 5].

В. Н. Шпилев имел схожую позицию, определенную М. С. Строговичем, уточняя, что определение процессуальной формы должно отражать не только совокупность предусмотренных законом условий совершения процессуальных действий, но и их последовательность, порядок закрепления и оформления процессуальных действий, процессуальные сроки [9, С. 66].

Н. П. Кузнецов определил, что это закрепленная уголовно-процессуальным правом структура всего уголовного процесса и отдельных его стадий, последовательность и порядок совершения процессуальных действий, и закрепление их в правовых актах» [3, С. 12]. Полагаем, что данное определение указанной дефиниции наиболее полно и конкретно раскрыто, а также в нем сформулирована и обобщена сущность процессуальной формы. Тем не менее, каждая из приведенных выше доктринальных позиций имеет право на существование, более того, они не содержат каких-либо принципиальных различий и, выражают какой-то единый, общепринятый смысл, но через разные категории науки уголовного процесса, что позволяет сделать вывод «уголовно процессуальная форма» является исключительно научным понятием.

Значение процессуальной формы выражается в том, что она позволяет придать единообразию следственной и судебной деятельности, а также призвана обеспечить наиболее целесообразные условия и порядок для ведения дел [5, С. 269]. Отметим справедливую оценку процессуальной форме, которую сформулировал И. Л. Петрухин: «сама по себе она не имела бы значения, если бы она не подчиняла себе деятельность всех участвующих в уголовном судопроизводстве лиц и органов, задаче выяснения дела» [6, С. 7].

Действующая отечественная модель уголовного процесса предполагает наделение процессуальной формы, как минимум, тремя основными отличительными признаками: единством, всеобщностью и обязательностью.

Единство, обусловленное правовой природой, назначением и единством судебной власти, которая реализуется в уголовном судопроизводстве посредством этих производств. К тому же УПК РФ не настаивает на единстве и обязательности порядка производства по всем уголовным делам, но и не подразумевает анархии в уголовном процессе. О единстве процессуальной формы речь идет лишь постольку, поскольку отечественное уголовное судопроизводство основано на единых принципах (гл. 2 УПК РФ) и имеет единое назначение (ст. 6 УПК РФ) [9, С. 65–69].

Обязательность уголовно-процессуальной формы заключается в необходимости точного и неукоснительного исполнения всеми субъектами уголовного судопроизводства уставленных УПК РФ дозволений, предписаний и запретов. Это положение является одним из непререкаемых условий законности производства по уголовному делу, нарушение которого влечет различные юридические санкции, в частности, лишает полученные результаты юридической силы, обуславливает отмену либо изменение следственных, прокурорских или судебных актов, приводит к отказу в удовлетворении волеизъявления участвующих лиц и т.д.

Под всеобщностью уголовно-процессуальной формы следует понимать требование о распространении установленного УПК РФ правового режима на все находящиеся в производстве российских органов предварительного расследования и судов уголовные дела вне зависимости от их объема, сложности и других фактических либо юридических обстоятельств. Вместе с тем, свойство всеобщности не исключает возможности дифференциации процессуальной формы, то есть одновременного существования различных порядков досудебного или судебного производства в зависимости от квалификации преступления, наличия специальных субъектов, прямого волеизъявления участвующих лиц и целого ряда других факторов.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, закрепив единый порядок уголовного судопроизводства, предусматривает также дифференциацию его форм, которая является необходимым условием эффективного и рационального построения процесса, последовательного осуществления демократических начал правосудия.

Отметим, что вопросам дифференциации процессуальной формы посвящено многочисленное количество научных работ, тем не менее, данный вопрос нельзя считать полностью разрешенным.

Так, Ю. К. Якимович, анализируя мнения различных ученых о понятии дифференциации, пишет: «Некоторые авторы дифференциацию сравнивают с упрощением уголовного процесса, ликвидацией части процессуальных гарантий» [14 С. 204].

В. П. Нажимов считает, что дифференциация уголовного процесса может выражаться в уменьшении или увеличении количества стадий по различным категориям дел, в зависимости от степени сложности, ответственности, объема работы по делу [4, С. 284].

Противоположное мнение высказывает М. К. Свиридов, который полагает, что «в зависимости от сложности и важности дела различным может быть инструментарий, а не количество этапов деятельности. И хотя в одном случае (по делам

частного обвинения) количество стадий действительно становится меньше за счет отсутствия по этим делам досудебного производства, однако количество стадий по остальным уголовным делам должно быть неизменным, так как неизменным остаются как конечные, так и промежуточные задачи, которые должны быть разрешены по каждому уголовному делу» [7].

Обосновывая необходимость дифференциации, М. Л. Якуб считал, что процессуальные формы только тогда и могут отвечать своему назначению, если они строятся сообразно со свойствами отдельных категорий дел. К таким категориям он относит следующие:

- 1) «степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания, предусмотренной за него законом;
- 2) общественно-политическое значение дел данной категории;
- 3) степень сложности дел данной категории в разрешении как их фактической, так и правовой стороны;
- 4) значение, которое имеет преступление для интересов отдельных лиц, тех или иных ведомств, организаций и предприятий» [15 С. 103–105].

Несколько иную позицию отстаивает И. А. Шмарев, выделяя следующие критерии уголовно-процессуального производства:

- 1) задачи производства и материально-правовые основания, лежащие в его основе;
- 2) степень сложности уголовного дела;
- 3) степень соотношения в производстве публичных и диспозитивных начал.

Таким образом, анализируя дифференциацию уголовного процесса, следует отметить, что она может идти в нескольких направлениях, как в появлении ускоренных производств, так и в появлении производств, с более сложными процессуальными формами. В связи с чем, полагаем возможным согласиться с мнением Т. В. Трубниковой, которая понимает под дифференциацией уголовного судопроизводства «существование в системе уголовного процесса ряда самостоятельных производств, приспособленных для различных потребностей. В таком понимании дифференциации она включает в себя как классификацию производств в зависимости от их направленности (основные, дополнительные, особые), так и классификацию в зависимости от степени сложности процессуальной формы (обычное производство, упрощенные производства, производства с более сложной процессуальной формой)» [11 С. 8]. Ю. К. Якимович рассматривает все уголовное судопроизводство как систему относительно самостоятельных производств и выделяет структурную градацию уголовного про-

цесса, а именно — три группы производств (в зависимости от их направленности): основные, дополнительные и особые [13 С. 9].

Для определения существенных различий в построении дифференцированных производств внутри уголовного процесса, Т. В. Трубникова отметила, что это должны быть очень серьезные отличия, заключающиеся в изменении конкретных форм деятельности правоохранительных органов, изменении правоотношений, исчезновении одних и появлении других процессуальных гарантий. Вместе с тем, она совершенно справедливо замечает: «Затруднительно, однако, предложить формализованные критерии такого признака самостоятельного уголовно-процессуального производства, как »существенные различия« в порядке деятельности... Этот признак, как представляется, носит оценочный характер. О выделении самостоятельного уголовно-процессуального производства можно говорить лишь в тех случаях, когда изменения в порядке, формах деятельности в уголовном судопроизводстве в их совокупности дают новый качественный уровень» [11 С. 8].

Основные производства направлены на установление и разрешение уголовно-правового отношения, дополнительные производства направлены на досрочное изменение или прекращение уголовно-правового отношения, а особые производства связаны с применением специальных уголовно-процессуальных норм, непосредственно не связанных с реализацией уголовно-правового отношения (т.е. по вопросам, лежащим вне сферы регулирования уголовного права) [14 С. 204].

Как видно, понимание смысла терминов «основное производство», «особое производство», «дополнительное производство» в юридической литературе весьма различно, как и сам перечень производств, входящих в ту или иную группу.

Таким образом, в юридической литературе нет единства относительно понятия дифференциации процессуальной формы, тем не менее, рассмотрев позиции ученых-процессуалистов, можно определить, что дифференциация уголовно-процессуальной формы это и свойство процессуальной формы, и тенденция ее развития, и способ построения уголовного процесса, и принцип уголовно-процессуального права. Одни авторы отождествляют дифференциацию уголовного судопроизводства с упрощением уголовного процесса, а другие рассматривают дифференциацию процессуальной формы как сосуществование в рамках уголовного процесса основного производства и особых производства — ускоренных и усложненных. Вместе с тем, наличие в уголовном процессе производств, различающихся между собой по направленности производства и по степени сложности процессуальных форм, свидетельствует о дифференциации отечественного уголовного процесса.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: специальность 12.00.09 «уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Качалова О. В.; ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». — Москва, 2016. — 482 с. — Текст: непосредственный.
3. Кузнецов, Н. П. Сущность, назначение и основные положения уголовного процесса. Предмет и система курса / Н. П. Кузнецов. — 1-е изд. — Воронеж: Воронежский гос. унт, 2003. — 453 с. — Текст: непосредственный.

4. Нажимов, В. П. Использование учения об уголовно-процессуальных функциях для совершенствования расследования и рассмотрения уголовных дел / Нажимов, П. В. — Текст: непосредственный // Связь юридической науки с практикой. — 1986. — С. 284–289.
5. Оралбекова, М. Д. Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной реформы / М. Д. Оралбекова. — Текст: непосредственный // Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета, Курск, 14–15 ноября 2019 года. — Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2019. — С. 268–270.
6. Петрухин, И. Л. Уголовный процесс / И. Л. Петрухин. — Москва: Проспект, 2001. — 520 с. — Текст: непосредственный.
7. Свиридов, М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса / М. К. Свиридов. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. — 1987. — С. 241–242.
8. Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — 7-е изд. — Москва: Норма, 2018. — 752 с. — Текст: непосредственный. С. 30
9. Смирнова, И. С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств / И. С. Смирнова. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2015. — №№ 1 (26). — С. 65–69.
10. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — 1-е изд. — Москва: Наука, 1968. — 468 с. — Текст: непосредственный. С. 5
11. Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трубникова Т. В.; Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Томск, 1997. — 32 с. — Текст: непосредственный.
12. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. / С. А. Шейфер. — Москва: «Юрлитинформ», 2001. — 208 с.
13. Якимович, Ю. К. Уголовно-процессуальные производства: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Якимович Ю. К.; Науч.-исслед. ин-т укрепления законности и правопорядка. — Москва, 1992. — 369 с. — Текст: непосредственный.
14. Якимович, Ю. К. Необходимость и содержание дифференциации уголовного процесса / Якимович, Ю. К. — Текст: непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — 2013. — № 7. — С. 203–208.
15. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. — Москва: Юрид. лит., 1984. — 228 с. — Текст: непосредственный.

Органы прокуратуры РФ как субъект уголовного преследования

Теселкин Сергей Олегович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В работе анализируется законодательство в области реализацией органами прокуратуры РФ функции уголовного преследования. Проведен анализ данной функции, в том числе путем ее соотношения с надзором, осуществляемым прокурорскими работниками. Отдельно рассмотрены прокурор в качестве субъектов, обладающих полномочиями в области уголовного преследования. В заключении исследования делаются выводы о содержании понятия «уголовное преследование».

Ключевые слова: органы прокуратуры, функция уголовного преследования, функция надзора, субъекты, уголовный процесс.

Уголовное преследование представляет собой самостоятельную дополнительную функцию отечественной прокуратуры. Она реализуется в сфере уголовного процесса и регулируется уголовно-процессуальным законодательством. Содержанием прокурорского уголовного преследования охватывается «деятельность, не только связанная с изобличением лица в совершении конкретного преступления, но и направленная на обеспечение применения уголовно-правовых норм

в ходе прокурорской деятельности в различных стадиях и производствах уголовного процесса» [4, с. 26].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ от 17 января 1992 года № 2202-1) «прокуратура Российской Федерации единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за со-

блюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции» [2].

То есть указанная функция закреплена в качестве основной для органов прокуратуры, также она вытекает из положений ст.ст. 21, 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), где закреплено, что «прокурор от имени государства осуществляет уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, а также в ходе уголовного судопроизводства» [1]. Следует сказать о том, что ФЗ от 17 января 1992 года № 2202–1 не регламентирует уголовно-процессуальную деятельность органов прокуратуры РФ, закрепляя лишь общие положения.

Изначально необходимо отграничить функцию уголовного преследования от надзора, осуществляемого органами прокуратуры, поскольку первая реализуется только в рамках уголовного процесса, а вторая является основополагающей функцией для рассматриваемых органов и прослеживается во всех сферах, курируемых ими. В тоже время они и взаимосвязаны между собой, что создает определенные трудности в их фактическом разграничении. То есть с точки зрения нынешнего законодательства усмотреть элементы как надзора, так и уголовного преследования.

Функцию уголовного преследования можно рассмотреть в двух аспектах:

- во-первых, как самостоятельная категория — вид государственной деятельности, который осуществляется органами прокуратуры на всех стадиях уголовного процесса;
- во-вторых, как процессуальная категория — «деятельность прокурора, направленная на изобличение лиц, совершивших преступление, и назначении им справедливого наказания, при этом в данном случае она характеризуется наличием специального субъекта, содержанием и формой реализации» [6, с. 17].

Как отмечает Е. Н. Гринюк «в деятельности прокурора всегда присутствует законо-охранительная составляющая, которая проявляет его сущность как представителя единой централизованной системы государственных органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов на всей территории Российской Федерации» [5, с. 147].

Содержанием уголовного преследования выступают «полномочия проверять соблюдение требований федерального законодательства Российской Федерации на этапе регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, выносить решение направить собранные материалы в органы, осуществляющие предварительное следствие и дознание, чтобы решить вопрос о необходимости уголовного преследования» [3].

С точки зрения правовых позиций Конституционного Суда РФ, в.п. 3 постановления от 27 июня 2000 года № 11-П отме-

чено, что «факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении его следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, принимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него» [7]. Интерпретация данного термина Конституционным Судом РФ дает основание утверждать, что деятельность прокурора на стадиях российского уголовного судопроизводства вряд ли можно назвать «уголовным преследованием» в прямом смысле слова.

Перейдем к рассмотрению органов прокуратуры Российской Федерации в качестве субъектов уголовного преследования. Согласно ст. 37 УПК РФ «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

В свою очередь, ст. 5 УПК РФ определяет прокурора через перечень должностей органов прокуратуры, в частности: «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре».

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство различным образом трактует дефиницию «прокурор», но тем не менее данное должностное лицо является исключительным по своей правовой природе и правовому статусу, поскольку в качестве одной из основных обязанностей выступает реализация функции уголовного преследования лиц, совершивших преступление, как в предварительном, так и в судебном производстве, что является принципиальным отличием по отношению к другим органам.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что уголовное преследование — уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, осуществляемая в форме подозрения и обвинения по уголовным делам публичного, частно-публичного обвинения и направленная на установление достаточных данных для привлечения лица в качестве обвиняемого, а также доказать вину лица в совершении преступления, то есть изобличить подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Анализируя нормы уголовного процессуального законодательства, можно сказать о том, что прокурор является безусловным субъектом уголовного преследования.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) // Собрание законодательства РФ.— 2001.— № 52 (ч. I).— Ст. 4921; 2023.— № 32 (Часть I).— Ст. 6142.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.— 1995.— № 47.— Ст. 4472; 2023.— № 31 (Часть III).— Ст. 5772.

3. Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.
4. Воронин О. В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 1 (7). С. 24–37.
5. Гринюк, Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: дисс. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2018. 281 с.
6. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ (проблемы осуществления правовой реформы): автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1997. 36 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

Вопросы правового регулирования заброшенных земельных участков

Торгашев Константин Романович, студент;

Тютин Никита Анатольевич, студент

Научный руководитель: Сорокина Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Проблема заросших участков соседей является актуальной для многих правообладателей земельных участков. Заросшие участки могут привести к конфликтам между соседями, снижению эстетического уровня окружающей среды и даже к ухудшению экологической обстановки. Рассмотрены причины возникновения проблемы, анализируется возможность решения, предлагаются практические рекомендации.

Ключевые слова: *земельный участок, земли сельскохозяйственного назначения, целевое назначение, нецелевое использование, заброшенный земельный участок.*

В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 13 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) [1] собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы обязаны проводить мероприятия по защите сельскохозяйственных угодий от зарастания деревьями и кустарниками, сорными растениями. В соответствии со ст. 8.8 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее — КоАП РФ) [2] использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению, приводит к назначению наказания в виде штрафа. В ст. 23 Федерального закона от 29 июля 2017 года № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] закреплены положения о том, что садовые земельные участки и огородные земельные участки должны использоваться по целевому назначению и в соответствии с их разрешенным использованием при условии соблюдения земельного законодательства, ветеринарных норм и правил, санитарно-эпидемиологических правил и гигиенических нормативов. Вместе с этим следует отметить, что в соответствии с п. 67 Правил противопожарного режима в РФ [6], утвержденных постановлением Правительства РФ, правообладатели садовых и огородных земельных участков обязаны производить

своевременную уборку мусора, сухой растительности и покос травы на таких земельных участках. При этом в соответствии со ст. 20.4 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение требований пожарной безопасности.

Сельскохозяйственные земли в нашей стране находятся под особым контролем государства, который осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере природопользования, Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору, специальным комитетом земельного надзора Росреестра и местной администрации. Эти органы публичной власти могут проводить плановые и внеплановые проверки, в результате которых выявляются факты нецелевого использования земельного участка.

Заброшенный участок земли — это участок, который не используется длительное время и на котором отсутствуют признаки хозяйственной деятельности [8]. Под бесхозным земельным участком в соответствии с п. 1 ст. 225 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [3] можно понимать земельный участок, который не имеет собственника или собственник которого неизвестен, либо от права собственности на который собственник отказался. Заброшенные участки на территории дачных кооперативов, в частном жилом секторе могут неблагоприятно воздействовать на соседние участки. На таких территориях часто возникают стихийные свалки, живут бывшие

домашние животные, кроты и змеи, разрастаются сорняки. В итоге дачники вынуждены тратить время на борьбу с сорняками, обрабатывать посадки химикатами от вредителей.

Если удаётся связаться с владельцем земельного участка, то сначала можно попробовать договориться о выкупе участка, если сосед не заинтересован в его надлежащем использовании. Другим вариантом решения проблем с заброшенными участками земли является обращение в уполномоченные органы. Наиболее эффективными вариантами являются обращения в Росреестр и Россельхознадзор. Какой орган будет проводить проверку зависит от категории и вида разрешенного использования земельного участка. Ещё одним органом, куда возможно обратиться, является противопожарная инспекция, которая проверит участок на соответствии требованиям пожарной безопасности. В обоих случаях требуется составить заявление, в котором указываются контакты, адрес или кадастровый номер участка, доказательства нарушения, требования по устранению.

Согласно ст. 210 ГК РФ и ст. 42 ЗК РФ владелец земли обязан не только поддерживать имущество в безопасном для окружающих состоянии, но и использовать по назначению, не допускать запустения, регистрировать имущество, платить на него налоги и оплачивать услуги. За нарушение норм использования, в том числе запустение участка, отсутствие строительства и хозяйственной деятельности, организацию свалки или нарушение норм пожарной безопасности собственнику участка в соответствии с ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ назначат штраф 0,5–1,5% от кадастровой стоимости, но не менее 10 000 рублей или от 10 000 до 20 000 рублей, если стоимость кадастра не определена.

Если речь идёт о землях сельскохозяйственного назначения, предусмотрены другие санкции. Сами признаки неиспользования таких участков регулируются Постановлением Правительства РФ № 1482 (далее — ПП № 1482) [7]. Собственникам земель, которые соответствуют этим критериям, в соответствии с ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ придётся заплатить в казну государства 0,3–0,5% от её кадастровой стоимости, но не менее 3000 рублей. При этом закон суров — если участок для ведения сельского хозяйства, индивидуального жилищного или иного строительства не используется по назначению более трех лет, его можно изъять у собственника. Этот вопрос регулирует статья 284 ГК РФ.

В случаях, если сосед не известен и не объявляется, можно обратиться в органы местного самоуправления. Именно они

должны заниматься поиском собственников домов, квартир и участков, в том числе дачных, сведения которых отсутствуют в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Если муниципалитет пытался найти собственника заброшенного участка, и не нашел, тогда он обращается в Росреестр с заявлением о признании недвижимости бесхозяйной. Дом или гараж будут находиться в таком статусе еще в течение года. Только через этот промежуток времени после постановки бесхозяйной недвижимости на учет, муниципалитет вправе обратиться в суд о признании объекта муниципальной собственностью. Как уже было подмечено ранее, в ПП № 1482 указаны признаки неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, однако, аналогичного документа для земель садоводства и огородничества законодатель не предусмотрел. В ЗК РФ признаки, по которым можно признать нецелевое или использование земель с нарушением законодательства тоже отсутствуют.

Таким образом, правовая проблема состоит в том, что законодательно необходимо разработать критерии неиспользования земельных участков из земель садоводства и огородничества, чтобы реализовать процедуру их изъятия у недобросовестных правообладателей, земельные участки которых могут навредить смежным участкам соседей.

Также существует перспектива предоставления садовым некоммерческим товариществам (далее — СНТ) и собственникам смежных садовых земельных участков преимущественного права на приобретение «брошенных» земельных участков, если те отправятся на торги после изъятия у прежних собственников в целях экономии бюджетных средств. Всё дело в том, что перед изъятием земельных участков может потребоваться межевание земельного участка. Инициатором такого мероприятия будет выступать муниципалитет, что повлечёт трату бюджетных средств. Вполне вероятно, что потребуется и сплошная инвентаризация земель [5], а это также значительные средства, которые придётся потратить из местного бюджета.

Тем самым, перспектива заключается в том, что СНТ и собственникам смежных земельных участков, которым предоставлено преимущественное право на приобретение, будут за свой счёт реализовывать все необходимые мероприятия. Таким образом, удастся сэкономить бюджетные средства муниципалитета и предоставить возможность расширить свой земельный участок собственникам.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. ст. 4147;
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). ст. 1;
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (первая часть) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 32. ст. 3301;
4. Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). ст. 4766;
5. Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О землеустройстве» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 26. ст. 2582;

6. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. ст. 6059;
7. Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 (ред. от 24.10.2022) «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. ст. 6056;
8. Официальный сайт Правительства Псковской области [Электронный ресурс] URL: <https://pskov.ru/prelease/10.01.22/136246> (дата обращения: 12.11.2023).

Определения терминов «виндикация» и «реституция»

Уральский Илья Артемович, студент
Челябинский государственный университет

Путём обобщения судебной практики и научной литературы сформулированы определения терминам «виндикация» и «реституция».

По мнению автора, видится необходимым введение в Гражданский кодекс Российской Федерации определений рассматриваемым терминам, так как они часто используются в судебных актах, однако зачастую их толкование различается. Также, поскольку наличие данных терминов в рамках отечественного законодательства предполагается Гражданским кодексом, то введение их определений обосновывается и одним из принципов законотворчества — принципом определенности и единства терминологии при законотворчестве.

Изучены различные термины, как, «фактический владелец», «ничтожная сделка», «оспоримая сделка» и пр. Изучены работы таких правоведов, как Гонгало В.М — советский и российский учёный-правовед, доктор юридических наук, профессор, специалист в области гражданского права, Лоренц Д. В. — кандидат юридических наук. Проведён сравнительный анализ норм законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: виндикация, реституция, недействительная сделка, ничтожная сделка, оспоримая сделка, владение.

Definitions of the terms «vindication» and «restitution»

Uralskiy Ilya Artemovich, student
Chelyabinsk State University

By summarizing judicial practice and scientific literature, definitions of the terms «vindication» and «restitution» are formulated.

According to the author, it seems necessary to introduce definitions of the terms in question into the Civil Code of the Russian Federation, since they are often used in judicial acts, but their interpretation often differs. Also, since the presence of these terms within the framework of domestic legislation is assumed by the Civil Code, the introduction of their definitions is justified by one of the principles of lawmaking — the principle of certainty and unity of terminology in lawmaking.

Various terms have been studied, such as «actual owner», «void transaction», «voidable transaction», etc. The works of such jurists as Gongalo V. M. — Soviet and Russian legal scholar, Doctor of Law, professor, specialist in field of civil law, Lorenz D. V. — Candidate of Legal Sciences. A comparative analysis of the norms of legislation of the Russian Federation was carried out.

Keywords: vindication, restitution, invalid transaction, void transaction, voidable transaction, possession.

Вопрос актуален тем, что закон не устанавливает толкования терминов «реституция» и «виндикация», а в научной литературе мнение авторов часто расходятся. В связи с указанным, видится необходимым выработать исчерпывающие определения указным терминам.

Виндикационный иск как способ защиты гражданских прав является одним из наиболее распространённых в гражданском праве. Он направлен на защиту вещных прав.

Однако обладатели не всех вещных прав имеют право на подачу виндикационного иска. Многие правоведы утверждают,

что правом на подачу такого иска обладают лишь собственники вещи.

Так, Д. В. Орешкин указывает, что в современном понимании виндикационный иск представляет собой требование не владеющего имуществом собственника к незаконно владеющему данным имуществом лицу [6].

Как указывает Гонгало В. М., широкое распространение имеет формула «виндикационный иск — это иск невладеющего собственника к владеющему несобственнику». Таким образом, виндикационным признаётся иск невладеющего собственника

к незаконно владеющему несобственнику об изъятии вещи (объекта права собственности) в натуре [8].

Такая же тенденция наблюдается в судебной практике:

– Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 февраля 2010 г. N13944/09: Виндикационный иск представляет собой требование не владеющего вещью собственника к владеющему вещью лицу, не являющемуся собственником;

– Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 февраля 2010 г. N13944/09: Виндикационный иск представляет собой требование не владеющего вещью собственника к владеющему вещью лицу, не являющемуся собственником. Цель предъявления такого иска — возврат конкретной вещи во владение лицу, доказавшему свои права на истребуемое имущество.

Однако, нельзя согласиться с утверждением, что истцом по такому иску может быть только собственник.

Так, в ст. 305 ГК РФ прямо указано, что права на подачу виндикационного иска принадлежат лицу, владеющему имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором. Это лицо имеет право на защиту его владения также против собственника.

Можно сделать вывод, что помимо собственника, иные субъекты гражданского права также могут иметь право истребования имущества из незаконного владения других лиц. Например, это может быть случай с ссуженным имуществом, находящимся у заемщика, или с имуществом, переданным в аренду или субаренду. В таких случаях соответствующие лица, имеющие право на владение имуществом, также могут требовать его возвращения или истребования из незаконного владения.

Так, Д. В. Лоренц утверждает, что юридическим основанием виндикации следует считать право, в силу которого заявитель обладает правомочием владения (в том числе право собственности, право нанимателя, право хранителя и т.д.), поскольку право владения может быть установлено только исходя из конкретного титула [5].

Вывод о том, что правом на подачу виндикационного иска на равнее с собственником обладают лица, имеющие правомочие по владению вещью, также подтверждается судебной практикой.

Так, в пример можно привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.12.2015 N4-КГ15–52, в котором суд пришёл к выводу, что право на виндикацию, помимо собственника, имеет титульный владелец.

Суд, в этом случае, направил на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции дело поскольку судами не установлено наличие у заявителя ни права собственности, ни иного законного основания на владение спорным имуществом.

Податель иска не предоставил достаточных доказательств своего права собственности или наличия оснований для титульного владения на спорное имущество. В результате, судебная коллегия пришла к выводу, что подача виндикационного иска была несоответствующим способом защиты его нарушенного права.

Данная позиция поддерживается и в практике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который ещё в 1997 году указал, что право на истребование имущества из чужого незаконного владения имеет только собственник или иной законный владелец имущества (Пункт 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.04.1997 N13).

Также данная позиция указывалась в следующих судебных актах: Постановление Президиума ВАС РФ от 25.08.1998 N1291/98 по делу N A56–10905/97, Постановление Президиума ВАС РФ от 09.03.1999 N6598/98 и во многих других.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что виндикационный иск, это иск невладеющего титульного владельца или собственника к незаконно владеющему лицу об изъятии индивидуально-определённой вещи в натуре.

Сформулированный термин содержит в себе следующие признаки:

– Истцом может выступать не только лишённый владения над вещью собственник, но и титульный владелец, лишённый владения над переданной ему вещью;

– Ответчиком выступает не только владеющий несобственник, но и владеющий собственник, т.к. судебная практика допускает защиту прав титульных владельцев путём подачи виндикационного иска против собственника, не законно не передающего во владение вещь титульному владельцу;

– Предметом иска является изъятие индивидуально определённой вещи в натуре, т.к. во-первых, на родовые вещи виндикация законом не предусмотрена, во-вторых, для удовлетворения иска спорная вещь должна иметься у ответчика в натуре, в-третьих, право должно быть восстановлено именно путём возврата вещи истцу.

Переходя к рассмотрению понятия «реституция», нужно заметить, что в отечественной научной литературе и исследованиях, по непонятным причинам, не так часто можно встретить определение понятию «реституционный иск».

Это кажется достаточно странным, потому что данный способ защиты гражданских прав весьма распространён, что будет доказано далее.

Из найденных, за основу можно взять следующее определение: «Реституция представляет собой один из способов защиты имущественных прав лиц, выражающийся в обоюдном либо одностороннем возврате имущества или денег, полученных в результате совершения сделки, признанной недействительной» [1].

С указанным термином нельзя не согласиться.

Особо следует подчеркнуть — автор правильно указал на то, что реституция заключается в обоюдном либо одностороннем возврате имущества или денег.

Автор абсолютно правильно выделил из всех объектов граждански прав именно деньги и имущество, что обосновывается нижеизложенным.

Так, согласно статье 128 Гражданского кодекса РФ, в категорию объектов гражданских прав входят различные вещи, в том числе наличные деньги и документарные ценные бумаги, а также другое имущество, включая имущественные права, такие как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Также объек-

тами гражданских прав являются результаты работ и предоставление услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, также известные как интеллектуальная собственность, а также нематериальные блага.

Данный иск по факту предназначен для ликвидации негативных последствий, вызванных недействительной сделкой. Термин «реституция» означает в переводе с латинского языка восстановление, возвращение [7].

Для продолжения раскрытия вопроса необходимо сделать небольшое отступление и кратко рассмотреть положения о недействительности сделок.

Как отмечал И. Б. Новицкий в одном из своих трудов, посвященных недействительности сделок, в римском праве проводилось деление на *nullum* (незаключенные), *nullius* (ничтожные) сделки [4].

В современном законодательстве Российской Федерации имеется следующее правило: «Сделка может быть признана недействительной судом по основаниям, предусмотренным законом (оспоримая сделка), либо она может быть независимо от такого признания ничтожной (ничтожная сделка)». Другими словами, недействительной считается любая сделка, которая не соответствует закону [2].

Однако не сам факт успешного доказывания о недействительности сделки способствует ее восстановлению. Подтверждение судом недействительности сделки влечёт лишь возможность применить последствия недействительности сделки. В ст. 167 ГК РФ установлены правовые последствия недействительной сделки.

Так, устанавливается: при недействительности сделки стороны должны вернуть друг другу все полученное по сделке. Если вернуть полученное в натуре невозможно (например,

если полученное было в форме предоставления услуг или выполнения работ), стороны должны возместить его стоимость, если закон не предусматривает иные последствия недействительности сделки.

Нужно отметить, что суд может в рамках дела обязать одну из сторон вернуть все полученное по сделке на основании обстоятельств дела, в то время как на другую сторону такая обязанность не возлагается (например, при признании недействительным договора дарения, т.к. указанный договор является безвозмездным, а значит даритель ничего не должен возвращать одаряемому, т.к. он ничего от него не получал).

В случаях, когда сделка целенаправленно нарушает основы правопорядка или моральные нормы, Статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации указывает на тот факт, что все имущество, полученное в результате такой недействительной сделки, становится доходом государства (реституция не допускается). В этих случаях суд также имеет право взыскать в доход Российской Федерации все то, что было получено сторонами, действующими умышленно, или применить другие последствия, установленные законом.

Именно требования о применении указанных правовых последствий и считаются реституционным иском.

Исходя из изложенного, видится верным приведённое выше в пример определение реституционного иска. Как подчёркивалось ранее, стоит согласиться с тем, что автор отметил — реституционный иск, это иск о возврате имущества и денег.

Если бы автор заменил слова «имущества и деньги» в приведённом выше определении термином «объекты гражданских прав», то было бы не ясно, как, например, заказчик по договору об оказании услуг вернул бы исполнителю полученную услугу, которая тоже, наравне с деньгами и имуществом, является объектом гражданских прав.

Литература:

1. Алекс, А. А. Проблемы соотношения реституции с другими способами защиты гражданских прав / А. А. Алекс // Юридический факт. — 2019. — № 52. — С. 43–47.
2. Барташевич, Б. В. Недействительные сделки и признание сделок недействительными / Б. В. Барташевич, А. Е. Ладыка // E-Scio. — 2019. — № 6(33). — С. 619–624.
3. Гонгало Б. М. Гражданское право: в 2 т., Т. 1: учебник / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.]; под ред. Б. М. Гонгало. — 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2018. — 528 с. — ISBN978-5-8354-1440-6. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1014800> (дата обращения: 08.01.2022). — Режим доступа: по подписке. Стр. 306
4. Куртапов, А. С. Институт недействительности сделок: история развития и современное понимание / А. С. Куртапов // Наука через призму времени. — 2019. — № 1(22). — С. 111–114.
5. Лоренц, Д. В. Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации: монография / Д. В. Лоренц. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 164 с. — (Научная мысль). — ISBN978-5-16-004845-1. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1223243> (дата обращения: 08.01.2022).
6. Орешкин Д. В. Элементы виндикационного иска и условия для его удовлетворения // Наука без границ, 2017. № 10 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-vindikatsionnogo-iska-i-usloviya-dlya-ego-udovletvoreniya> (дата обращения: 08.01.2022).
7. Смоленский, М. Б. Проблемы недействительности сделок в гражданском праве: односторонняя и двусторонняя реституция, недопущение реституции / М. Б. Смоленский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 5(120). — С. 91–94.
8. Гражданское право: в 2 т., Т. 1: учебник / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.]; под ред. Б. М. Гонгало. — 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2018. — 528 с. — ISBN978-5-8354-1440-6. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1014800> (дата обращения: 08.01.2022). — Режим доступа: по подписке. Стр. 306

О необходимости введения изменений в законодательство о порядке обращения в суды с требованиями о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности сделки

Уральский Илья Артемович, студент
Челябинский государственный университет

Рассматриваются основные положения законодательства о реституционном требовании в случае признания сделки недействительной.

По мнению автора, из положений закона, позволяющих заявлять лицами требование о признании сделки недействительной отдельно от требования о применении последствий недействительности сделки (т.е. отдельно от реституционного требования), вытекает как минимум несколько проблем: 1 — невозможность заявления в последующем реституции истцом в связи с истечением срока исковой давности по этому требованию пока шло разбирательство по спору о признании сделки недействительной; 2 — наличие выявленного в законе правового механизма, позволяющего истцам получить неосновательное обогащение по средствам иска о признании сделки недействительной и о применении реституции только в отношении имущества, переданного по такой сделке ответчику.

Для ответа на вопрос, изучены такие термины, как, «недействительная сделка», «ничтожная сделка», «оспоримая сделка», «реституция», «исковая давность» и пр. Изучены работы таких правоведов, как Смоленского Михаила Борисовича — доктора социологических наук, кандидата юридических наук, профессора кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета, Подвального И. О. — председателя судебного состава арбитражного суда Северо-Западного округа. Проведён сравнительный анализ норм законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: недействительная сделка, ничтожная сделка, оспоримая сделка, реституция, исковая давность, шикана.

On the need to introduce changes to the legislation on the procedure for applying to the courts with demands to recognize a transaction as invalid and to apply the consequences of the invalidity of the transaction

Uralskiy Ilya Artemovich, student
Chelyabinsk State University

The main provisions of the legislation on a restitution claim in the event of a transaction being declared invalid are considered.

According to the author, at least several problems arise from the provisions of the law that allow persons to declare a demand for recognition of a transaction as invalid separately from the requirement to apply the consequences of the invalidity of the transaction (i.e., separately from the restitution claim): 1 — the impossibility of subsequently declaring restitution by the plaintiff in due to the expiration of the statute of limitations on this claim while the dispute over the invalidation of the transaction was ongoing; 2 — the presence of a legal mechanism identified in the law that allows plaintiffs to obtain unjust enrichment through a claim to declare the transaction invalid and to apply restitution only in relation to the property transferred to the defendant under such a transaction.

To answer the question, terms such as «invalid transaction», «void transaction», «voidable transaction», «restitution», «limitation of actions», etc. were studied. The works of such jurists as Mikhail Borisovich Smolensky — Doctor of Sociology — were studied Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Law, Don State Technical University, Podvalny I. O. — Chairman of the judicial staff of the Arbitration Court of the North-Western District. A comparative analysis of the norms of legislation of the Russian Federation was carried out.

Keywords: invalid transaction, void transaction, voidable transaction, restitution, limitation period, chicane.

При изучении законодательства и судебной практики о недействительности сделки и о реституции как способе защиты нарушенного права, можно столкнуться со следующими вопросами:

1. Если обстоятельства дела позволяют заявить иск о применении двухсторонней реституции, не будет ли способствовать злоупотреблению права и неосновательному обогащению со стороны истца дозволение закона о возможности заявить реституцию лишь в виде возврата всего полученного по недействи-

тельной сделке только ответчиком (т.е. возможность заявить реституцию о возврате всего полученного только ответчиком там, где возможен возврат полученного обеими сторонами)?

2. Ввиду отсутствия указания в законе на сторгию необходимость вместе с требованием о признании сделки недействительной заявлять требование о реституции, не поучиться ли так, что в итоге, признав сделку недействительной, истец лишится реальной возможности восстановления нарушенных прав путём применения последствий недействительности

сделки из-за банального пропуска им короткого срока исковой давности?

Возможно, гражданское законодательство требует внесения некоторых изменений ввиду того, что для ответа на указанные вопросы необходим глубокий анализ законов и судебной практики?

Для ответа на это вопрос, во-первых, необходимо рассмотреть понятие реституционного иска.

В отечественной научной литературе и исследованиях, по непонятным причинам, не так часто можно встретить определение понятию «реституционный иск». В законе это понятие указанного термина также отсутствует, несмотря на то, что этот термин обширно применяется в судебной практике.

Из найденных, за основу можно взять следующее определение: «Реституция представляет собой один из способов защиты имущественных прав лиц, выражающийся в обоюдном либо одностороннем возврате имущества или денег, полученных в результате совершения сделки, признанной недействительной» [1].

Данный иск по факту предназначен для ликвидации негативных последствий, вызванных недействительной сделкой. Термин «реституция» означает в переводе с латинского языка восстановление, возвращение [5].

Для продолжения раскрытия вопроса необходимо сделать небольшое отступление и кратко рассмотреть положения о недействительности сделок.

Как отмечал И. Б. Новицкий в одном из своих трудов, посвященных недействительности сделок — в римском праве проводилось деление на *nullum* (незаклученные), *nullius* (ничтожные) сделки [3].

В современном законодательстве Российской Федерации действует следующее правило: «Сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания её таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)». Иными словами, недействительной сделкой является та или иная сделка, не соответствующая закону [2].

Недействительные сделки делаются на оспоримые и ничтожные. Оспоримость и ничтожность, это не что иное, как основание для признания сделки недействительной.

Однако способствует восстановлению не сам факт успешного доказывания о недействительности сделки. Подтверждение судом недействительности сделки влечёт лишь возможность применить последствия недействительности сделки.

Для рассмотрения указанных вопросов, особо следует отметить вышеизложенную мысль о том, что способствует восстановлению не сам факт успешного доказывания о недействительности сделки. Подтверждение судом недействительности сделки влечёт лишь возможность применить последствия недействительности сделки.

Однако, изучая судебную практику, часто можно найти решения судов о признании сделки недействительной и о возврате предоставления по недействительному договору одной из сторон сделки, без возврата предоставления второй стороной, хотя обстоятельства дела и позволяли применить реституцию в виде возврата всего полученного обеими сторонами.

Однако, могут ли такие решения способствовать возвращению сторон в положение, существовавшее до нарушения права? Не повлечёт ли это неосновательного обогащения со стороны Истца?

Верным видится следующий ответ — если реституция в виде возврата всего полученного обеими сторонами возможна, то её необходимо заявлять только одновременно с иском о признании сделки недействительной. В противном случае, на стороне истца может возникнуть неосновательное обогащение ввиду невозможности заявления ответчиком о возврате всего полученного истцом по сделке.

Как указал Подвальный И. О., председатель судебного состава Арбитражного суда Северо-Западного округа: «Истец, как правило, в принципе не заинтересован в реституции не своего имущества и не заявляет требование о применении последствий недействительности сделки» [4].

Рассмотрим такую ситуацию на следующем примере, когда Истец, добившись признания оспоримого договора купли-продажи недвижимости недействительным, сумел и вернуть переданное им (истцом) в пользу ответчика недвижимое имущество, и оставить себе 30 000 000 рублей, полученных им от ответчика по этой недействительной сделке в качестве оплаты за недвижимое имущество.

Так, по делу № А40-105571/12 оспоримая сделка была признана недействительной.

Истец (ЗАО «Гипропласт-инжиниринг») ссылался на то, что ответчик (ООО «УК «Содружество») приобрело недвижимость за 30 000 000 руб. на основании договора купли-продажи от 02.04.2012 г. и его право собственности было зарегистрировано в ЕГРП. Истец указывает на то, что Общество никогда и ни с кем не заключало сделку по отчуждению недвижимости, в том числе с указанными ответчиками.

Заявитель указал, что сделка по отчуждению недвижимости по договору купли-продажи от 02.04.2012 на основании которой в ЕГРП на данное имущество было зарегистрировано право собственности ответчика, является недействительной, притом совершенной без воли на то истца как собственника имущества. Также, истец указал, что указанная сделка повлекла значительные убытки, т.к. имущество, переданное по договору, стоит гораздо дороже, чем за него получил истец — 30 000 000 рублей.

Возражений о том, что цена договора в размере 30 000 000 рублей, была получена Истцом, никто не высказывал. Более того, этот факт подтверждался материалами дела.

Суд апелляционной инстанции указал, что обстоятельства дела свидетельствуют об очевидной недобросовестности ответчика и признаках схемы, направленной на незаконное изъятие помещения из собственности ЗАО «Гипропласт-инжиниринг», на основании чего признал сделку недействительной, а переданное имущество по ней указал вернуть истцу.

Вопрос о судьбе 30 000 000 рублей не рассматривался.

В дальнейшем, сторона этой сделки (ответчик в рамках дела А40-105571/12) обратилась в суд за применением реституции: «ООО «УК «Содружество» обратилось в Арбитражный суд с иском к ЗАО «Гипропласт-инжиниринг» о применении последствий недействительности сделки — Договора купли-продажи от 02.04.2012 г., а именно, взыскании 30 000 000 рублей».

Спору присвоен номер А40–29304/2015.

Ответчик — ЗАО «Гипропласт-инжиниринг» заявил о пропуске срока исковой давности.

Истец возражал, указав, что о нарушенном праве он узнал лишь после вынесения решения по делу А40–105571/12 о признании оспоримой сделки недействительной, т.е. в течение года с момента вступления в силу указанного решения.

Однако, суд встал на сторону ответчика, указав следующее: «Учитывая установленные судебным актом по делу № А40–105571/12 обстоятельства, суд приходит к выводу, что с момента совершения спорной сделки и ее исполнения путем перечисления денежных средств ответчику истец знал об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

А следовательно, начиная с 02.07.2012 г. истец вправе был потребовать применения последствий недействительности сделки в срок, установленный ст. 181 ГК РФ. В связи с чем, довод истца о том, что о недействительности сделки он узнал только после принятия Девятым арбитражным апелляционным судом постановления от 01.07.2014 г. по делу № А40–105571/12, суд считает несостоятельным.

Истец обратился с иском в суд 19.02.2015 г., т.е. с пропуском срока исковой давности»

Иными словами, суд решил, что если истец знал о том, что сделка недействительна, в момент начала её исполнения (в данном случае с момента перечисления денежных средств ответчику), то и срок исковой давности по реституционному требованию начинает течь с момента начала исполнения такой сделки (см. решение арбитражного суда г. Москва от 17.09.2015 по делу № А40–29304/15).

Таким образом, истец вернул и проданное им по сделке имущество и оставил за собой 30 000 000 рублей, полученных по оспоренной им сделки от ответчика в счёт проданного имущества.

При этом, в рамках рассмотрения дела по иску ООО «УК» «Содружество» о возврате 30 000 000 рублей, истец указывал, что при рассмотрении предыдущего дела о признании сделки недействительной вопрос о применении последствий недействительности сделки в виде возврата Обществу с ограниченной ответственностью «Управляющая компания «Содружество» денежных средств в размере 30 000 000 рублей не был разрешен.

Думается, что с одной стороны, при том условии, что суды установили недобросовестность покупателя, то видется правильным исчисление срока исковой давности, ведь уже с момента совершения сделки покупатель знал, что если сделка признана недействительной, то в соответствии с пунктом 2 статьи 181 Гражданского кодекса РФ срок исковой давности для требования о реституции начинает исчисляться с момента, когда истец узнал или должен был узнать о фактах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

С другой стороны, это даёт истцу по иску о признании сделки недействительной возможность «обезопасить» себя от реституции и сохранить полученные им по этой сделке от ответчика имущества.

Например, с учётом того, что в силу п. 2 ст. 181 ГК РФ, срок исковой давности о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности сделки составляет 1 год, истец может заявиться в крайние сроки исковой давности с таким требованием. Более того, закон не обязывает заявлять его о реституции в виде возврата полученного обеими сторонами сделки. Он может требовать возврата всего полученного только с ответчика, в то время как обстоятельства дела допускают возврат всего полученного обеими сторонами.

Таким образом, если требование о признании сделки недействительной будет удовлетворено судом, вопреки возражениям ответчика, и будет применена реституция в виде возврата всего полученного ответчиком истцу, то к моменту вынесения решения ответчик не сможет возратить себе всё переданное по сделке им в пользу истца, т.к. срок исковой давности, очевидно, ответчиком будет пропущен, как это случилось в вышеуказанном примере.

По итогу, получится ситуация, где истец добьётся возврат полученного ответчиком по сделке имущества, и создаст ситуацию, при которой, грамотно действуя с учётом сроков исковой давности, ответчик не сможет истребовать с истца полученное последнее имущество в рамках недействительной сделки.

Это, в свою очередь, говорит о том, что Ответчику ничего не остаётся, кроме как в пределах срока исковой давности, даже если остаётся только один день, заявлять встречный иск о возврате всего полученного по сделке истцом, даже если он не признаёт иск о признании сделки недействительной, ведь в случае признания судом сделки недействительной, к моменту вынесения решения ответчик пропустит срок исковой давности.

В свою очередь, заявление такого встречного иска может создать ложное впечатление суда о том, что ответчик знает о недействительности сделки, но не признаёт этого в суде.

Думается, что наличие правовой возможности создать такую ситуацию может породить недобросовестное поведение со стороны истцов, направленное, в первую очередь, не на восстановление нарушенного права, а на попытку обогащения путём применения последствий пропуска исковой давности ответчиком.

Такое поведение может свидетельствовать лишь о факте, который именуется «шикана» — факт осуществления своих субъективных прав лишь с целью причинения вреда другому лицу [6].

Такая правовая уловка особо часто может начать применяться в банкротных делах арбитражными управляющими, которые заинтересованы в увеличении конкурсной массы банкротившегося лица. Более того, не исключается такое поведение и со стороны кредиторов, во вред другим кредиторам.

Конечно, в суде можно пробовать доказать наличие злоупотребления правом со стороны истца и применить п. 2 ст. 10 ГК РФ, согласно которому суд может отказать в судебной защите лицу, злоупотребившему своим правом. Однако, и для суда, и для сторон обоснование указанного довода будет слишком сложным. Более того, «злоупотребление правом» — слишком оценочная категория. Ввиду чего видится необходимость урегулировать данный вопрос на законодательном уровне.

Учитывая вышеизложенное, в ст. 166 ГК РФ предлагается ввести дополнительный пункт следующего содержания: «Лицо,

обратившееся с требованием о признании сделки недействительной, должно одновременно с таким требованием заявить требование о применении последствий недействительности сделки. При этом, если согласно обстоятельствам спора, допускается возврат всего полученного по сделке всеми сторонами недействительной сделки, то не допускается заявление требования о возврате полученного по сделке только одной стороной. При несоблюдении указанного требования, суд, арбитражный суд или третейский суд, может отказать лицу в защите принадлежащего ему права.

Если лицо считает, что применение последствий недействительности сделки невозможно в силу закона, оно должно это обосновать».

Примечательно, что такую мысль продемонстрировал ФАС Дальневосточного округа в постановлении от 21.04.2010 N Ф03-1605/2010 по делу N А51-4192/2009: «Признавая договор от 01.04.2008 недействительным, суды обеих инстанций установили, что спорный договор заключен со стороны управляющей компании лицом, не обладающим на то полномочиями. При этом, отказывая в применении последствий недействительности сделки, суды исходили из того, что управляющая компания просила о применении односторонней реституции в нарушение требований статьи 167 ГК РФ, согласно которой при недействительности сделки каждая из сторон обязана возратить другой стороне все полученное по сделке (двусторонняя реституция)».

Кроме того, ВС РФ имеет склонность к такой логике, что можно увидеть на примере определения СКЭС ВС РФ от 18.08.2020 №№ 309-ЭС20-9064.

В рамках дела А76-4808/2019 истец, компания ООО «ПКФ «Савойя», обратился в суд с иском к компании ООО «НПО «Вектор». Он требовал расторгнуть договоры поставки и купли-продажи, а также взыскать задолженность в размере 3 474 000 рублей.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, но апелляционная и кассационная инстанции изменили это решение и удовлетворили исковые требования.

Не согласившись с этим, ответчик — общество «Вектор», обратился с жалобой в ВС РФ, среди прочего указав на то, что, расторгая договоры и взыскивая с ответчика денежные средства, уплаченные истцом за товар в полной сумме, судом апелляционной инстанции не решен вопрос об обязанности истца возратить находящийся в его владении товар.

Указанный довод ВС РФ счёл подлежащим вниманию.

Как было установлено судами, Ответчик продал Истцу автоцистерну (далее — ТС), однако в последующем, ГИБДД аннулировало регистрацию указанного ТС из-за нарушения ответчиком порядка сертификации ТС, в связи с чем истец и потребовал расторжения договоров и возврат уплаченной за товар суммы в размере 3 474 000 руб.

Однако, ВС РФ указал: «В то же время, судами не учтено следующее.

В соответствии с пунктом 2 статьи 453 Гражданского кодекса РФ при расторжении договора обязательства сторон прекращаются. Однако, если иное предусмотрено законом, договором или вытекает из существа обязательства, расторжение договора может привести к неосновательному приобретению или сбере-

жению имущества одной из сторон (глава 60 Гражданского кодекса РФ).

При рассмотрении спора о расторжении договора поставки суд должен рассмотреть вопрос о возврате переданного покупателю имущества продавцу, поскольку сохранение имущества за покупателем нарушает эквивалентность встречных предоставлений сторон. Это означает, что суд должен урегулировать вопрос о возврате товара независимо от того, предъявляет ли продавец соответствующее требование».

Такой подход видится применимым и к порядку реституции в случае заявления требования о признании сделки недействительной. Более того, он подтверждает выраженные в данной работе доводы о недопущении неосновательного обогащения одной из сторон недействительной сделки.

Если суды будут рассматривать требование о возврате всего полученного в рамках недействительной сделки истцом, не зависимо от того, заявлено ли об этом ответчиком, то такой подход решит обозначенную проблему и пресечёт возможность злоупотребления правом со стороны истца в виде возможности приобретения неосновательного обогащения по средствам правового механизма, описанного выше.

Следует отметить, что такой подход уже сформулирован в п. 80 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», однако вышеуказанные примеры из судебной практики, как и сам факт рассмотрения указанного вопроса в ПП ВС, подтверждают необходимость внесения предложенных изменений в законодательство.

Отвечая на второй вопрос, необходимо также рассмотреть какую-либо ситуацию.

Можно смоделировать ситуацию, при которой истец заявил требование о признании оспоримой сделки недействительной 01 февраля 2022 года. При этом, истец рассчитывал подать иск о возврате всего полученного по сделке после рассмотрения иска о признании сделки недействительной или не знал, что такое требование должно быть заявлено как самостоятельное.

Пока шёл суд, прошёл год, и решение было принято 01 марта 2023 года.

После вступления решения суда в силу через месяц, в апреле 2023 года, Истец заявляет реституционное требование о возврате сторонами всего полученного по сделке.

Однако, в силу того, что со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной, прошло более одного года, то на основании п. 2 ст. 181 ГК РФ, ответчик заявляет о применении последствий пропуска срока исковой давности в виде отказа в удовлетворении иска.

Суду ничего не остаётся, кроме как отказать в иске.

В итоге, хоть сделка и была признана недействительной, восстановления нарушенного права истца так и не произошло.

Такая ситуация видится особенно возможной в случае обращения с иском в суд гражданином, не знающим тонкости материального права.

И снова возникает вопрос — какой смысл от признания сделки недействительной без применения реституции, когда

в рамках сделки имело место быть исполнение и, соответственно, предполагается возврат полученного по ней имущества и денег в случае признания сделки недействительной? Какие в этом случае нарушенные права истца будут восстановлены? Ведь истец должен доказать нарушение его права, которое будет восстановлено при удовлетворении иска.

Таким образом, данный пример снова наглядно показывает, что предложенное внесение дополнительного пункта в ст. 166 ГК РФ видится практичным, т.к. такие ситуации будут исключены, ведь истец просто не сможет подать требование о признании сделки недействительной отдельно от реституционного требования о применении последствий недействительности сделки.

Литература:

1. Алекс, А. А. Проблемы соотношения реституции с другими способами защиты гражданских прав / А. А. Алекс // Юридический факт. — 2019. — № 52. — С. 43–47.
2. Барташевич, Б. В. Недействительные сделки и признание сделок недействительными / Б. В. Барташевич, А. Е. Ладыка // E-Scio. — 2019. — № 6(33). — С. 619–624.
3. Куртапов, А. С. Институт недействительности сделок: история развития и современное понимание / А. С. Куртапов // Наука через призму времени. — 2019. — № 1(22). — С. 111–114.
4. Подвальный И. О. Судебная практика по искам об оспаривании торгов (закупочных процедур) и контрактов, проведенных и заключенных в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 N44-ФЗ // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2019. N1. С. 19–39.
5. Смоленский, М. Б. Проблемы недействительности сделок в гражданском праве: односторонняя и двусторонняя реституция, недопущение реституции / М. Б. Смоленский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 5(120). — С. 91–94.
6. Шашерина, Е. П. Шикана как форма злоупотребления правом / Е. П. Шашерина. — Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 133–137. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/7880/> (дата обращения: 20.11.2023)

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 48 (495) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 13.12.2023. Дата выхода в свет: 20.12.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.